

М-472 022  
А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

---

ТРУДЫ КОМПССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА

XXV

А. П. ЧЕРНЫШ

**РАННИЙ И СРЕДНИЙ  
ПАЛЕОЛИТ  
ПРИДНЕСТРОВЬЯ**



---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А. П. ЧЕРНЫШ

РАННИЙ И СРЕДНИЙ  
ПАЛЕОЛИТ  
ПРИДНЕСТРОВЬЯ



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена характеристике древнейших памятников истории Приднестровья, относящихся ко времени раннего и среднего палеолита. Этот период существования человеческого общества, хронологически являвшийся наиболее длинным, был важным этапом в его развитии. Основным отличием человеческого общества от животного мира является труд, который начинается, как писал Ф. Энгельс, с изготовления орудий\*. Появившиеся в начальную пору существования человека и человеческого общества орудия труда в дальнейшем усовершенствовались. Несколько позже, в среднепалеолитическое время, человек освоил огонь, что было величайшим прогрессивным явлением в развитии человеческой культуры. В этот же период возникло родовое общество — стержень первобытной истории; в среднем палеолите человек научился сооружать долговременные жилища, которые давали защиту от холода в зимнее время. Одновременно развивался и усовершенствовался также физический тип человека.

Все это говорит о том, что эпоха раннего и среднего палеолита была важным закономерным этапом в развитии человеческого общества.

Предлагаемая работа базируется на известных в настоящее время материалах по раннему и среднему палеолиту территории Приднестровья. Стержнем работы являются материалы, полученные автором во время исследований палеолита Днестра, проведенных в 1946—1963 гг. Во время этих работ, помимо изучения позднепалеолитических стоянок, большое внимание уделялось также исследованию памятников раннего и среднепалеолитического времени.

Так, например, во время раскопок многослойных стоянок Молодова V и Молодова I на большой площади были изучены остатки мустьерских поселений. Разнообразные по составу и количеству культурные остатки этих поселений являются ключом к пониманию характера развития мустьерской культуры на территории Приднестровья. Они также помогают по-новому подойти к пониманию ряда проблем древнейшей истории человеческого общества вообще.

---

\* Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 491.

Настоящая работа выполнялась автором в Институте общественных наук АН УССР. Автор выражает благодарность руководству института и коллективу отдела археологии за помощь в работе. Кроме того, автор выражает благодарность Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, принимавшей постоянное и деятельное участие в полевых работах на Днестре и изучении геологических условий залегания днестровских палеолитических стоянок. Дружная работа археологов, геологов и палеонтологов дала возможность комплексным путем решить многие ранее неясные вопросы древнейшей истории населения Приднестровья.

## Глава I

### ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И УСЛОВИЯ НАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Первые данные о наличии в Приднестровье кремневых изделий, предшествующих позднепалеолитическому времени, относятся еще к концу прошлого столетия. А. Мортилье опубликовал широкую пластину архаического облика с крупным ударным бугорком, которая с 80-х годов прошлого столетия сохранялась во Львовском музее Дидушицких. Этот предмет был обнаружен в долине р. Серет в окрестностях с. Чистопады у Заложцов, Тернопольской обл. УССР, на глубине 4 м от поверхности, в песчаном аллювии. Мортилье отнес его к леваллуазским пластинам ашельского времени (Mortillet, 1909).

В литературе принадлежность этой находки к нижнему палеолиту вызвала возражения. С. Круковский отнес ее к позднепалеолитическому времени, считая, что она полностью сходна с пластинами с подтеской стоянок Костенки, Пржедмости и других позднепалеолитических стоянок (Krukowski, 1939—1948).

Большое количество достоверных данных о нижнепалеолитических и среднепалеолитических находок на территории Приднестровья стало поступать, начиная с 20-х годов настоящего столетия, когда на ряде участков проводились разведовательные работы по изучению памятников древнего каменного века.

В 1923—1929 гг. во время работ львовских геологов в Приднестровье был открыт ряд месторождений среднепалеолитического времени — Ивановка, Букивна, Бильче Золотое и др. (Полянський, 1929; Черныш, 1954; Борисковский, 1953; Kozłowski, 1939). На каждом из них собран небольшой подъемный материал. В районе с. Касперовцы кремневые изделия, обнаруженные в лёссах, сопровождалась остатками фауны.

Следующая группа мустьерских стоянок и местонахождений была открыта в 1928—1931 гг. на правом берегу Днестра, на территории современных Черновицкой обл. УССР и Молдавской ССР румынскими геологами И. Ботезом (Botez, 1930, 1933, р. 408—410) и Н. Морошаном (Moroşan, 1938, р. 96). Эти исследователи обнаружили мустьерские кремни в сопровождении костей мамонта и других животных в обнажениях у с. Молодова Кельменецкого р-на Черновицкой обл., а также у с. Наславча Атакского р-на МССР.

Местонахождение в центре с. Молодова, близ церкви, в устье оврага Байлова, дало при этом наиболее интересный материал. Небольшими раскопками здесь был вскрыт на глубине 8—5 м от поверхности культурный слой позднемустьерского времени с остатками мамонта и угольками.

В литературе имеются указания о находке Н. Морошаном еще двух пунктов мустьерского времени.

П. И. Борисковский в своей монографии «Палеолит Украины», ссылаясь на одну опубликованную в 1929 г. работу Н. Морошана, отмечает, что этот исследователь открыл у с. Наславча два местонахождения, где в переотложенном состоянии были собраны материалы мустьерского времени — скребло, дискообразный нуклеус, отщепы (Борисковский, 1953, стр. 68).

Эта ссылка, очевидно, является ошибочной, так как если в указанной работе Н. Морошана действительно отмечаются скребки и другие кремневые изделия из таких пунктов, как Куцый яр, Карпов яр, Рябой яр (Могошан, 1929), то в тексте работы речь идет о кремневых изделиях мезолитического и макролитического характера. Кроме того, в сводной работе Н. Морошана, опубликованной в 1938 г., во время описания мустьерских местонахождений нет ссылок на отмеченные пункты, как на мустьерские.

Открытие следующей группы мустьерских местонахождений связано с именем украинского археолога М. Я. Рудынского, который во время своих многолетних работ в Приднестровье, производившихся в 1927—1931 гг., открыл серию позднепалеолитических стоянок и местонахождений (Рудинский, 1929). Два из них (Сокол I, Старая Ущица) можно отнести к среднему палеолиту.

Значительно больше данных о нижнем и среднем палеолите Днестра было получено в ходе исследований, производившихся в годы после второй мировой войны. В это время, кроме разведочных работ, были также произведены стационарные исследования ряда памятников путем раскопок на широкой площади.

Среди осуществленных за послевоенные годы исследований в первую очередь отметим работы Г. П. Сергеева возле с. Выхватинцы Рыбницкого р-на Молдавской ССР. Здесь, в овраге Рипа Мафтея\*, который прорезает третью надпойменную террасу Днестра, были найдены кости ископаемых животных (Сергеев, 1950; Зубарева, 1949) и кремневый инвентарь, дающий основание отнести эти материалы к мустьерскому времени\*\*.

П. И. Борисковский отмечал, что встреченные в Рипе Мафтея кремневые изделия и типичная ледниковая фауна подтверждают мустьерскую датировку материалов (Борисковский, 1953, стр. 62).

Несколько других местонахождений допозднепалеолитического времени на Днестре было обнаружено П. И. Борисковским, который в 1946—1948 гг. производил в данном районе разведочные работы. Среди описанных этим исследователем местонахождений в первую очередь отметим Луку-Врублевецкую, открытую П. И. Борисковским совместно с С. Н. Бибиковым в 1946 г. В 1947 г. местонахождение дополнительно изучалось П. И. Борисковским, а позже автором.

Здесь на современном бичевнике левого берега Днестра, на площади длиной около 400 м и шириной 20—30 м, среди многочисленных кремневых обломков было собрано около 50 кремней, которые, по мнению П. И. Борисковского, являются несомненными раннепалеолитическими изделиями.

Во время разведок на Днестре П. И. Борисковский открыл второе местонахождение у Луки-Врублевецкой в 1 км ниже по Днестру от

\* В конце 1946 г. были произведены работы по консервации навеса. В этих работах, кроме Г. П. Сергеева, принимал участие также автор.

\*\* Кремневые изделия из данного пункта имеют следы окатанности. Как показало обследование навеса осенью 1946 г., культурные остатки здесь были обнаружены в ленте намыва вместе с остатками современных ракушек, что, по мнению геолога Г. Поручика, свидетельствует о переотложенности материалов.

предшествующего, в аналогичных условиях залегания. Здесь были найдены отщепы архаического облика, несколько мало выразительных находок и рубило. Эти материалы были им отнесены к ашельско-мустьерскому времени (Борисковский, стр. 63). Кроме того, П. И. Борисковский собрал кремни мустьерского облика в районе г. Хотина Черновицкой обл. (также на бичевнике) и в окрестностях с. Субботовка Могилев-Подольского р-на на поверхности 80-метровой террасы.

Еще одно раннепалеолитическое местонахождение на Днестре было открыто в 1948 г. геологом Г. И. Раскатовым возле с. Букивна Городенковского р-на Ивано-Франковской обл. УССР. Здесь им было обнаружено около двадцати архаических по облику отщепов и обломков.

По мнению П. П. Ефименко, некоторые отщепы имеют древний облик, но повреждены добавочной обтеской в более позднее время, а остальные относятся к позднему палеолиту (Раскатов, 1953, 1954, стр. 73—74).

Серия других местонахождений раннепалеолитического и среднепалеолитического времени была обнаружена автором во время исследований палеолита Днестра в 1946—1962 гг. Разведочные работы производились при этом как на правом, так и на левом берегах Днестра, а также частично в районе его правобережных притоков (р. Реут с притоками). Во время этих разведок были также обследованы открытое П. И. Борисовским и С. Н. Бибиковым местонахождение у с. Луки-Врублевецкой и открытое М. Я. Рудынским местонахождение у с. Сокол, где были собраны новые, дополнительные материалы, позволяющие более точно подойти к датировке этих местонахождений. Кроме того, открыты новые стоянки и местонахождения, описываемые ниже (Черныш, 1950а, 1950б, 1952, 1954, 1956, 1960).

Всего было обнаружено 36 местонахождений кремневых изделий нижнепалеолитического и мустьерского времени. Это давало известные перспективы для постановки вопроса о проведении на этой территории стационарных исследований палеолитических памятников древнейшей поры.

Первые работы в этом направлении были осуществлены автором в 1955 г. в окрестностях с. Молодова Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР, когда были начаты стационарные исследования палеолитической стоянки в Байловом овраге, названной нами Молодова I.

Задачей раскопок 1955 г. было изучение верхнепалеолитических слоев стоянки, которые в 1954 г. были прослежены в стенке оврага геологом И. К. Ивановой (Иванова, 1958, 1959; Черныш, 1958, 1959). В 1956 г. на участке раскопок предыдущего года с целью проверки сведений И. Ботеза о наличии здесь мустьерских остатков был заложен шурф до глубины 18 м, но не на том участке, где мустье наблюдал И. Ботез (устье Байлова оврага), а на расстоянии около 100 м вверх от устья.

Таким образом, шурф был расположен на новой точке — на внутреннем крае второй надпойменной террасы, образующей здесь покатую поверхность относительной высоты 25—35 м.

Культурные остатки мустьерского времени были встречены в этом шурфе на глубине 10,5—11,5 м в светло-серых суглинках. Кроме кремневых изделий, здесь были найдены крупные кости мамонта (зуб, бивни), северного оленя, лося, оленя неуточненного вида (определение Е. А. Вангенгейм) и остатки раковин и моллюсков. Кремневые изделия состояли из отщепов, нескольких пластин и обломка нуклеуса.

Данные шурфа 1956 г. были отправной точкой для дальнейших исследований на этом участке стоянки Молодова I, так как были получены реальные факты, свидетельствующие о наличии здесь мустьерского поселения. В последующие годы (1957—1961, 1963) в этом пункте велись значительные раскопочные работы, давшие возможность изучить

культурный слой мустьерских поселений на площади около 400 м<sup>2</sup> и обнаружить здесь остатки интереснейшего мустьерского жилища.

Вторым мустьерским памятником открытого типа, исследованным в окрестностях с. Молодова, была многослойная стоянка Молодова V, открытая автором в 1948 г. Эта стоянка расположена у западной окраины с. Молодова на мысу Голый Щовб, представляющем собой выположенный склон ко второй террасе Днестра. В отличие от стоянки Молодова I, где раскопки велись по борту оврага, раскоп был расположен здесь на ровной, слегка покатой поверхности мыса. В предыдущие годы на стоянке Молодова V изучались позднепалеолитические слои — десять последовательно расположенных культурных слоев, захватывающих время от развитого эолитре до раннего мезолита азийского типа. В 1955 г. контрольными шурфами, заложенными на площади позднепалеолитических поселений, были обнаружены первые следы более ранней культуры. В 1958 г. вокруг наиболее насыщенного остатками шурфа был разбит небольшой раскоп, давший возможность установить здесь остатки двух разновременных мустьерских поселений, расположенных на глубине около 9,5 и 10 м от поверхности.

В 1960—1962 гг. в этом пункте были произведены дальнейшие раскопочные работы, давшие возможность изучить здесь мустьерские поселения на площади около 250 м<sup>2</sup>. Результаты этих исследований изложены ниже.

Таким образом, общая площадь мустьерских поселений, исследованных в районе стоянок Молодова I и Молодова V, достигает 650 м<sup>2</sup>.

Условия залегания мустьерских слоев стоянок Молодова I и Молодова V чрезвычайно близки, что дает твердые критерии для их сопоставления между собой и для сравнения материалов культурных слоев этих поселений.

Осуществленные на Днестре исследования мустьерских поселений открытого типа дают возможность связать культурные остатки этого времени с определенными геологическими данными в целях уточнения геологической датировки палеолита этого района путем увязки культурных остатков мустьерского времени с соответствующими отложениями второй надпойменной террасы Днестра. Геологические наблюдения на Днестре дают также известный материал для решения вопроса о геологическом возрасте палеолита юга русской равнины.

Учитывая большое стратиграфическое значение молодовских стоянок в связи с их многослойностью и возможностью привлечения геологических наблюдений для решения проблемы датировки среднего палеолита и всего палеолита в целом (Черныш, 1959, 1961а, 1961б), одновременно с археологическим изучением стоянок производилось и их геологическое изучение:

Систематические работы по изучению геологических условий залегания многослойных стоянок Приднестровья на протяжении многих лет проводила И. К. Иванова. Результатам систематических исследований посвящена серия работ Ивановой (1958, 1959, 1960, 1961а, 1961б, 1961в, 1962).

Молодовские стоянки неоднократно посещались также А. И. Москвитиним, изучавшим геологию Приднестровья. Кроме того, на протяжении 1958—1962 гг. участок раскопок в с. Молодова посетили и проводили здесь кратковременные исследования многие известные советские специалисты, геологи и палеонтологи — В. И. Громов, К. В. Никифорова, Г. И. Горецкий, В. В. Попов, П. К. Заморий, А. А. Величко. На молодовских стоянках работала группа радиологов во главе с В. В. Чердынцевым. Фауну молодовских стоянок на протяжении ряда лет изучали И. Г. Пидопличко, Э. А. Вангенгейм, Л. И. Алексеева. Молодовские стоянки посетили также археологи Т. С. Пассек, А. Н. Рогачев,

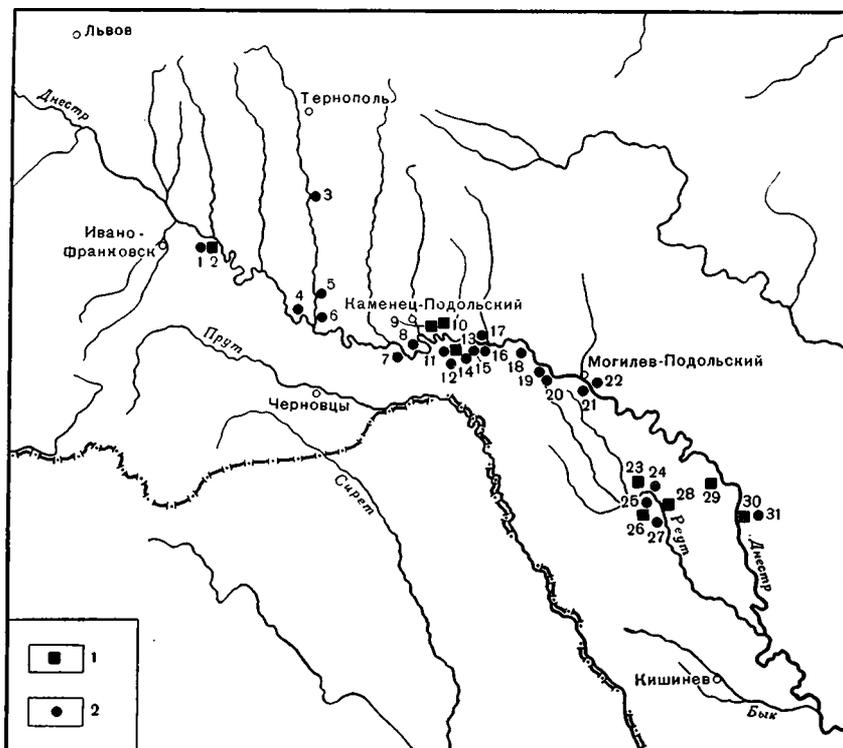


Рис. 1. Карта раннего и среднего палеолита Приднестровья

Условные знаки: 1 — раннепалеолитические местонахождения; 2 — среднепалеолитические стоянки и местонахождения

1—31 на карте: 1 — Букивна, Городенковского р-на Ивано-Франковской обл.; 2 — Букивна, Городенковского р-на Ивано-Франковской обл.; 3 — Ивановка, Тербовлянского р-на Тернопольской обл. УССР; 4 — Печорна, Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР; 5 — Бильче Золотое, Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР; 6 — Касперовцы, Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР; 7 — Хотин, Новоселицкого р-на Черновицкой обл. УССР; 8 — Сокол, Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. УССР; 9 — Лука-Врублевская I, Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. УССР; 10 — Лука-Врублевская III; 11 — Нагоряне, Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР; 12 — Бабин III, Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР; 13 — Бабин I; 14 — Бабин VII; 15 — Молодова I, Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР; 16 — Молодова V; 17 — Старая Ушица, Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл.; 18 — Ожево, Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР; 19 — Наславча, Атакского р-на Молдавской ССР; 20 — Наславча, Атакского р-на Молдавской ССР; 21 — Коларашовка, Атакского р-на Молдавской ССР; 22 — Субботовка, Могилев-Подольского р-на Винницкой обл. УССР; 23 — Гура Каменка, Флорештского р-на Молдавской ССР; 24 — Бобулешты, Флорештского р-на Молдавской ССР; 25 — Варваровка, Флорештского р-на Молдавской ССР; 26 — Ченуша, Флорештского р-на Молдавской ССР; 27 — Старые Росиетичи Флорештского р-на Молдавской ССР; 28 — Рогожане, Флорештского р-на Молдавской ССР; 29 — Пояна, Резинского р-на Молдавской ССР; 30 — Выхватинцы, Рыбницкого р-на Молдавской ССР; 31 — Выхватинцы I — III

М. Ю. Смишко, Ю. Н. Захарук, И. Г. Шовкопляс, Ю. И. Барта (Чехословакия) и др.

В целом можно отметить, что молдавские стоянки имеют большое значение для решения ряда проблем палеолита, четвертичной геологии, палеонтологии и могут быть отнесены к числу эталонных, опорных стоянок для изучения палеолита Восточной Европы (Горецкий, 1959, стр. 31; Резолюция совещания, 1961, стр. 259).

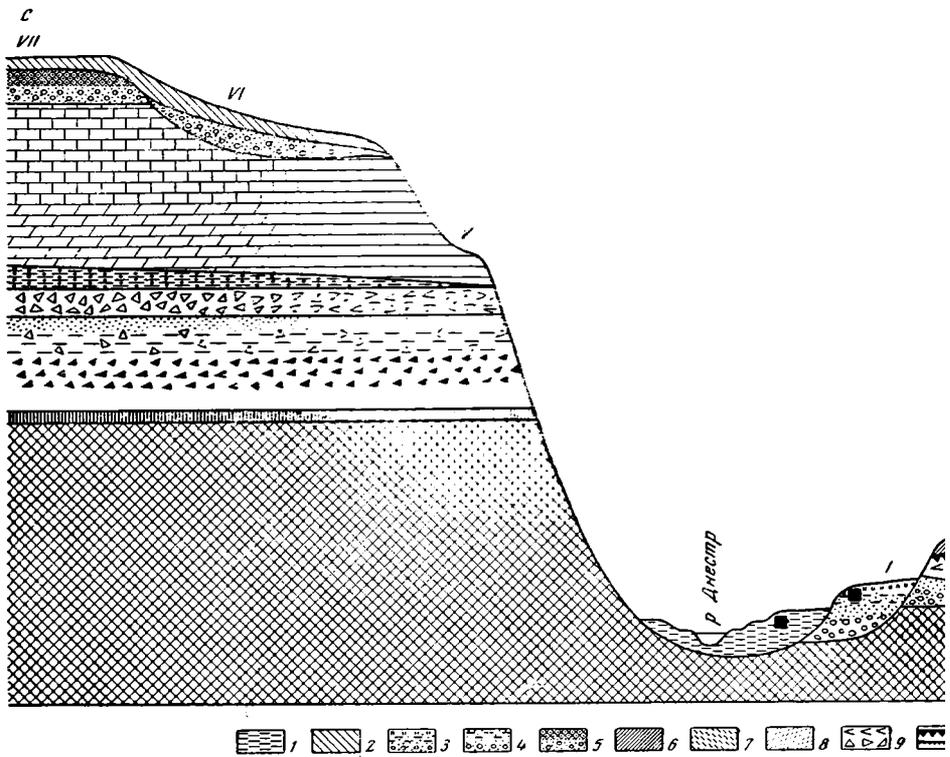


Рис. 2. Схематический геологический разрез через долину Среднего Днестра в районе 1 — аллювиальные отложения современной и древней поймы; 2 — тяжелые суглинки, прикрытие 4 — аллювиальные отложения второй — шестой надпойменных террас; 5 — аллювиальные отложения прикрывающие склоны второй — пятой террас; 7 — делювиальные песчанистые суглинки и 9 — делювиально-пролювиальные суглинки и супеси со следами солифлюкции в верхних известняки сармата; 12 — нерасчлененные известняки сармата и тортона; 13 — тортонские песчаного мела (сеноман) с прослоем глауконитовых песков в верхней части толщи; 16 — известковистые 18 — триполье; 19 — мадлен; 20 — солютре; 21 — орняк; 22 — мустье.

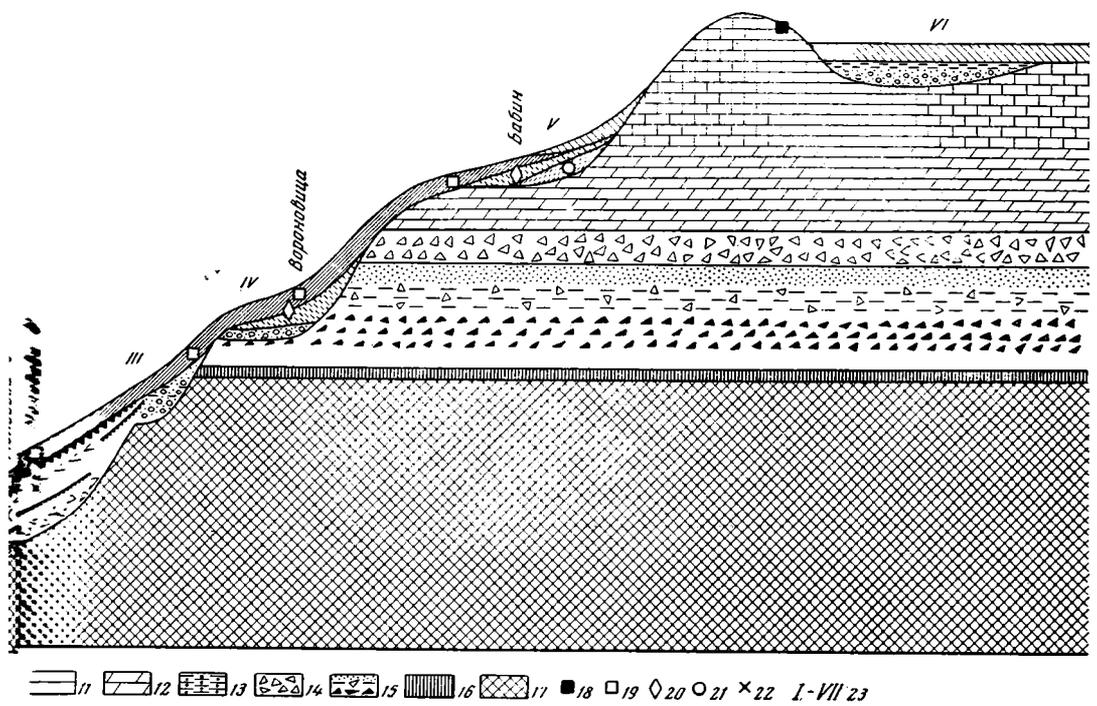
\* \* \*

Территория Приднестровья является окраиной Вольно-Подольской плиты. Общим наклоном этой плиты на юг объясняется существование на левобережье Днестра многочисленных притоков, текущих в меридиональном направлении.

Большая эрозионная расчлененность рельефа Приднестровья, обилие сырья для изготовления орудий — мелового кремня и источников пресной воды на высоких точках рельефа создавало исключительно благоприятные условия, содействовавшие расселению палеолитического человека в этом районе.

В Приднестровье, и особенно в среднем течении Днестра, наблюдаются прекрасные обнажения, позволяющие проследить основные черты геологического строения этого района.

Наиболее древние горные породы, представленные архейскими гранитами, прослеживаются здесь в двух пунктах: возле с. Бернашевки и у г. Ямполь. Выше залегают аркозовые песчаники и мощная толща глинистых сланцев с прослоями песчаников, возраст которой не вполне ясен. По-видимому, часть их относится к рифею, часть принадлежит нижнему кембрию. Выше располагаются силурийские известняки, песчаники и сланцы. Палеозойские породы имеют наклон к западу. Поэтому вверх по Днестру выше с. Молдова наблюдаются выходы все бо-



многослойных палеолитических стоянок (по И. К. Ивановой)

важние поверхности высоких террас; 3 — аллювиальные отложения первой надпойменной террасы; 4 — прикрытие красноцветной ископаемой почвой (седьмая терраса); 6 — лессовидные суглинки, супеси, прикрывающие склоны второй — пятой террас; 8 — делювиальные глины; 10 — ископаемые почвы черноземного типа; 11 — стые глины; 14 — скопление кремневых конкреций; 15 — кремнисто-мергелистые отложения верх-песчаники верхнего ордовика; 17 — нижнепалеозойские глинистые сланцы с прослоями песчаников Римские цифры — порядковые номера надпойменных террас Днестра

лее и более молодых горизонтов силура, а затем толщи девонских отложений.

На палеозойских породах залегают меловые, состоящие из зеленых глауконитовых песчаников, роговиков, мергельных конгломератов, трепела, кремнистого мергеля с кремневыми конкрециями. Эта толща на Днестре датируется сеноманом. Средняя мощность сеноманских отложений на Среднем Днестре — 50 м (Выржиковский, 1933). В сеноманских отложениях наблюдаются обнажения черного, серого, коричневого и цветного кремня, служившего сырьем для палеолитического человека.

Выше сеномана на Днестре на некоторых участках залегают глинистые песчаники и песчаные глины, так называемого подольского яруса, а еще выше толща миоценовых отложений (сармат и тортон). Мощность их доходит до 45—50 м. Они представлены органогенными известняками, песчаниками и глинами.

Четвертичные отложения Приднестровья, покрывающие участки плато, склоны речных долин и площадки террас, состоят из песчано-глинистых и галечных отложений, глин, суглинков (часто лессовидных), щебнистых пород.

Хронологическое расчленение четвертичных отложений базируется, как известно, на изучении стратиграфии этих отложений, содержащейся в них фауны и пыльцы, ледниковых явлений, а также археологических материалов. Изучение четвертичных отложений позволило В. И. Гро-

мову (1948, стр. 458—463) выявить шесть фаунистических комплексов, характерных для различных этапов четвертичного и конца третичного периодов (псепупский, хапровский, таманский, тираспольский, хазарский и верхнепалеолитический комплексы).

К переходному времени от третичного к четвертичному периоду относится таманский фаунистический комплекс. Для этого комплекса характерны: южный слон, эласмотерий, зюссенборская лошадь. Дальше следует тираспольский фаунистический комплекс, выделенный по фауне так называемого тираспольского гравия на Нижнем Днестре. Для этого комплекса характерны слон Вюста, бизон Шетензака, мосбахская лошадь, этрусский носорог, носорог Мерка. Тираспольский комплекс отнесен в основном к минделю.

Следующий, хазарский фаунистический комплекс датируется миндель-риссом. Для хазарского комплекса характерны трогонтериевый слон, зубр, длиннорогий бизон, хазарская лошадь и верблюд Кноблоха.

За хазарским комплексом следует верхнепалеолитический, который, по В. И. Громову, относится ко времени от максимума рисса по вюрм включительно. Основной фауной здесь является мамонт, северный олень, лошадь, шерстистый носорог.

Кратко остановимся на вопросе о террасах Днестра, так как иногда удается установить связь ранне- и среднепалеолитических местонахождений с определенными террасами, а террасы имеют большое значение для геологических датировок.

По данным геологов, работавших в этом районе, на Днестре прослеживается ряд террасовых уровней. Мнения об их количестве, высоте и геологическом возрасте не всегда совпадают. Так, кроме поймы, по Р. Р. Выржиковскому (Выржиківський, 1933; Mogoşan, 1938), здесь наблюдаются: первая надпойменная терраса (5—7 м); вторая надпойменная терраса (12—13 м); третья надпойменная терраса (45—50 м); четвертая надпойменная терраса (90—100 м); пятая надпойменная терраса (140—150 м) над уровнем Днестра и, наконец, шестая надпойменная терраса на высоте 175—200 м. Р. Р. Выржиковский, как и ряд других геологов (например, Полянський, 1929), вторую надпойменную террасу датирует вюрмским временем, третью — риссом, четвертую — минделем, а пятую и шестую — плиоценом.

Несколько иначе датировал террасы Днестра Л. Лунгерсгаузен, выделивший и несколько иные высоты террас. Шестая и седьмая террасы, по Л. Лунгерсгаузену, относятся к плиоцену, пятая — к гюнц-минделю, четвертая, имеющая высоту 70—90 м, к миндель-риссу, третья, высотой 30 м, к риссу, вторая — 15—20 м — к рисс-вюрму, а первая, 7—8 м, — к послеледниковому времени (Лунгерсгаузен, 1938).

В одной из своих работ И. К. Иванова свела воедино мнения ряда исследователей в отношении количества, высот и геологической датировки террас Днестра (Иванова, 1959, стр. 224—225). Сама она выделяет в Среднем Приднестровье семь надпойменных террас (не считая высокой поймы, имеющей голоценовый возраст). Первая надпойменная терраса, по ее данным, имеет высоту 12—15 м и соответствует «второй» террасе Выржиковского. Она отнесена ко второй половине вюрмского времени. Вторая терраса, высотой 25—35 м (не выделяемая Р. Выржиковским), относится к рисс-вюрму и первой половине вюрма. Третья терраса, 45—50 м, по своей высоте и геологическому возрасту соответствует третьей террасе Выржиковского и связывается с максимальным оледенением Русской равнины. Четвертая терраса (также не выделяемая Р. Выржиковским), имеющая высоту 70—80 м, отнесена к миндель-риссу; пятая, имеющая высоту 110—120 м, — к минделю. С этой последней связывается известное местонахождение тирасполь-

ской фауны в низовьях Днестра. Две более высокие террасы отнесены к виалейстоцену (виллафранку).

Аллювиальные отложения днестровских террас состоят из галечников и песков русловой фации и глинистых и песчано-глинистых пойменных осадков. Мощность их невелика и в большинстве случаев не превышает 10 м, что обусловлено преобладанием поднятий в тектоническом режиме этой области. Пойменные отложения высоких террас представлены обычно синевато-серыми и красновато-желтоватыми плотными глинами небольшой мощности с песчаными прослоями и обильными известковыми конкрециями. Осадки пойменной фации нижних террас более песчанисты, рыхлы, имеют несколько большую мощность. В местах сужения реки в ее среднем течении аллювиальные отложения второй и третьей надпойменных террас прикрыты толщей лессовидных делювиальных суглинков, мощностью до 25 м, в которых прослеживаются горизонты ископаемых почв. С этими суглинками связаны многочисленные стоянки позднего, а отчасти и среднего палеолита.

## Глава 2

### РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Наиболее известным местонахождением раннепалеолитического времени Приднестровья является самое древнее в СССР местонахождение у с. Лука-Врублевская Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл., открытое в 1946 г. П. И. Борисковским и С. Н. Бибиковым.

Низкое топографическое залегание кремневых изделий в Луке-Врублевской вызывало особенное внимание к этому пункту. К тому же в последние годы материалы местонахождения стали относить к шелльскому времени. Поэтому необходимо детально остановиться на характеристике материалов из сборов П. И. Борисковского на бичевнике у Луки-Врублевской.

Собранная П. И. Борисковским коллекция кремневых изделий состоит из 39 отщепов, трех «рубил», восьми нуклеусов. По мнению П. И. Борисковского, коллекция характеризуется следующими особенностями: 1) она была собрана на строго ограниченном участке; 2) на черном по цвету кремне признаки искусственного скалывания прослеживаются плохо; 3) коллекция является чистой раннепалеолитической, более поздние примеси отсутствуют; 4) характерно однообразие техники обработки, по своей архаичности коллекция однородна; 5) среди кремневых изделий наблюдается различный уровень окатанности; 6) среди изделий обнаружены типичные рубила (Борисковский, 1953, стр. 42—44, 45).

Эти черты коллекции кремневых изделий позволили П. И. Борисковскому прийти к выводу, что материалы из Луки-Врублевской относятся к шелльскому времени и что эта древнейшая на территории СССР коллекция может быть отнесена ко времени тираспольского гравия; сами же кремневые изделия из Луки-Врублевской принадлежали людям гейдельбергского типа (Борисковский, 1953, стр. 56).

Детальное изучение опубликованных этим исследователем материалов о Луке-Врублевской, а также изучение коллекции кремневых изделий дают определенные основания утверждать, что в данном случае мы наблюдаем ряд несоответствий, противоречащих некоторым выводам П. И. Борисковского.

Автор открытия местонахождения у Луки-Врублевской неоднократно подчеркивал концентрацию находок на небольшой площади, их однородность и наличие на многих предметах известковой корки, что, по его мнению, свидетельствовало о переотложении изделий. Одновременно он отмечал наличие кремневых изделий с различной степенью окатанности и даже находок без следов окатанности. Здесь наблюдается первое несоответствие, ибо П. И. Борисковский сам считает, что коллекция является однородной и спроектированной с небольшого расстояния.

Во время изучения данной коллекции нами была прослежена не только различная степень окатанности, но были даже обнаружены предметы со свежими гранями от сколов, а также изделия со значительной разницей в патине.

В описании отщепов из Луки-Врублевецкой (из 39 отщепов опубликованы рисунки восемнадцати, описано только пять) отмечается их массивность, наличие на бошинстве отщепов тупого угла скальвания между брюшком и ударной площадью. Однако опубликованные рисунки нуклеусов свидетельствуют о возможности скальвания отщепов под прямым углом от ударных площадок (Борисковский, 1953, рис. 8, 3; рис. 12, 1, 2, 3). Это противоречит выводу об однородности коллекции тем более, что и П. И. Борисковский отмечал, что скальвание под прямым углом от ударной площадки и подправка краев ударных площадок ретушью является спецификой мустьерской техники (Борисковский, 1953, стр. 50) и что среди коллекции из Луки-Врублевецкой имеются отщепы, сколотые под прямым углом (Борисковский, 1953, стр. 43).

Еще больше вопросов вызывают предметы, определенные этим автором как типичные ручные рубила (Борисковский, 1953, стр. 43).

Известно, что рубила являются одной из главных руководящих форм изделий раннепалеолитического времени и что для их определения существуют общепринятые критерии. Рубила должны иметь определенную, преимущественно удлиненную, овальную или миндалевидную форму, известную округленность в области пятки для лучшего обхвата рукой, более или менее грубое острие (Ефименко, 1953, стр. 107). Миндалевидная или овальная форма рубила обычно достигалась путем двусторонней оббивки, которая приостряла верхний конец и уплощала кремневый желвак. Имеют ли рубила из Луки-Врублевецкой указанные признаки?

П. И. Борисковский опубликовал четыре экземпляра «рубил» из Луки-Врублевецкой. Три из них датировались шелльским временем, а четвертое ашелем. Первое рубило имеет овальную форму. Оно наиболее часто изображается в многочисленных работах, к сожалению, обычно только в двух проекциях. В монографии «Палеолит Украины» П. И. Борисковский указывает, что на одной стороне рубила наблюдаются следы четырех сколов, идущих от края к средней части, а противоположная сторона обработана хуже и плоское острие покрыто коркой (Борисковский, 1953, стр. 52).

Однако при более детальном ознакомлении с этим предметом мы пришли к выводу, что не рубило, а всего лишь удлиненная окатанная галька со следами четырех сколов на одной стороне, идущих от одного края к другому. На противоположной стороне предмета вообще не заметно следов обработки, а на нижнем конце его нет острия. Второе, шелльское «рубило» из Луки-Врублевецкой (Борисковский, 1953, рис. 15), как показывает внимательное изучение этого предмета, является удлиненным окатанным куском кремня с двумя тупыми концами и следами сколов на двух краях. Это изделие, по нашему мнению, является не рубилом, а скорее поперечным двуплощадочным нуклеусом.

Изучение третьего «рубила» из Луки-Врублевецкой, датированного П. И. Борисковским (1953, стр. 51) также шелльским временем, показывает, что это обломок гальки с тупым естественным концом. Кремневая галька очень окатана, а на противоположных краях ее наблюдаются следы свежих сколов, никакой двусторонней обработки здесь не видно.

Ознакомление с оригиналом четвертого, ашелевского «рубила» из Луки-Врублевецкой (второе местонахождение на бичевнике у Луки-Врублевецкой — Борисковский, 1953, рис. 16) также дает основание для утверждения, что этот предмет из черного кремня скорее является обычной необработанной окатанной кремневой галькой, чем рубилом.

Следовательно, все четыре «рубилы» из Луки-Врублевецкой, на наш взгляд, не являются рубилами.

В связи с изложенными соображениями нас не удивляет, что многие специалисты (М. Я. Рудынский, соавтор открытия в Луке-Врублевецкой, С. Н. Бибилов, и др.) не признали коллекцию из Луки-Врублевецкой раннепалеолитической. Этот немаловажный факт отмечает и сам П. И. Борисковский (Борисковский, 1953, стр. 51).

Как же можно оценить коллекцию из Луки-Врублевецкой?

Во время разведок 1948 г. на бичевнике левого берега Днестра у Луки-Врублевецкой, на тех участках, где бичевник состоял из окатанного щебня и гальки (пространство между бровкой высокой поймы и рекой), встречались кремневые изделия со следами обработки их человеком. Таких обработанных изделий не было на бичевнике вне пределов участка с залеганием черного кремня. Следовательно, обработанные изделия связаны с полосами скопления кремня.

На этом пункте, в основном против устья р. Сурши, нами было собрано 27 кремневых изделий. Они изготовлены из черного непрозрачного кремня, иногда с незначительным коричневатым оттенком и остатками известняковой корки, и из коричневого кремня. Подобно коллекции П. И. Борисковского, были собраны изделия очень окатанные и с небольшой окатанностью и небольшое количество предметов, без следов окатанности и со следами свежих сколов. Поверхность большинства изделий имеет блеск.

Собранная нами на бичевнике коллекция состоит из четырех нуклеусов, трех массивных ребристых пластинок, двух пластинок, одного скола от «оживления» нуклеуса и семнадцати отщепов.

В первую очередь остановимся на нуклеусах. Два из них относятся к двуплощадочным удлинненным нуклеусам неправильно призматической формы позднепалеолитического времени, служивших для скалывания пластин. Высота этих нуклеусов соответственно 75 и 56 мм. От этих нуклеусов пластинки скалывались под острым углом от поверхности ударных площадок. Другие два нуклеуса относятся к кубообразным; они аналогичны четырем кубообразным нуклеусам, собранным здесь П. И. Борисковским. Отщепы от таких нуклеусов скалывались под прямым углом.

Интересной является находка скола от «оживления» нуклеуса позднепалеолитического времени. Этот скол был превращен добавочной подправкой в скребкообразное орудие. Собранные на данном пункте пластинки состоят из одной окатанной пластины и одной пластины без следов окатанности. Их длина — около 40 мм. Ребристые сколы являются массивными узкими сколами с трехгранным сечением.

Наконец, имеется пять обломков грубых массивных отщепов с крупными ударными бугорками, сколотых под тупым углом от плоскостей ударных площадок, и двух отщепов со следами подправки ретушью краев ударных площадок. В коллекции П. И. Борисковского таких отщепов имеется три.

Кратко опишем два отщепа, имеющих наиболее архаичный облик. Обломок крупного массивного отщепа № 90, размером 72 × 33 мм (рис. 3, 2) сколот от нуклеуса под тупым углом. Ударный бугорок занимает большую часть брюшка; в точке удара наблюдается сосцеобразный выступ. На спинке наблюдаются следы от двух граней, поверхность сильно окатана. Такой же отщеп опубликован П. И. Борисковским (1953, рис. 9, 4).

Небольшой массивный отщеп № 94 размером 78 × 20 × 40 мм (рис. 3, 1) с крупным ударным бугорком сколот от ударной площадки под тупым углом; ударная площадка имела три грани. Это первичный отщеп, так как на спинке сохранилась поверхность кремневой гальки.

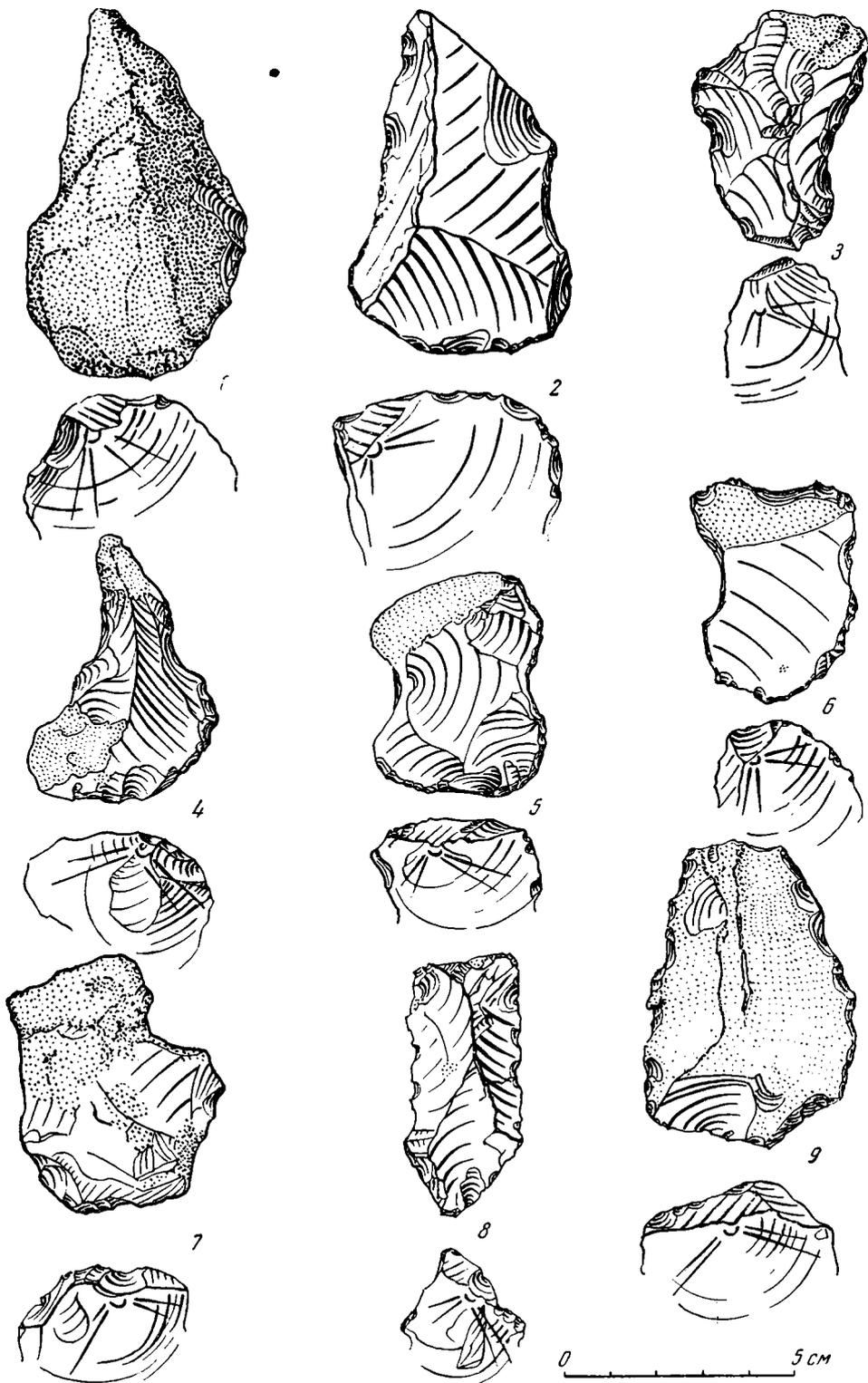


Рис. 3. Кремневые изделия местонахождений Лука-Врублевская I (1—8) и Пояна (9)  
 1—7, 9 — массивные отщепы; 8 — ребристая пластина

Предмет сильно окатан, на поверхности его наблюдается интенсивный люстраж. Он напоминает отщеп из монографии П. И. Борисковского (1953, рис. 6). Остальные отщепы этой коллекции сколоты под прямым или острым углом от ударных площадок.

Таким образом, проделанный анализ предметов из собранной нами коллекции кремневых изделий противоречит основным выводам П. И. Борисковского об однородности и архаичности коллекций Луки-Врублевцевкой и их несомненной принадлежности к древнепалеолитическому времени \*. Этот анализ свидетельствует о том, что говорить об однородности и одновременности этих материалов трудно. Если к ашельскому времени действительно можно отнести группу массивных отщепов с крупными ударными бугорками и с тупым углом между плоскостью брюшка и ударной площадкой, имеющих несомненные черты клетонской техники, то никак нельзя отнести к ашелю небольшие отщепы с подправкой краев ударных площадок, сколотые под прямым углом, пластинки и кубообразные нуклеусы.

Разновременность материалов из Луки-Врублевцевкой объясняется их переотложенностью со значительного расстояния с более высоких участков берега Днестра. Мнение о переотложенности кремневых изделий Луки-Врублевцевкой было высказано также И. К. Ивановой, изучавшей геологические условия этого местонахождения (Иванова, 1959, стр. 271). Предположение же П. И. Борисковского о том, что указанные находки относятся к доминдельскому или миндельскому времени или о том, что находки относятся к эпохе существования тираспольского гравия и связаны с людьми гейдельбергского типа (Борисовский, 1953, стр. 56 и др.), к сожалению, ничем нельзя доказать.

Если же принять во внимание наличие на Днестре в ряде участков бичевника (обычно против устьев его притоков) скоплений окатанного кремня и галечника, то не исключено, что наиболее окатанные архаические находки из Луки-Врублевцевкой доставлены с противоположного берега водами р. Сурши, впадающей в Днестр против Луки-Врублевцевкой. На противоположном, правом берегу Днестра на значительной высоте над уровнем реки наблюдаются выходы такого же кремня черного цвета, из которого изготовлены изделия местонахождения у Луки-Врублевцевкой.

Анализ материалов из Луки-Врублевцевкой дает возможность заключить, что коллекция кремневых изделий является *разновременной*. Наиболее древняя часть материалов относится к *ашельскому времени*; кроме того, прослеживаются изделия *мустьерского времени, позднепалеолитические* и более поздние. *Шелльских рубил здесь нет и находки переотложены.*

Другое местонахождение в районе с. Лука-Врублевцевка было обнаружено в других условиях. Речь идет о находках небольшого количества кремневых изделий, которые были собраны нами в 1948 г. на склоне плато над левым берегом Днестра и у с. Лука-Врублевцевка (три кремневых отщепов с глубокой белой патиной). Среди них один массивный отщеп, сколотый под тупым углом от ударной площадки. Его размер  $40 \times 27 \times 11$  мм. На отщепе наблюдаются следы двусторонней обработки. На брюшке отщеповиден крупный ударный бугорок с изъёмом, сосцеобразный выступ. Край ударной площадки имеет несколько граней. Другие отщепы имеют подобный же характер (рис. 4, № 9, 10).

Учитывая наличие на собранных здесь кремневых изделиях архаических черт в технике обработки, этот пункт предположительно можно

---

\* М. З. Паничкина, говоря о материалах Луки-Врублевцевкой, отмечает небольшое количество кремневых изделий, которые, по ее мнению, близки к кремневым изделиям Яштуха. Она датирует эти материалы *поздним ашелем* (Паничкина, 1950, стр. 63—64).

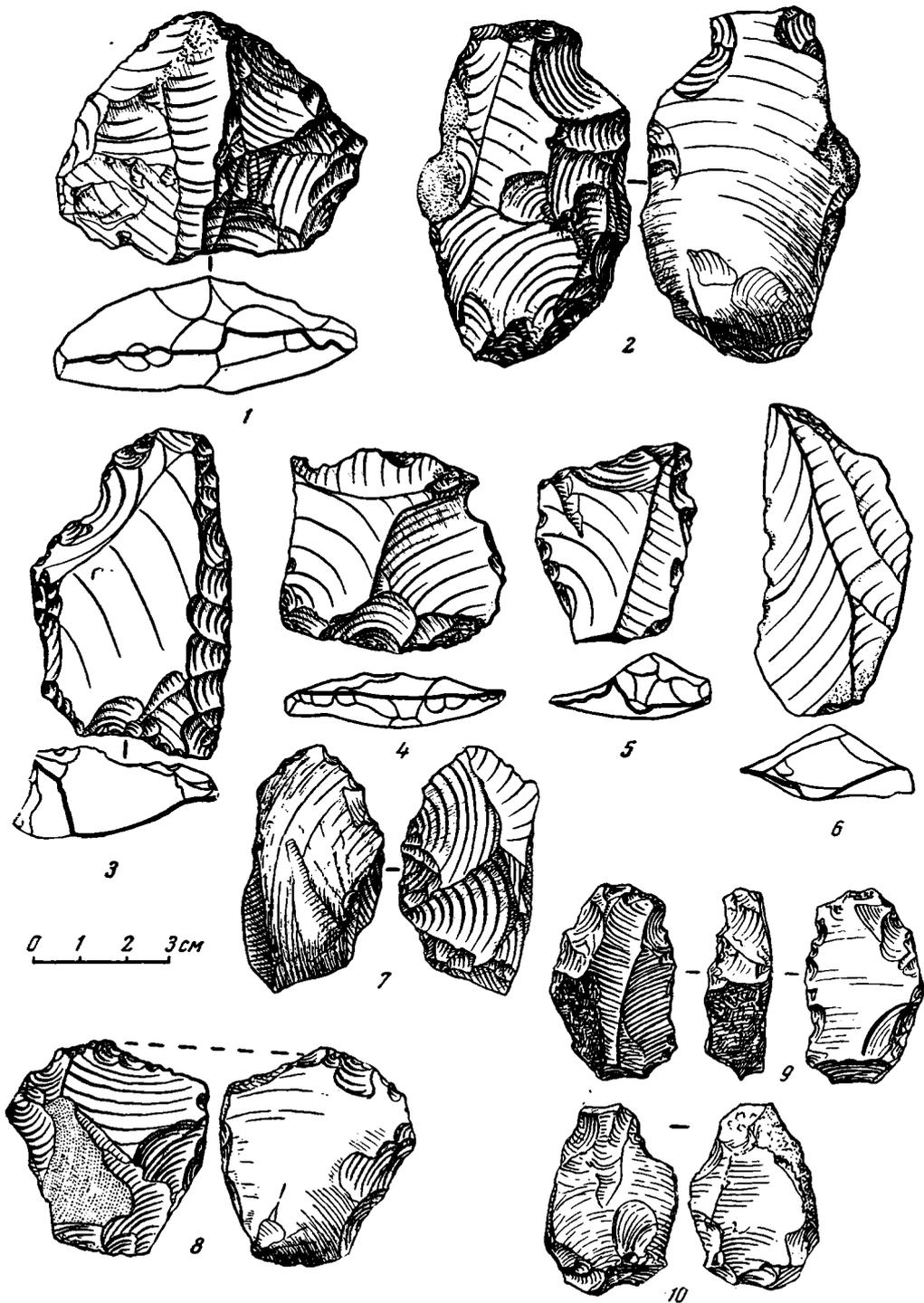


Рис. 4. Кремневые изделия местонахождений Бабин I (1—8) и Лука-Врублевская III (9—10)  
 1 — нуклеус; 3 — скребло; 2, 4, 5, 7 — 10 — отщепы

датировать концом ашельского времени, хотя лишь дальнейшие сборы смогут дать о нем дополнительные более определенные данные.

Небольшое количество материалов раннепалеолитического времени было обнаружено нами в 1948—1950 гг. на высокой террасе Днестра у с. Бабин Кельменецкого р-на Черновицкой обл., в районе стоянки Бабин I (рис. 4, № 1—8). Собранная в Бабине раннепалеолитическая коллекция кремневых изделий состоит из нуклеуса, скреблообразного орудия, трех массивных отщепов, отщепа со следами ретуши по краю и пластины.

Эти кремневые изделия изготовлены из темно-коричневого мелового кремня, имеют глубокую белую патину, на поверхности наблюдаются следы окатанности. На четырех предметах прослеживается также люстраж.

Поднятый здесь нуклеус размером  $62 \times 50 \times 23$  мм по форме относится к двуплощадочным нуклеусам, у которых с двух противоположных концов скальвались пластинчатые отщепы. Такие нуклеусы впервые появляются в ашельское время.

На территории СССР также нуклеусы известны в ашельском комплексе материалов Лаше-Балта, среди материалов стоянок Морго, Лысая гора, Ахабиюк, Яштух, Сатани-Дар и других пунктов (Любин, 1960, рис. 1, № 1; рис. 16, № 2; рис. 12, № 3).

Интересным предметом является скреблообразное орудие на массивном отщепе размером  $64 \times 36 \times 12$  мм. Отщеп сколот под тупым углом от плоскости ударной площадки. Широкая ударная площадка имеет три грани в виде широких фасеток, ударный бугорок занимает большую часть брюшка отщепа; поверхность отщепа со стороны спинки имеет следы выветривания. Широкофасеточной ретушью, следующей за контурами отщепа, обработан правый край отщепа и верхний конец (рис. 4, № 3).

Другой массивный отщеп размером  $75 \times 45 \times 12$  мм также имеет крупный ударный бугорок со следами изъема. Край широкой ударной площадки имеет три широкие фасетки. На поверхности отщепа, как и на нуклеусе, наблюдается люстраж (рис. 4, № 2).

Указанные массивные отщепы похожи на архаические отщепы из Луки-Врублевецкой, которые имеют ударную площадку из нескольких широких фасеток, и на отщепы из ашельской стоянки Лаше-Балта (Любин, 1960, рис. 13, № 4; рис. 14, № 14).

Размеры других отщепов бабинской коллекции меньше, но они имеют крупные ударные бугорки и следы подправки ударных площадок. На правом крае одного из отщепов наблюдаются следы ретуши. Обнаруженная здесь пластина также имеет архаический облик: она имеет купный ударный бугорок с изъемом, следы подправки края ударной площадки, двугранную спинку.

Описанный комплекс кремневых изделий из Бабина имеет, следовательно, *раннепалеолитические черты*. Сходство нуклеуса и отщепов с ашельскими дают основание отнести их к *ашельскому времени*.

Другие местонахождения раннепалеолитического времени были прослежены на территории Молдавской ССР. Среди этих местонахождений мы в первую очередь остановимся на материалах, собранных нами на левом берегу Днестра, возле с. Выхватинцы Рыбницкого р-на Молдавской ССР.

Здесь на местонахождениях Выхватинцы I—II—III севернее с. Выхватинцы в 1946—1947 гг. на трех различных пунктах поверхности третьей террасы Днестра были собраны кремневые изделия. Первым среди этих пунктов является юго-восточный склон мыса, западнее оврага Рипа Мафтея; вторым пунктом — юго-западный склон мыса, третьим — участок в 700 м севернее с. Выхватинцы (Черныш, 1949).

Все эти три пункта сборов имеют общие геологические условия залегания: кремневые изделия были собраны в галечниках третьей террасы или же на поверхности размытых галечников в выкидах окопов, ям и канав. Галечники в данном пункте покрывают коренные породы — миоценовые известняки, образующие цоколь третьей надпойменной террасы. Следовательно, кремневые изделия местонахождений Выхватинцы I—II—III связаны с галечниками третьей террасы, что является важным показателем для их датировки на основании геологических данных. Нивелировка участка показала, что высота поверхности третьей террасы достигала здесь 50 м над уровнем Днестра (до затопления участка высокой поймы в связи со строительством Дубоссарской ГЭС). Выше мы указывали, что третья терраса Днестра обычно датируется рисским временем.

Среди собранных на местонахождениях Выхватинцы I—II—III материалов наиболее интересным являются орудия типа рубил, скребел и отщепы со следами использования в качестве орудий для резания. Большинство кремневых изделий покрыто густой белой патиной.

Наиболее выразительным орудием среди собранных здесь материалов является ручное рубило, изготовленное из массивного грубого отщепа светло-серого кремня. Размер этого предмета  $77 \times 58 \times 25$  мм, вес 155 г. Один край орудия зигзагообразный, второй дугообразный. Зигзагообразный рабочий край сформирован двусторонней подтеской, а дугообразный — широкофасеточной ретушью. Фасетки к центру заламываются. Такую ретушь Г. А. Бонч-Осмоловский называл «ретушью с заламами». На этом орудии широкофасеточной ретушью обработаны два противоположные края. Следы обработанности наблюдаются на этих двух краях и на вершине орудия (рис. 5, № 1). Следовательно, это орудие по характеру обработки могло быть использовано как рубило, в качестве скребла или режущего орудия. Оно было универсальным. Аналогичного типа рубила на массивных отщепах были встречены, например, среди материалов позднеашельского местонахождения Сатани-Дар, в ашельском комплексе Лаше-Балта (Паничкина, 1950, рис. 8; Любин, 1960, стр. 76).

Следующим рубилообразным изделием является орудие из черного кремня с белой патиной. Размер этого предмета  $70 \times 37 \times 22$  мм. Рабочий край его имеет зигзагообразный профиль, он сформирован двусторонним обтесыванием. Небольшие размеры этого предмета свидетельствуют, что он использовался не как ударное, а как режущее орудие.

Среди других предметов отметим скребло размером  $62 \times 40 \times 22$  мм, изготовленное из небольшого желвака серо-коричневого кремня. Рабочий край сформирован широкофасеточной ретушью. На этом предмете наблюдаются следы сработанности. Здесь же было поднято треугольное орудие. Размер этого предмета  $58 \times 90 \times 34$  мм. Это выемчатое скребло-резак. Следы сработанности наблюдаются на части с выемкой и на острой грани одного из концов. Для изготовления орудия был использован треугольный кремневый желвак, который путем обивки несколькими сколами был подправлен для лучшего обхвата рукой.

Кроме указанных изделий, отметим еще скреблообразное орудие на кремневом обломке, небольшой дискообразный нуклеус, несколько обломков со следами обработки ретушью, по форме напоминающие остроконечники, которые использовались в качестве режущих орудий.

Среди обнаруженных в Выхватинцах отщепов были встречены отщепы с остатками корки: отщепы, сколотые под тупым углом от ударных площадок, с крупными ударными бугорками, а также с остатками подправленной ретушью ударной площадки, сколотые под прямым углом. Кремневые изделия из Выхватинцы, кроме густой белой патины, имеют также следы незначительной окатанности и люстраж поверхности.

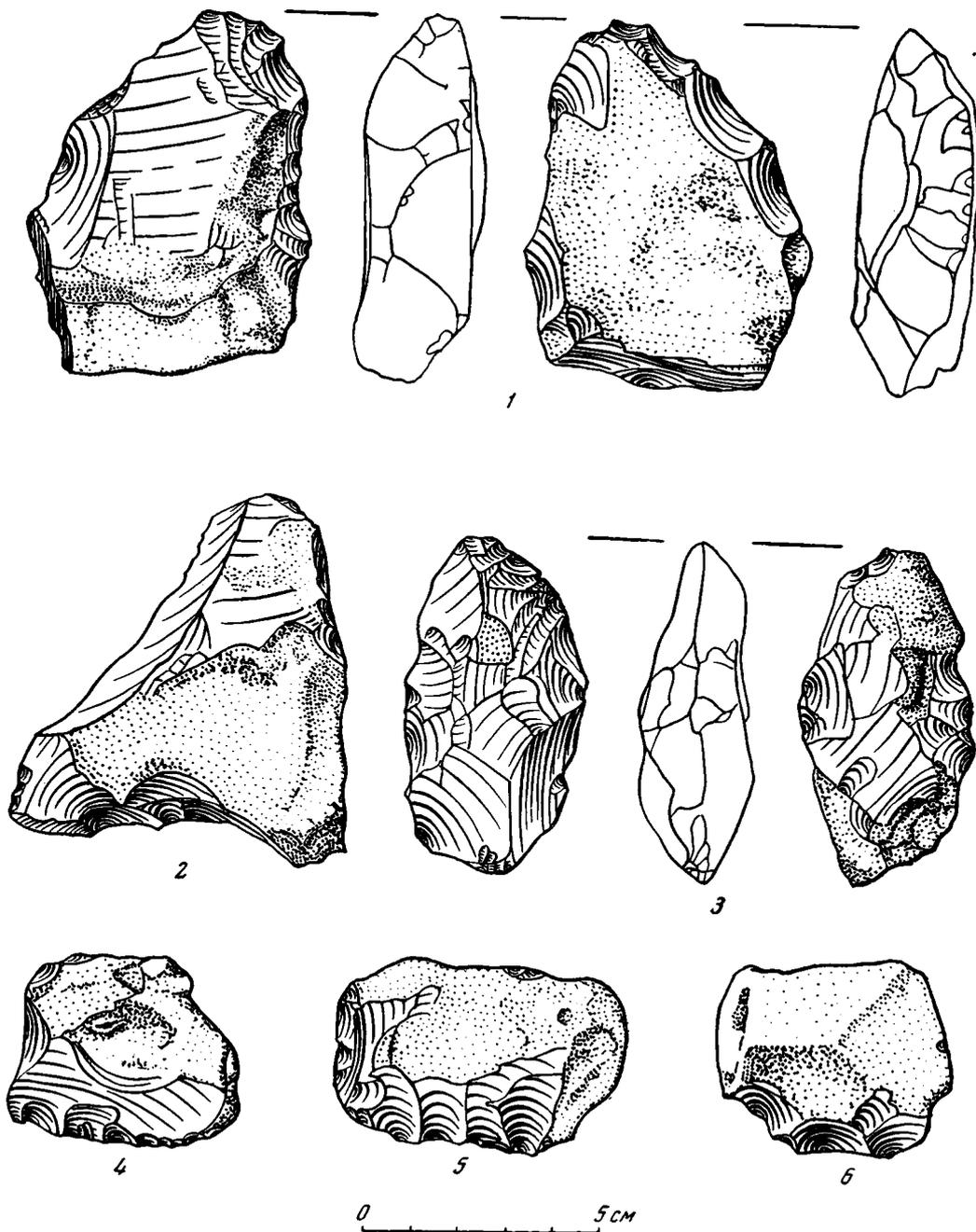


Рис. 5. Кремневые изделия местонахождений Выхватинцы I — III  
 1 — 3 — рубила; 2 — скол со следами обработки; 4 — 6 — скребла

В 1959 г. здесь же было поднято клинообразное рубящее орудие со следами двусторонней обработки. Размер этого предмета  $50 \times 45 \times 20$  мм. Одна сторона орудия имеет густую белую патину, а вторая сторона — белую и голубоватую. На этом орудии видна широкофасеточная ретушь.

Как мы видим, собранные на пунктах Выхватинцы I—II—III материалы характеризуются наличием массивных отщепов, рубилообразных орудий, скребел на обломках и отщепах, кремневых обломков со следами обработки и сработанности; наличием изделий, обработанных ретушью с заломами. Все это дает основание сблизить материалы из Выхватинцы с материалами позднеашельского местонахождения Яштух (Замятнин, 1947), Сатани-Дар (Паничкина, 1950), стоянки Окенник (Kozłowski, 1924), Лаше-Балта (Любин, 1960) и отнести находки Выхватинца к позднеашельскому времени. К такому заключению приводят и геологические условия залегания этих изделий в галечниках третьей террасы, датируемой рисским временем.

Ряд других местонахождений был обнаружен на правом берегу Днестра в границах Молдавской ССР, на берегах правого притока Днестра — р. Реут. Среди этих местонахождений в первую очередь следует остановиться на материалах, собранных на полуострове возле с. Гура-Каменка Флорештского района Молдавской ССР. Здесь, в центральной, наиболее высокой части полуострова, на поверхности третьей (?) террасы были собраны кремневые изделия палеолитического времени (Черныш, 1960). Наиболее древние из них имеют глубокую белую патину, следы выветривания на поверхности и люстраж. Они изготовлены из мелового кремня. Таких изделий архаического облика было собрано 22 (рис. 6, 1—7). В том же месте был поднят обломок миндалеобразного ручного рубила, размером  $55 \times 50 \times 32$  мм (рис. 6, 4), похожего на миндалеобразные рубила ашельских стоянок Лаше-Балта и Арзни (Паничкина, 1950, рис. 20, 1; Любин, 1960, рис. 9, 2). Кроме того, было найдено одиннадцать отщепов, орудие, напоминающее острокопечник, и один пластинчатый отщеп. Отщепы имеют крупные ударные бугорки, которые иногда занимают большую часть брюшка. Часть отщепов сколота под тупым углом от ударных площадок, другие — под углом несколько больше прямого. Многие отщепы имеют ударную площадку, подправленную широкими фасетками, и крупные ударные бугорки, преимущественно ориентированные наискось по отношению к их оси; на ряде отщепов наблюдаются сосцеобразные выступы и изъяны.

Отщеп № 1720 является сколом с края нуклеуса, его размеры  $53 \times 37 \times 20$  мм. Он имеет треугольную форму, на поверхности наблюдается глубокая белая патина. Ударный бугорок расположен наискось по отношению к оси отщепа и занимает большую часть брюшка. Между краем ударной площадки и брюшком угол больше прямого.

Отщеп № 1757 имеет трапецеобразную форму, его размер  $51 \times 48 \times 13$  мм. Ударная площадка имеет подправку широкими фасетками; отщеп аналогичен отщепам из Бабина и Выхватинцы. Отметим также пластинчатый отщеп размером  $70 \times 33 \times 12$  мм с крупным ударным бугорком, изъямом и подправкой на краю ударной площадки. Ударный бугорок размещен наискось по отношению к оси отщепа, спинка имеет лишь одну грань. На краю отщепа наблюдаются следы ретуши, которая наносилась по краю брюшка в направлении на спинку. Отщеп имеет глубокую белую патину и люстраж. Остальные отщепы аналогичны описанным.

Приведенный комплекс материалов местонахождения Гура-Каменка имеет черты техники, свойственной ашельским памятникам. Это подтверждается наличием аналогичного ашельским рубила, отщепов с крупными ударными бугорками, сколотыми под тупым углом. Относи-

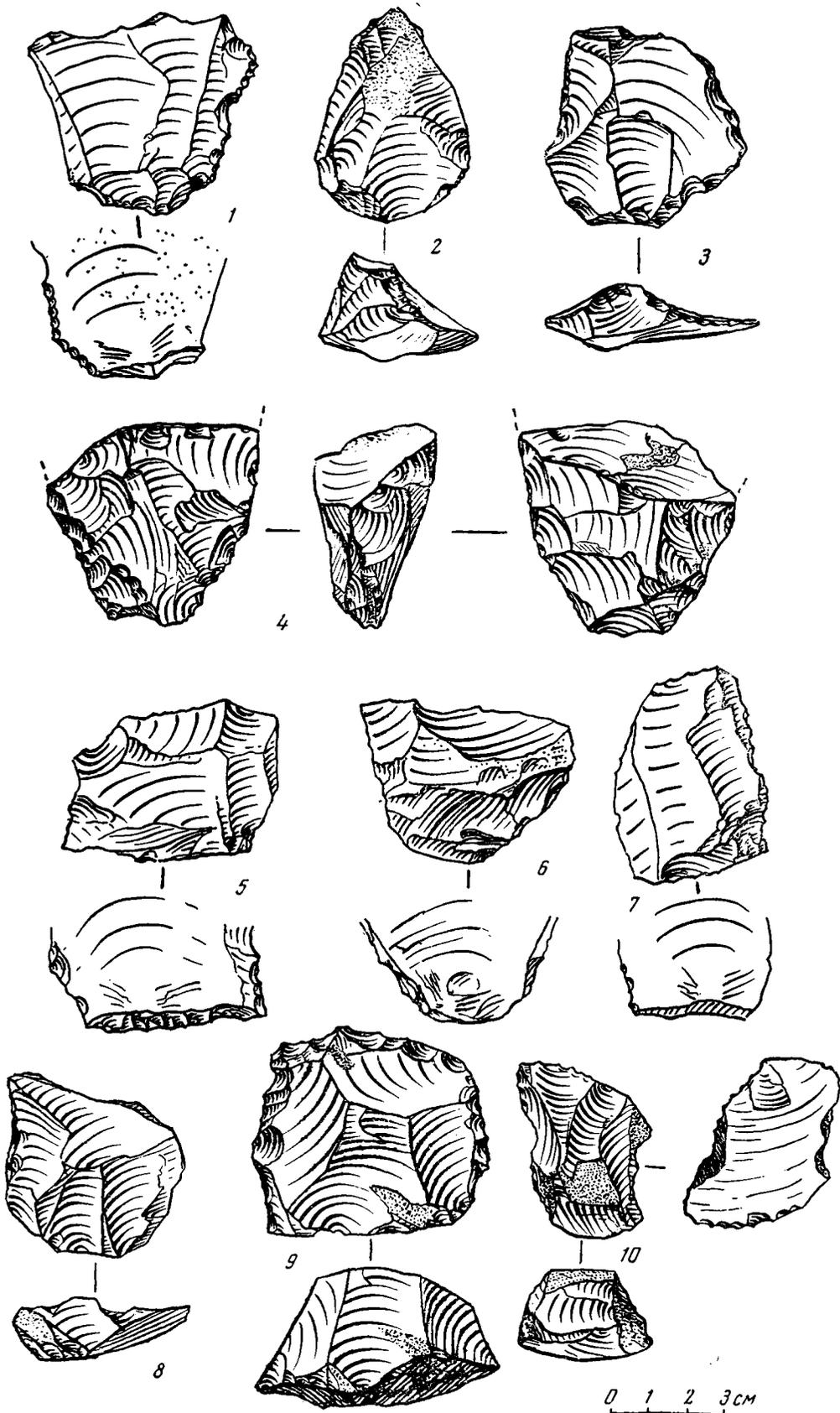


Рис. 6. Кремневые изделия местонахождений Гура-Каменка IV (1—7) и Рогожане (8—10)  
 1 — 3, 5 — 8, 10 — отщепы; 4 — фрагмент рубила; 9 — нуклеус

тельно небольшие размеры кремневых изделий свидетельствуют о позднеашельском времени.

Следующим, значительно более бедным местонахождением с подобными материалами является с. Рогожане Флорештского р-на Молдавской ССР. В этом пункте, на поверхности высокой террасы левого берега Реута, на мысообразном выступе были собраны кремневые изделия с глубокой белой патиной. Они состоят из отщепов, нуклеусов, обломков серого мелового кремня (рис. 6, 8—10). Среди этих предметов наиболее архаический облик имеют три отщепа и нуклеус. На поверхности этих изделий наблюдается люстраж.

Отщеп № 882 является первичным, он массивный и толстый, размер его  $32 \times 45 \times 25$  мм. На спинке отщепа сохранилась корка. Угол между плоскостью брюшка и плоскостью ударной площадки тупой; на брюшке крупный ударный бугорок и сосцеобразный выступ.

Отщеп № 823 имеет треугольную форму, он также массивный и толстый. Размер его  $35 \times 52 \times 23$  мм. На спинке отщепа частично наблюдается корка, а также следы от трех сколов, нанесенных на нуклеусе. Ударный бугорок на брюшке занимает большую часть его поверхности. На брюшке прослеживается также изъян.

Отщеп № 847 сколот под тупым углом от плоскости ударной площадки. Размеры этого отщепа  $35 \times 44 \times 14$  мм. На его спинке наблюдаются негативы от четырех сколов, нанесенных на нуклеусе в направлении от краев к центру, что свидетельствует о близкой к дискообразной форме использованного нуклеуса.

Наконец, отметим массивный короткий нуклеус размером  $50 \times 60 \times 35$  мм, имеющий квадратно-дискообразную форму. Крупные широкие отщепы с этого нуклеуса скалывались в направлении от краев к центру: на одной стороне нуклеуса наблюдаются подготовленные ударные площадки, на противоположной — негативы от скалывания четырех широких отщепов. Нуклеус частично поврежден, на одной стороне наблюдаются следы выветривания (рис. 6, 9).

Собранные на данном местонахождении материалы сходны с изделиями из Выхватинец, Гуры-Каменки, Луки-Врублевецкой III и т. д., что дает основание для их датировки позднеашельским временем.

Следующим местонахождением является склон высокой террасы над правым берегом Реута северо-западнее с. Ченуша Флорештского р-на Молдавской ССР. Здесь на поверхности были собраны кремневые изделия палеолитического времени. Наиболее древними среди них являются один нуклеус, два скреблообразные орудия, десять отщепов. Они изготовлены из серого и коричневого мелового кремня, имеют глубокую белую патину, на поверхности наблюдается люстраж.

Поднятый здесь нуклеус размерами  $40 \times 60 \times 22$  мм предназначен для скалывания широких отщепов. По форме он относится к двуплощадочным прямоугольным нуклеусам. Нуклеус изготовлен из небольшой кремневой конкреции, отщепы скалывались с двух площадок. В разрезе нуклеус имеет неправильную форму, на ряде его участков сохранилась корка.

Аналогичные нуклеусы мы отмечали среди материалов местонахождения у с. Бабин, такие нуклеусы известны среди материалов ашельской стоянки Лаше-Балта, из ашельского комплекса материалов Сатани-Дара, а также других ашельских памятников СССР и других территорий.

Собранные возле с. Ченуша скреблообразные изделия изготовлены на небольших отщепах. Первое среди них размерами  $50 \times 30 \times 10$  мм имеет дугообразный рабочий край, образованный ретушью с заломами, второе орудие на треугольном отщепа — следы ретуши на верхнем конце (как на спинке, так и на брюшке).

Серия отщепов имеет размеры от 15 до 70 мм. Среди них на четырех отщепах наблюдаются сосцеобразные выступы на брюшке; три отщепа

имеют след подправки ретушью краев ударных площадок; четыре отщеп-па имеют ударные бугорки большого размера, занимающие большую поверхность брюшка. Часть отщепов имеет тупой угол между брюшком и ударной площадкой.

Материалы местонахождения возле с. Ченуша аналогичны находкам из Рогожан, Бабина, Выхватинец, Луки-Врублевецкой III, что позволяет отнести их к группе позднеашельских местонахождений Приднестровья.

Опишем также отдельную находку, обнаруженную нами на бичевнике правого берега Днестра возле с. Пояны Резинского р-на Молдавской ССР. Во время разведок 1952 г. здесь был поднят крупный массивный отщеп из темно-коричневого кремня, размерами 63×44×17 мм. Большая часть спинки отщеп-па имеет корку, на спинке наблюдается негатив от скола. На брюшке виден крупный ударный бугорок, занимающий большую часть поверхности брюшка, и своеобразный выступ. Отщеп был сколот под тупым углом от ударной площадки, край которой не имеет подправки. Поверхность отщеп-па окатана, на краях наблюдаются следы ударов, которые обычно встречаются на гальках и кремневых обломках во время их переноски водой (рис. 3, 9).

Отщеп из Пояны, имеющий черты клектонской техники, является единственной находкой, которая по топографическим условиям залегания тождественна местонахождению у Луки-Врублевецкой. По технике обработки и по цвету кремня данный отщеп также сходен с отщепами из Луки-Врублевецкой. Как и материалы из Луки-Врублевецкой, этот отщеп переотложен.

Кроме приведенного отщеп-па, на бичевнике у Пояны был также найден окатанный одноплощадочный нуклеус из коричневого кремня размерами 45×60×44 мм, изготовленный из кремневого желвака. Широкая ударная площадка этого нуклеуса образована путем нанесения нескольких сколов, снявших часть желвака. С ударной площадки с трех сторон под прямым углом скалывались широкие отщепы. По своей форме нуклеус напоминает неправильный куб; он является более поздним, чем отщеп.

Мы не будем останавливаться на изделиях из кремня, собранных Г. И. Раскатовым у с. Букивны, так как не имели возможности их видеть, но этот пункт, видимо, также можно включить в список раннепалеолитических местонахождений Приднестровья, хотя обнаруженные там предметы и не являются орудиями.

Оканчивая обзор материалов раннепалеолитических местонахождений Приднестровья, можно сделать несколько общих заключений:

1. На территории Приднестровья пока обнаружено небольшое количество раннепалеолитических местонахождений.

2. За исключением переотложенных изделий из Луки-Врублевецкой I—II и Пояны, большинство раннепалеолитических местонахождений было обнаружено на высоких точках рельефа — террасах Днестра или его притоков, что до некоторой степени является показателем геологической древности этих материалов. Ниже третьих террас, кроме Луки-Врублевецкой и Пояны, раннепалеолитические изделия не встречались.

3. Помимо находок из Луки-Врублевецкой I—II и Пояны, для всех других кремневых изделий раннепалеолитического времени является характерным наличие глубокой белой патины (часто с коричневыми точками), следов выветривания, следов люстража поверхности, а также наличие выступов на большинстве отщепов и изъяна на многих из них.

4. Среди обнаруженных предметов раннепалеолитического времени преобладают отщепы трех типов: 1) массивные отщепы с крупными ударными бугорками, сколотые под тупым углом с ударных площадок, края которых не имеют подправки; 2) отщепы со следами подправки

краев ударных площадок широкими фестолами; 3) отщепы со следами подправки края ударной площадки ретушью.

5. Остальные материалы состоят из рубилообразных орудий, скребел, одноплощадочных, двуплощадочных, дискообразных и кубообразных нуклеусов.

6. Ни одно из обнаруженных до настоящего времени на Днестре раннепалеолитических местонахождений не связано с находками остатков фауны.

7. Собранные в Приднестровье раннепалеолитические материалы относятся к ашельскому времени. Среди них наиболее ранними являются изделия из Луки-Врублевещкой I—II и Пояны, а более поздними — материалы остальных местонахождений, которые относятся к позднему ашелю и переходному к мустье времени. Среди позднеашельских местонахождений несколько более ранними являются находки из Бабина и Выхватинец.

8. Наличие на Приднестровье ряда ашельских местонахождений является показателем того, что эта территория начала заселяться человеком с ашельского времени. Новые данные по палеолиту Украины (Месяц, 1962) свидетельствуют, что и другие районы УССР, даже более северные, чем Приднестровье, также начали осваиваться древним человеком в ашельское время.

## Глава 3

### СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

На территории Приднестровья, как на левом, так и на правом берегах Днестра, известна серия стоянок и местонахождений, которые датируются мустьерским временем. Среди этих памятников ценными являются упоминавшиеся выше стоянки, а среди последних многослойные, исследованные путем раскопок. Изложение материалов о среднем палеолите Приднестровья мы начнем с характеристики последних.

#### МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА I

Многослойная стоянка Молодова I является одним из наиболее интересных памятников палеолита Приднестровья. Она расположена в узкой каньонообразной долине Днестра, на его правом берегу у с. Молодова Кельменецкого р-на Черновицкой обл. и связана с отложениями второй надпойменной террасы.

Вторая терраса образует здесь поверхность высотой 25—35 м над рекой, подрезанную первой надпойменной террасой, на которой находится с. Молодова. Отложения второй террасы представлены галечниками, залегающими на значительной глубине и вскрытыми только искусственными работами, выше песчанистыми суглинками и супесями с примесью делювиального материала. Вверх по склону аллювиальные отложения полностью замещаются последними. Выше залегает толща лессовидных делювиальных суглинков, отделяющихся от нижней пачки ископаемой почвой, местами размытой. Общая мощность толщи четвертичных отложений составляет 25—28 м. Она прорезана узкими щелеобразными оврагами на глубину до 15—17 м. Стоянка обнаружена в стенке одного из таких оврагов, носящего название Байлова Рипа (рис. 7, 8).

Проведенные исследования этой стоянки (1955—1961, 1963 гг.) дали возможность проследить наличие нескольких, последовательно расположенных поселений мустьерского времени, и исследовать эти поселения на значительной площади, несмотря на большую глубину залегания (рис. 9, 10).

Мустьерские поселения стратиграфически перекрывались на этой стоянке позднепалеолитическими.

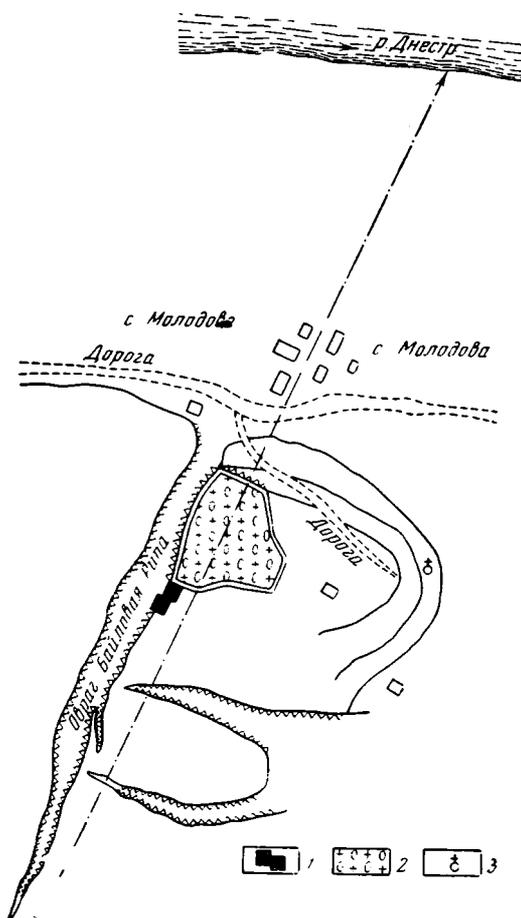


Рис. 7. Схематический план окрестностей стоянки Молодова I  
Условные знаки: 1 — участок раскопок; 2 — кладбище; 3 — церковь

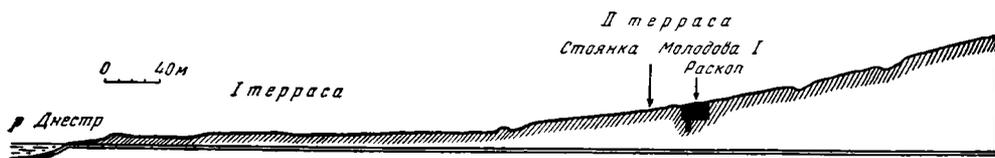


Рис. 8. Профиль склона правого берега Днестра в районе стоянки Молодова I

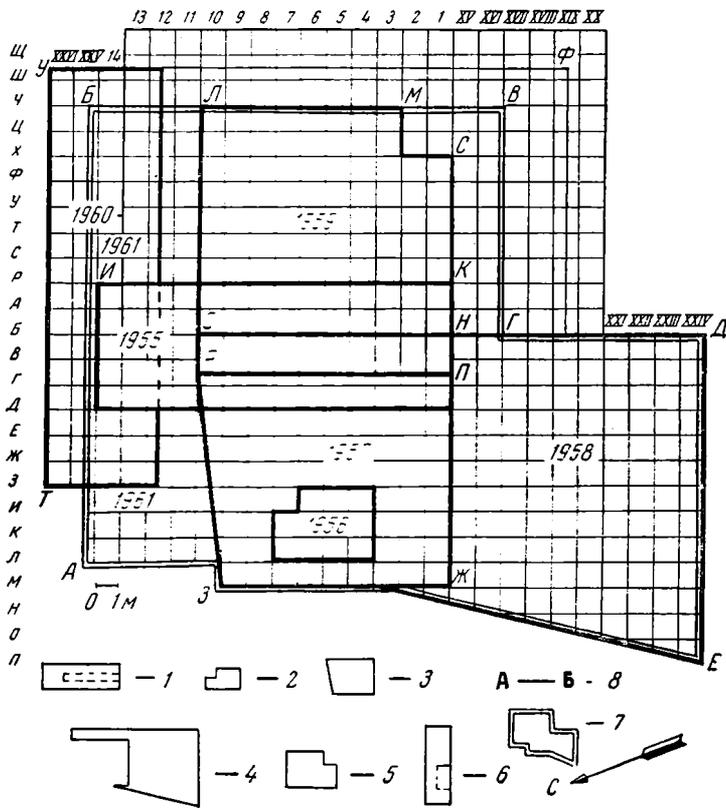


Рис. 9. Сводный план участка раскопок стоянки Молодова I в 1955—1961 гг  
**Условные знаки:** 1 — раскоп 1955 г.; 2 — шурф 1956 г.; 3 — раскоп 1957 г.; 4 — раскоп 1958 г.;  
 5 — раскоп 1959 г.; 6 — раскоп 1960—1961 гг.; 7 — исследованная площадь мусьеvских поселений; 8 — разрезы



Рис. 10. Фотография участка раскопок стоянки Молодова I

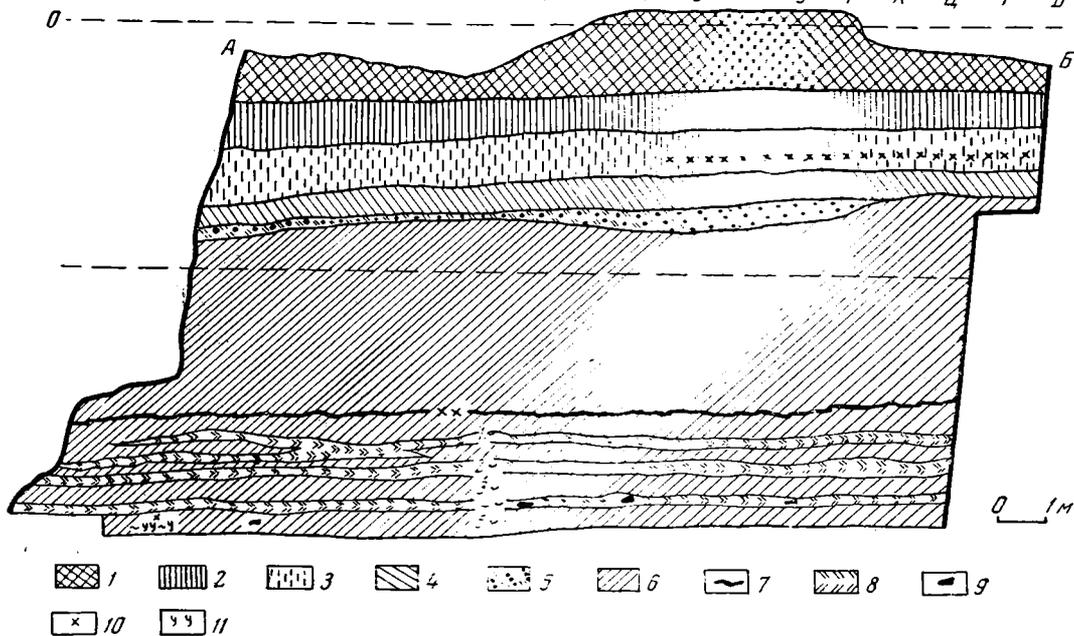


Рис. 11. Стоянка Молодова I. Разрез восточной стенки раскопа 1955—1957 гг.

Условные знаки: 1 — слой, обогащенный гумусом; 2 — бурый суглинок; 3 — желтовато-серый лессовидный суглинок; 4 — коричневый суглинок; 5 — темный суглинок, смешанный со щебнем; 6 — переслаивание желтых и синевато-серых суглинков; 7 — «сажистый» прослой; 8 — светло-серый суглинок; 9 — остатки фауны; 10 — кремневые изделия; 11 — остатки угля

Разрез раскопа стоянки Молодова I в обобщенном и схематизированном виде представляется следующим:

1. Дерновой покров небольшой мощности . . . . .
2. Кремневый щебень в суглинке, снесенный сверху с крутого склона . . . . . от 0 до 1,5 м
3. Суглинок темный, комковатый землистого сложения (горизонт А голоценовой почвы). . . . . 0,3—0,7 м
4. Суглинок желто-бурый, комковатый, с белоглазкой и кротовинами (горизонт В голоценовой почвы) . . . . . 0,5—1,0 м
5. Суглинок желтовато-сероватый, лессовидный, известковистый, с большим количеством раковин, мелких моллюсков. В нем находится мадленский культурный слой . . . . . 1,0—3,5 м
6. Суглинок темный, с большим количеством кремневого щебня, местами выклинивающийся, иногда раздваивающийся . . . . . 0,0—1,0 м
7. Суглинок желтоватый, сильно песчанистый, с резкими тонкими светло- и темно-серыми прослойками . . . . . 1,0—1,2 м
8. Неравномерное переслаивание желтых и светло-серых (часто с синеватым оттенком) суглинков и супесей. В середине этой толщи проходит тонкий волнистый, черный, так называемый «сажистый» прослой. В низах толщи обнаружены первые мустьерские находки. Слои 7 и 8 пронизаны глубоким клином, видимым на рис. 11 . . . . . 2,5—3,0 м
9. Суглинки, состоящие из чередования выдержанных слоев светло-серых с синеватым оттенком и желтых с мелкой кремневой щебенкой и яркими железненными пятнами. С этими слоями связаны мустьерские поселения . . . . . 1,5—1,6 м
10. Суглинки желтоватые слюдистые, местами сильно опесчаненные и почти переходящие в песок . . . . . около 4,0 м
11. Суглинки более темные, желтовато-бурые, слюдистые, песчанистые с темными пятнами . . . . . около 3,0 м

12. Суглинки желтовато- и коричневатобурые, слюдястые, с обломками известняка и кремневым щебнем . . . . . около 8,0 м  
 13. Илистая желтобурая супесь и песок с хорошо окатанной кремневой галькой различных пород — аллювий II надпойменной террасы. Пройдено скважиной еще 0,7 м\*

На рис. 11 и 12 приводятся зарисованные автором разрезы стенок раскопа по данным работ 1955—1957 и 1960—1961 гг.

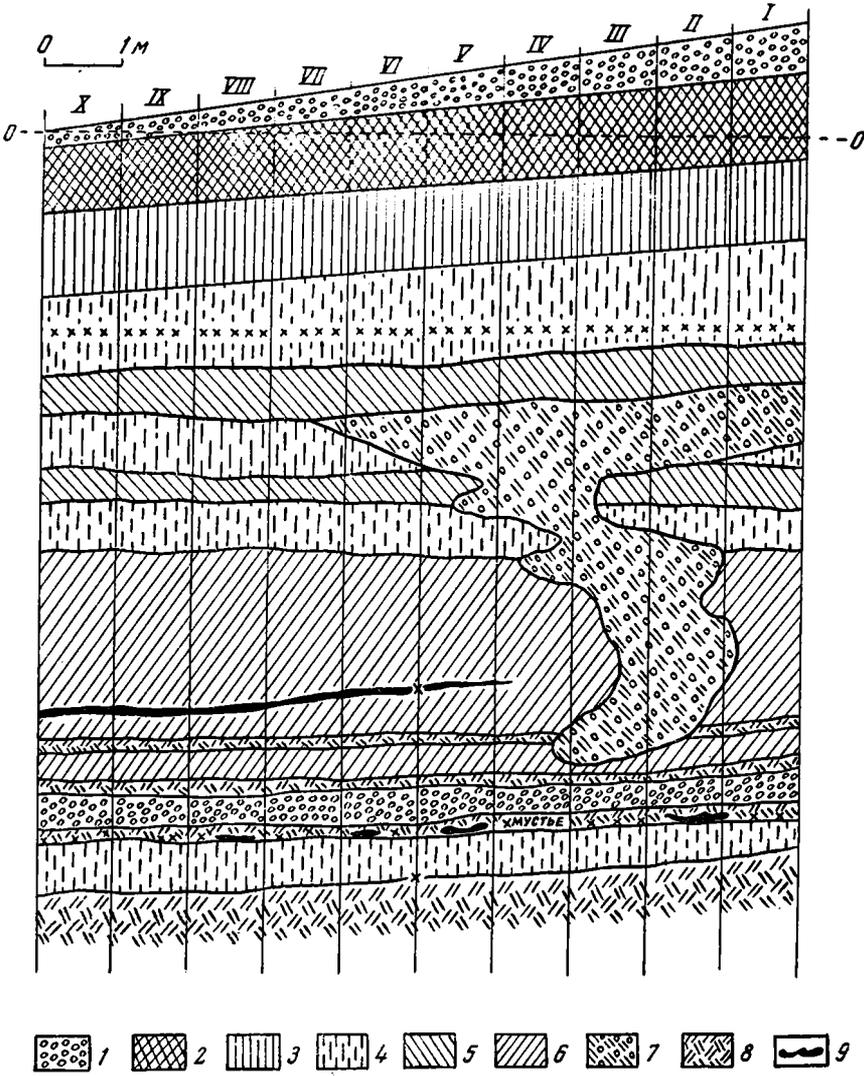


Рис. 12. Стоянка Молодова I. Разрез стенки раскопа 1960—1961 гг.  
 Условные знаки: 1 — кремневый щебень; 2 — слой, обогащенный гумусом; 3 — желтобурый суглинок; 4 — желтоватосерый лессовидный суглинок; 5 — коричневый суглинок; 6 — переслаивание желтых и синеватосерых суглинков; 7 — мерзлотный клин; 8 — светлосерый суглинок; 9 — остатки фауны в мустьерском горизонте

\* Скважина остановлена у контакта с коренными породами.

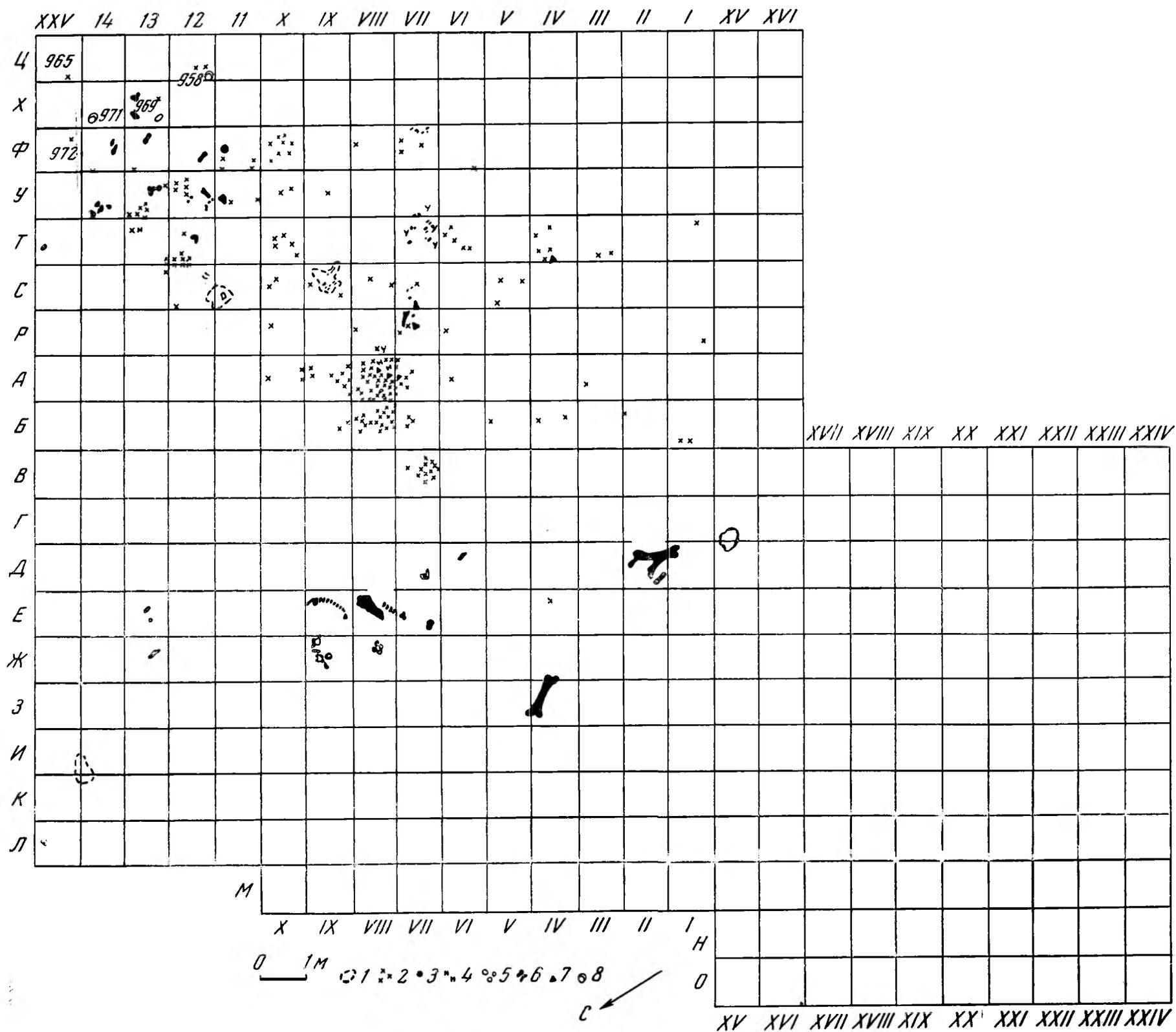


Рис. 13. Стоянка Молодова I. Горизонтальный план расположения культурных остатков в пятом мустьерском слое

Условные знаки: 1 — остатки кострищ; 2 — кремневые изделия; 3 — терки, песты и отбойники; 4 — остатки краски; 5 — нуклеусы; 6 — камни; 7 — остатки фауны; 8 — орудия

Первые данные о наличии остатков поселения, условно обозначенного «пятый слой», были получены еще в 1956 и 1957 гг., когда на глубине 9,25—9,40 м от уровня условной нулевой линии были найдены фаунистические остатки. В 1957 г. здесь были обнаружены остатки лошади: часть черепа, позвоночник, лежавший в анатомическом порядке, части конечностей, а также обломки костей крупного оленя. В кв. I г—д найден известняковый валун размерами 30 × 45 см.

Позже, в 1961 г., во время исследований стоянки после снятия культурных остатков четвертого слоя мутье, на площади раскопа была снята стерильная прослойка суглинка толщиной в 15—25 см, ниже которой находились обработанные кремневые изделия, остатки фауны и кострищ. Эти культурные остатки позволили установить наличие более древнего, чем четвертый слой мутьерского поселения, обозначенного слоем пять.

Всего за четыре года исследований (1956, 1957, 1961 и 1963 гг.) остатки поселения пятого культурного слоя были изучены на площади около 250 м<sup>2</sup>. Культурные остатки этого поселения находились в светло-желтых суглинках на глубине 9,65—9,75 м от уровня нулевой — по уровню залегания в квадрате XXVц, и на глубине 9,95—10,10 м — от уровня нулевой в квадрате XIV к.

На исследованном участке пятого слоя мутье были найдены отдельные кости ископаемых животных (кв. XIII у, XII у, XIII ф, XII х), терки, отбойники (кв. XI ф, XII у, XIV к), кремневые изделия и остатки от нескольких кострищ (рис. 13).

Остатки от первого очажного пятна были открыты в кв. XI—XII с на глубине 9,7—9,74 м от уровня нулевой. Размеры очажного пятна овальной формы достигали 50 × 30 см. В линзе кострища, имеющей толщину 1—1,5 см, наблюдались черные углистые пятна и остатки древесного угля. Над кострищем находился пережженный обломок песчаника, восточнее найдены фрагменты костей и кремневые изделия.

Остатки второго, также плохо сохранившегося кострища овальной формы, размерами 40 × 20 см, были обнаружены в северо-восточной части кв. XIV и—к. Кострище распространялось в неисследованную часть поселения. Толщина углистого прослоя в границах кострищ составляла 0,5—1 см.

Пятно от третьего небольшого кострища неправильно овальной формы было зафиксировано в кв. IX с — т на глубине 9,67—9,71 м от уровня нулевой линии. Размеры углистого пятна 40 × 30 см. В границах пятна от кострища наблюдались остатки древесного угля. Вокруг кострища были найдены отщепы и обломки костей. Толщина линзы кострища 2—3 см.

Следы следующего кострища плохой сохранности были обнаружены в кв. VII ф. Тонкая углистая полоска распространялась в неисследованную часть поселения. Кроме того, в кв. VI т были прослежены остатки угля.

Комплекс кремневых изделий, найденных на исследованной части поселения пятого слоя мутье (413 экз.), состоит из четырнадцати нуклеусов, 232 отщепов, 90 пластин, 21 орудия и отбросов производства — разнообразных обломков и осколков кремня.

Кроме того, были найдены семь обломков каменных плиток и пять галек песчаника.

Для изготовления кремневых изделий в пятом слое употреблялись те же сорта сырья, что и в вышележащих слоях: серый, светло-коричневый и темный меловой галечный кремень. Изделий из яшмы и кремнистого песчаника здесь не было найдено.

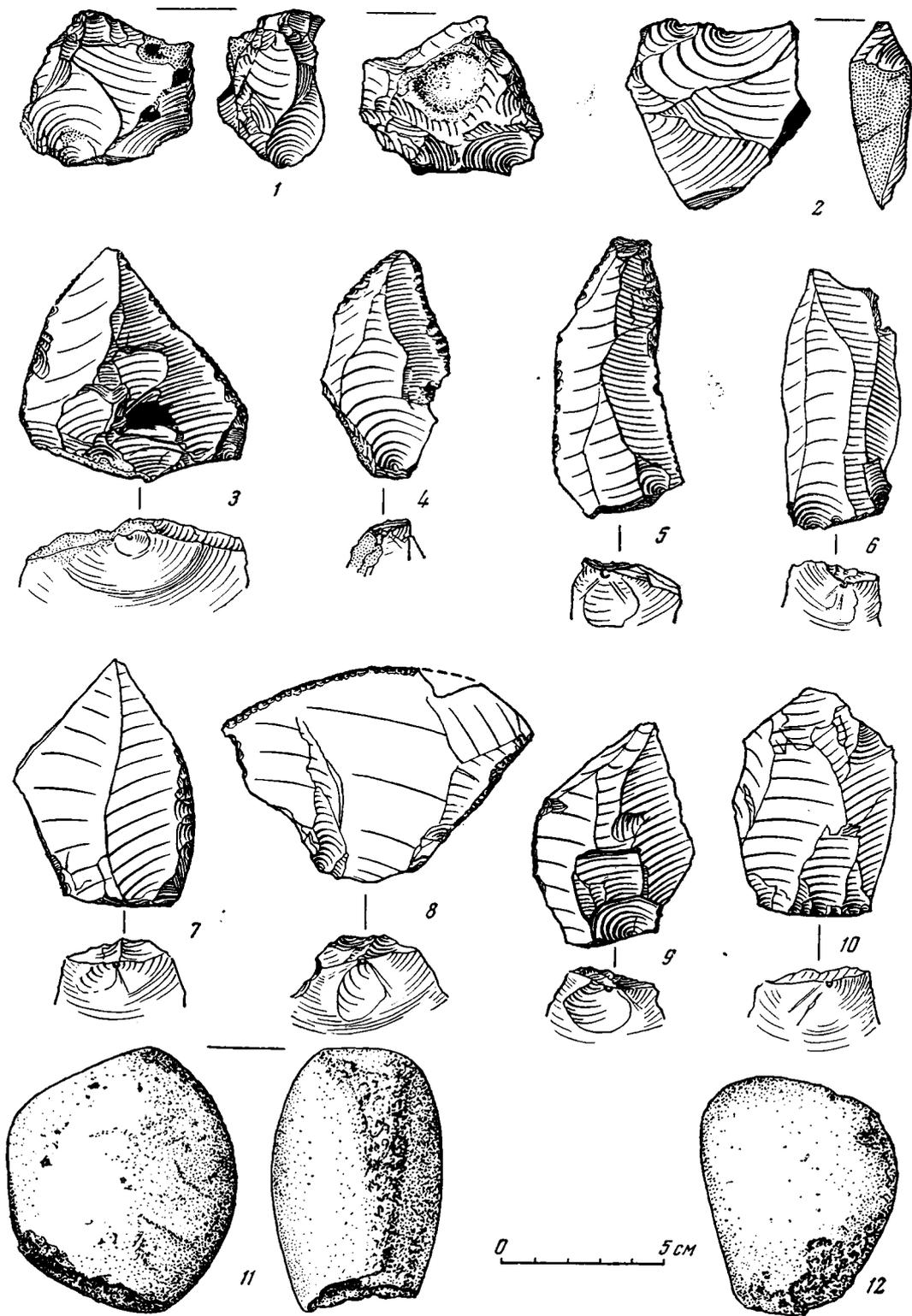


Рис. 14. Стоянка Молодова I. Изделия пятого мустьерского слоя

1, 2 — нуклеусы; 3, 4 — остроконечники; 5 — ножевидное орудие; 6 — пластина; 7 — 8 скребла; 9 — отщеп с ретушью; 10 — отщеп; 11, 12 — отбойники из галек

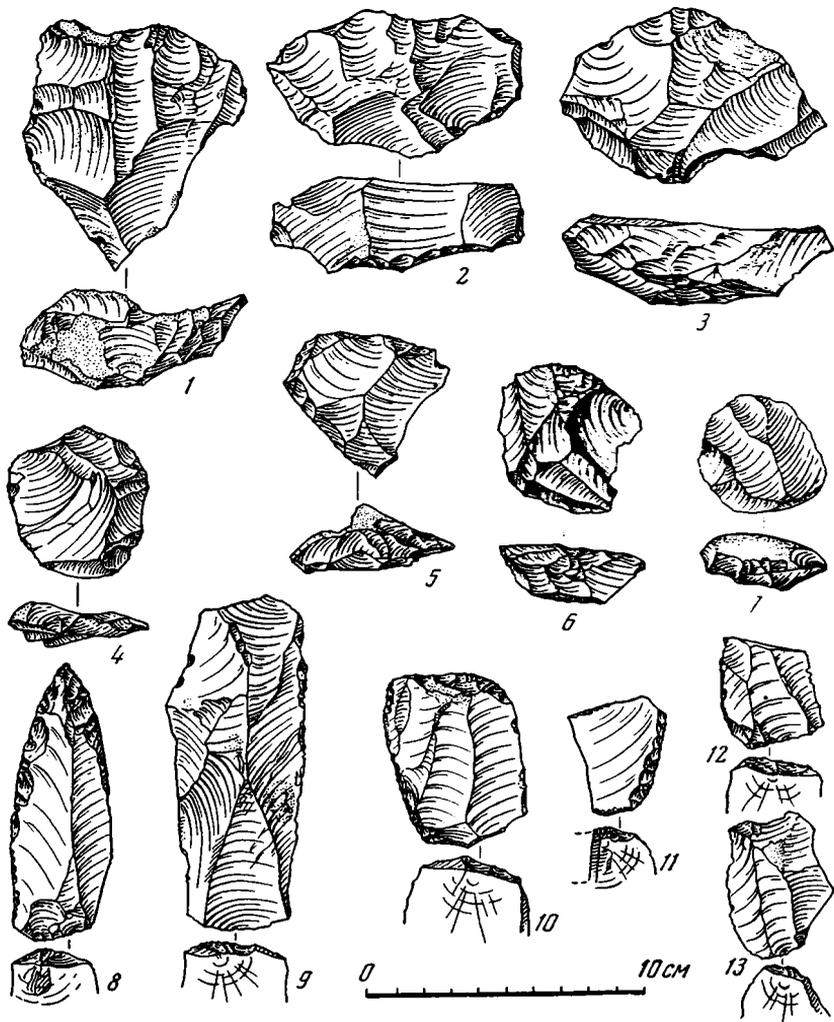


Рис. 15. Изделия пятого мустьерского слоя стоянки Молодова I, раскопки 1963 г.  
 1 — 7 нуклеусы; 8 — остроконечник; 9, 12 — ножевидные орудия; 10, 11 — скребла;  
 13 — отщеп

Нуклеусы пятого слоя имеют размеры от 38 до 95 мм. По форме они состоят из одноплощадочных (6 экз.), двуплощадочных (2 экз.), дискообразных (2 экз.), трехплощадочных (1 экз.) и аморфных (3 экз.).

Отщепы по форме относятся к овальным, трапецеобразным, треугольным. Форма отщепов показывает, что они скальвались с дискообразных, треугольных, двуплощадочных и одноплощадочных нуклеусов. Часть отщепов (57 из 232) имеет подправленные края ударных площадок. Отщепы имеют ударные бугорки, расположенные обычно наискось по отношению к их оси.

Собранные в пятом слое пластины имеют обычно крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Из 90 пластин 31 имеет подправленные края ударных площадок. Пластины имеют преимущественно двухгранные спинки.

Кремневые орудия пятого слоя состоят из остроконечника на массивном широком треугольном отщепе, размерами 67×15 мм, остроконечника на удлиненном отщепе длиной в 71 мм, удлиненного остроконечника на пластине длиной в 71 мм, широкого массивного скребла на

отщепе размерами 93×65×18 мм, двух скребел на пластине и отщепе и пятнадцати ножеобразных орудий на пластинах и отщепах (рис. 14, 15). Кремневые изделия пятого слоя имеют четкие черты мустьерской техники.

Кроме кремневых изделий, здесь были обнаружены обломки плиток и гальки песчаника. Три гальки имеют следы использования в качестве отбойников и терок. Размеры этих галек овальной формы следующие: 65×45×40 мм, 70×60×35 мм и 73×65×45 мм. Две последние гальки (отбойники) имеют поврежденные от ударов концы.

Фаунистические остатки пятого слоя состоят из обломков костей мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum), зайца (*Lepus* sp.), лошади (*Equus equus* L.), оленя (*Cervus* sp.) и благородного оленя (*Cervus elaphus*).

Характер расположения культурных остатков на исследованном участке поселения пятого слоя позволяет заключить, что этот участок является периферийной частью мустьерского поселения, распростирающегося в направлении к внешнему краю второй надпойменной террасы. Материалы пятого слоя имеют сходство с материалами ряда мустьерских памятников. Так, широкие остроконечники известны на стоянке Чокурча (Эрнст, 1934, табл. III, рис. 3), а также среди материалов венгерской мустьерской стоянки в пещере Видроцкого (Vertes, 1959).

#### ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОГО МУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ

Выше остатков поселения пятого мустьерского слоя на стоянке Молодова I на площади около 400 м<sup>2</sup> были исследованы остатки одного из наиболее богатых мустьерских поселений Приднестровья, наблюдавшемся в прослое светло-серых суглинков. Во время полевых работ этот слой условно был обозначен, как «слой мустье 2». Соответственно рельефу поверхности уровень залегания прослоя серых суглинков с мустьерскими культурными остатками снижался в направлении к Днестру на 5°.

Толщина линзы культурных остатков этого слоя достигала 15—20 см в наиболее насыщенных участках. Четвертый мустьерский слой на стоянке Молодова I наблюдался на глубине 8,6—8,8 м от уровня нулевой линии в кв. 11 р (11,5—11,7 м от уровня поверхности в данной точке); по уровню залегания в кв. 15в этот слой находился на глубине 8,5—8,7 м от уровня нулевой линии, в кв. Хж на глубине 9,2—9,4 м от уровня нулевой линии. В кв. XXVц этот слой прослеживался на глубине 9,2—9,45 м, а в кв. XXVв на глубине 9,5—9,75 м от уровня основной нулевой линии.

На исследованной площади поселения четвертого слоя было обнаружено значительное количество культурных остатков и прослежена весьма сложная картина их расположения. В четвертом слое были встречены как кремневые изделия, так и фаунистические остатки, остатки кострищ и жилищ, уголь, камни и т. д. (рис. 16).

На поселении четвертого слоя были открыты участки с интенсивными скоплениями культурных остатков (восточная часть изученного участка), а также участки с меньшим количеством культурных остатков (западная часть исследованной площади) или совсем без находок.

Переходим к описанию наиболее насыщенного культурными остатками участка, находившегося в восточной части изученной площади поселения.

В восточной половине исследованного участка поселения четвертого слоя была обнаружена выкладка специально подобранных и расположенных по краю овального скопления культурных остатков крупных костей мамонта. Ширина пояса крупных костей мамонта достигала в среднем от 0,6 до 1,6 м. Размеры внутренней части площади овального





Рис. 17. Стоянка Молодова I. Фотография дна жилища четвертого слоя мустье

кольца крупных костей  $8 \times 5$  м, размеры внешней части  $10 \times 7$  м (рис. 17—19).

Этот пояс костей мамонта, окаймлявший интенсивное скопление культурных остатков, состоял из наиболее крупных костей скелета: череп, тазовые кости, бедренные кости, бивни, челюсти, лопатки и т. д. Кольцо крупных костей состояло из двенадцати расколотых черепов, 34 лопаток и тазовых костей, 51 кости конечностей, 15 бивней и пяти нижних челюстей. Эти кости образовывали овальное ограждение.

В границах овального пояса крупные кости залегали преимущественно горизонтально. В ряде случаев прослежено перекрывание некоторых костей другими. Кроме того, в овальном поясе костей иногда наблюдались перерывы, что дает возможность подразделить этот пояс на несколько частей и говорить о северной, западной, северо-восточной, юго-восточной и юго-западной частях. В каждой из этих частей имелись некоторые особенности в расположении костей. Некоторые кости несколько выступали в сторону от кольца.

Западная часть кольца располагалась в квадратах VII—VIв—г. Средняя ширина пояса крупных костей здесь равнялась 60 см. Эту группу крупных костей образовывали расположенные горизонтально бивень молодого мамонта (длина бивня 65 см, ширина 6 см) с частью верхней половины черепа и пластиною зуба, две кости конечностей, вторая часть черепа мамонта, второй бивень, расположенный нижним концом в направлении к центру, позвонок. Несколько дальше, в кв. VIв, находилась крупная конечность длиной в 75 см, которая, очевидно, упала после разрушения каркаса жилища.

Южнее западной группы крупных костей отмечен перерыв шириной в 50—60 см, а еще южнее располагалась юго-западная часть кольца.

Юго-западная часть кольца занимала квадраты V—IVб—в—г, IIIв—б, II—Iб—а. Ширина основания стены жилища здесь в наиболее широких местах (кв. V—IVв—г) достигала 1,5 м, а в наиболее узкой части — 70 см. С внутренней стороны жилища, в юго-западной части кольца, были обнаружены четыре верхние половины расколотых череп-

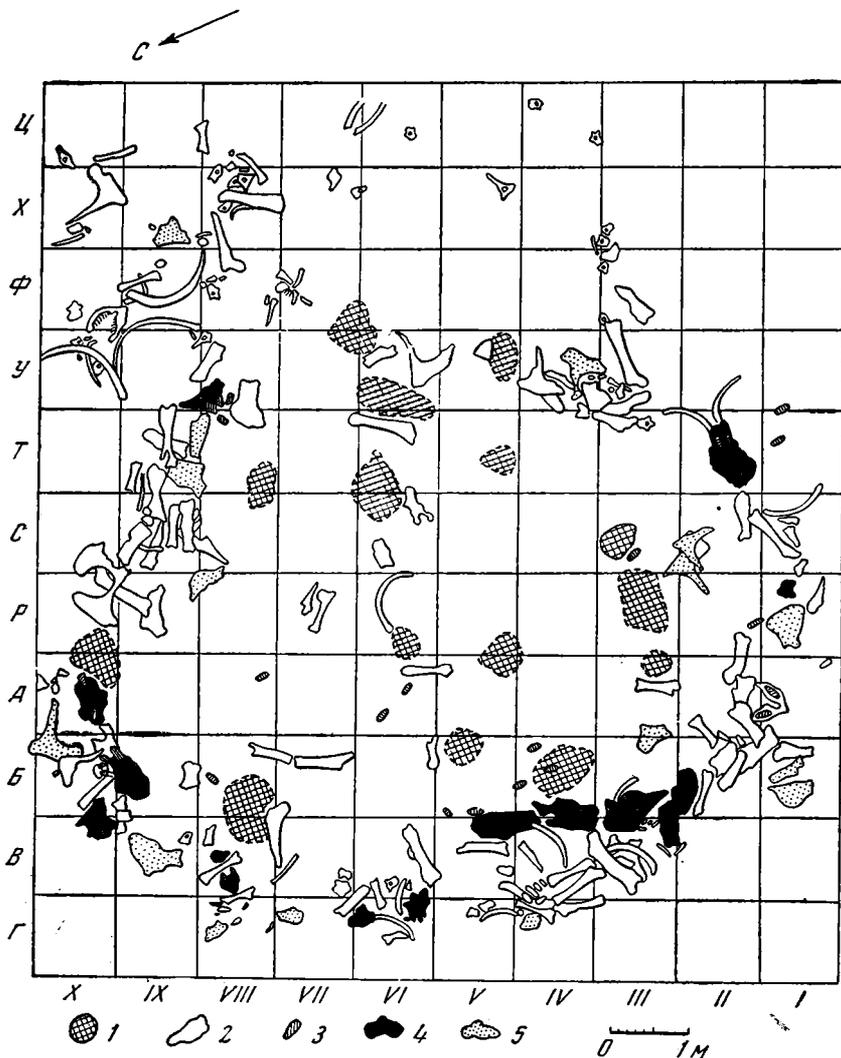


Рис. 18. Стоянка Молодова I. План основания жилища четвертого слоя мустье  
Условные знаки: 1 — остатки кострищ; 2 — остатки костей животных; 3 — зубы мамонта; 4 — череп мамонта; 5 — лопатки мамонта

ных крышек мамонтов с бивневыми трубами. Черепные крышки были положены горизонтально, мозговыми камерами вверх. В одном из черепов сохранился бивень (кв. IVв). Второй, внешний ряд наиболее широкой (юго-западной) части кольца, составляли лопатка мамонта и тазовые кости, над которыми и рядом с ними залегали бивни и кости конечностей. Бивень в кв. Vг лежал нижним концом к входу в жилище. По краям юго-западной части кольца в кв. Vг были обнаружены две кости конечностей мамонта с разбитыми эпифизами. Это свидетельствует о том, что после использования костного мозга кости применялись как строительный материал.

В кв. IVв—г юго-западной части кольца три кости конечностей мамонта с разбитыми эпифизами были выложены параллельно в ряд. Далее, в кв. 3в находилась бедренная кость, длиной в 92 см. Бедренная кость залегала поперечно по отношению к линии расположения черепных крышек и к трем параллельно расположенным конечностям. Под

бедренную кость заходил верхний конец бивня, который в свою очередь был расположен на лопатке. Очевидно, крупная бедренная кость раньше стояла вертикально, а после разрушения каркаса жилища упала и перекрыла бивень, упавший еще раньше на лопатку. Следует отметить, что на всех четырех черепных крышках бивневые трубы были расположены горизонтально по отношению к поверхности.

Несколько южнее, в этой же юго-западной части кольца, были зафиксированы тазовые кости и лопатки мамонта, которые продолжали дальше линию основания стены жилища, южнее черепов. Дальше, в этой же юго-западной группе, лежала челюсть мамонта, расположенная горизонтально, зубами вниз. Над четвертым черепом и над лопаткой наискось лежала кость конечности, которая, очевидно, упала после разрушения жилища. Третья длинная кость перекрывала челюсть и четвертую длинную кость больших размеров. По линии основания стены жилища в этой же группе находилась еще одна кость конечности и две тазовые кости (кв. I—IIp). Эти кости конечностей также имели расколотые эпифизы.

Длина юго-западной части основания жилища равнялась 5,5 м. В кв. IIp отмечен перерыв в залегании крупных костей шириной в 50 см. После перерыва по линии основания стены находилась юго-восточная часть основания жилища (рис. 20).

Юго-восточная часть основания стены жилища начиналась в кв. II—Ic двумя тазовыми костями, залегавшими одна над другой, частью хребта, двумя длинными костями, положенными одна за другой, бивнем с верхним концом, ориентированным в сторону от центра жилища, и двумя небольшими лопатками. В кв. IIт была найдена верхняя часть черепной крышки мамонта. В черепной крышке сохранились остатки двух зубов и двух бивней. Линия овального кольца продолжалась дальше в кв. III—IVт = y, где были обнаружены две бедренных кости (их длина по 90 см), лопатка, две тазовые кости и обломок челюсти. Первая бедренная кость была расположена вдоль линии жилища, а вторая несколько отклонялась в сторону, давая начало второй дополнительной камере жилища. Линию стены второй камеры дальше продолжали вторая кость конечности и лопатки.

Ширина основания стены жилища в описанной юго-восточной части кольца около 70 см. Юго-восточная часть оканчивалась в кв. IVy. В этом квадрате также были обнаружены крупные кости, перекрывавшие другие. Две тазовые кости лежали здесь поверх костей конечностей.

Далее в кольце наблюдался перерыв шириной в 1 м, являвшийся, возможно, входом в добавочную восточную камеру жилища, а в кв. V—VIy залегали тазовая кость и кость конечности. Возле последней находились остатки кострища добавочной камеры.

Ближе к центру основной камеры жилища, в кв. VI—VIIт лежала



Рис. 19. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Фотография остатков восточной части основания стены жилища



Рис. 20. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Фотография остатков юго-восточной части основания стены жилища

бедренная кость с расколотыми концами. После бедренной и тазовой кости, в кв. VIIу отмечен промежуток без крупных костей шириной в 1,2 м. Этот промежуток являлся вторым входом в добавочную камеру.

Отмеченные два входа были расположены симметрично по отношению к двум промежуткам, наблюдавшимся в противоположной части кольца в кв. VIIв—г. Севернее указанного промежутка в расположении костей в кв. VIIу начинался край северо-восточной части основания стены жилища.

Северо-восточная часть кольца, ограждавшая основную камеру жилища, отмечена в кв. VIII—IXу, IXт, IX—Xс, IX—Xр. На нем обнаружена компактная группа крупных костей (рис. 21).

Так, в кв. VIIу в северо-восточной части основания стены находились: обломок черепной коробки, два обломка зубов, две расположенные горизонтально лопатки. В кв. IXт горизонтально залегали две тазовые кости, две лопатки, расположенные одна возле другой. Выше, вдоль линии основания стены жилища, находилась кость конечности (длиной 72 см, шириной 13 см), которая перекрывала лопатку и тазовую кость, положенные поперечно по отношению к линии стены. Рядом параллельно была расположена вторая длинная кость. Толщина основания стены в этом участке равнялась 70 см.

В кв. IXс северо-восточной части основания стены находились две лопатки, две тазовые кости, позвонки, две кости конечностей, расположенные горизонтально по отношению к поверхности и параллельно по отношению к линии основания стены жилища. Кости конечностей имели наибольший наклон на северо-запад. В кв. VIIIс и VIIIр находились лопатки, которые с внутренней стороны примыкали к основанию стены, но были несколько удалены от стены. На площадь квадрата Xс частично заходила длинная кость из кв. IXс.

В кв. XIр—Xр в северо-восточной части стены отмечена лопатка, которая перекрывалась бедренной костью (длина этой кости 90 см, толщина 15 см). Последняя в свою очередь перекрывалась второй частью крупной тазовой кости.

Ширина основания стены жилища в этом месте северо-восточной части основания жилища 1,2 м, длина северо-восточной части основания жилища 3,6 м.

За тазовой костью в основании стены жилища снова наблюдался промежуток без крупных костей. Ширина этого промежутка 30 см (квадраты Хр — а). На этом отрезке наблюдались остатки небольшого кострища. Дальше начинается край северной части основания стены жилища.

Северная часть основания стены прослеживалась в кв. X—IXа—б, IXв, VIIIв. Эта группа крупных костей длиной в 3,5 м состояла из четырех, горизонтально расположенных по одной линии, верхних частей черепных крышек с остатками зубов. Черепные крышки бивневыми трубками, зубами и мозговыми камерами были ориентированы вверх. Здесь же находилась поставленная наискось челюсть молодого мамонта (кв. X—IXс), две тазовые кости, одна лопатка и конечность с двумя расколотыми концами. Кость конечности одним концом в квадрате Xб перекрывала часть наиболее крупного черепа. Одновременно была обнаружена вторая кость конечности, находившаяся между двух черепов в горизонтальном положении (рис. 22).

В границах северной части основания стены три обломка черепов были расположены с внутренней стороны, а четвертый находился с внешней стороны. Две другие кости конечностей были расположены в кв. VIIIв перпендикулярно по отношению к линии основания стены. Одна из этих конечностей, имеющая длину в 52 см, перекрывала четвертый череп. По-видимому, эта кость была расположена вертикально и упала после разрушения каркаса жилища. Линия расположенного с внешней стороны основания стены черепа в кв. IXв продолжена лопаткой, лежавшей горизонтально.

Северная часть основания стены оканчивалась в кв. VIIв — г, дальше снова был промежуток между крупными костями — вход в жилище, после которого располагалась западная часть основания стены.

Мы уже указывали, что на пространстве внутри ограждения из крупных костей была сосредоточена основная масса культурных остатков, обнаруженных в четвертом слое. Здесь же были обнаружены остатки кострищ.

На площади, внутри овального ограждения, были открыты остатки от пятнадцати очажных пятен, линза которых была заполнена углистой почвой с мелкими остатками древесного угля и пережженных косточек животных. Остатки кострищ были прослежены в квадратах Ха — р, VIIIб — в, VIIIг — с, VIIIф — у, VIу, VIг — с, VIр, Va — б, Vр — а, Vг, Vu, IVб, IIIа, IIIр — с, IIIс. Кострища имели преимущественно оваль-



Рис. 21. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Фотография северо-восточной части основания стены жилища



Рис. 22. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Фотография части основания стены жилища после разборки культурных остатков

ную форму. Размеры самого небольшого кострища  $40 \times 30$  см (кв. IIIa), а наиболее крупного (кв. VIy) —  $100 \times 40$  см. Большинство кострищ имело толщину линзы в 1—2 см.

В кв. IVб было обнаружено очажное пятно овальной формы, размерами  $55 \times 50$  см. Толщина линзы кострища 1 см. Возле кострища находился зуб мамонта.

Следующее кострище овальной формы находилось в кв. Vб. Размеры его составляют  $45 \times 40$  см. Вокруг кострища найдены четыре зуба мамонта и кремневые отщепы.

Следующее кострище размером  $50 \times 30$  см находилось в кв. Va — р. На площади кострища были найдены пережженные кремневые изделия. Вокруг кострища обнаружены терки из песчаника и отбойники.

Остатки следующего кострища овальной формы находились в кв. IIIг — у, размеры его  $30 \times 40$  см. В пределах кострища были обнаружены остатки пережженных костей животных.

Кострище в кв. VIIy — ф имело размеры  $60 \times 70$  см. Линза кострища насыщена остатками древесного угля, зольной почвой. Толщина линзы около 0,5 см.

Остатки кострища в кв. VIy имели размеры  $90 \times 40$  см. Толщина линзы этого кострища около 3 см. В линзе кострища были обнаружены остатки пережженных косточек и древесного угля. Кострище расположено между крупными костями мамонта. С одной стороны возле кострища находилась крупная кость конечности, а с другой — тазовая кость и обломок второй кости конечности.

Кострище в кв. VIc — т имело размеры  $40 \times 45$  см, толщина его углистой линзы 1 см. Это кострище окружалось рядом крупных костей.

Остатки кострища в кв. VIIIc — и имели размеры  $50 \times 70$  см. Линза этого кострища была заполнена углистой зольной массой, где встречались мелкие остатки древесных угольков и пережженные кремневые изделия. Здесь же была обнаружена терка из песчаника.

Кроме остатков кострищ, на участке, ограниченном ограждением из крупных костей, были встречены также кухонные остатки — обломки



Рис. 23. Реконструкция постоянного жилища четвертого слоя мустье стоянки Молодова I

костей других ископаемых животных и огромное количество кремневых изделий. В наиболее насыщенных квадратах скопления культурных остатков найдено по 1—2 тыс. экз. кремневых изделий. Вне границы овального ограждения из крупных костей кремневые изделия найдены в небольшом количестве.

Как объяснить назначение овального кольца крупных костей, ограждавшего участок с интенсивным скоплением культурных остатков?

Учитывая искусственный характер сооружения овального пояса из крупных костей, определенную целесообразность в их расположении и специальную подборку наиболее крупных костей скелета мамонта, а также наличие внутри овального ограждения огромного количества культурных остатков мустьерского времени и серии очажных пятен, можно прийти к определенному выводу о его назначении. Описанное выше овальное ограждение из крупных костей, окружающее интенсивное скопление культурных остатков, можно рассматривать как остатки основания стены долговременного крупного наземного жилища мустьерского времени. Наш вывод подтверждается также данными об остатках позднепалеолитических жилищ на территории СССР и других стран (Герасимов, 1935, 1958; Окладников, 1941; Борисковский, 1958; Шовкопляс, 1956; Prošek, 1961) и этнографическими данными о сооружениях для жилья северных народностей (Чернецов, 1936; Туров, 1952; Обручев, 1957; Шренк, 1894; Врангель, 1841; Орлова, 1929; Йохельсон, 1908). Каркас этого шалашеобразного жилища, очевидно, сооружался из крупных жердей, покрывавшихся шкурами мамонта (рис. 23).

Шкуры животных, перекрывавшие каркас жилища, в нижней части, по-видимому, придавливались костями конечностей. Последние в результате разрушения остова жилищ упали на другие кости основания стены. Только этим, на наш взгляд, возможно объяснить наличие в ряде

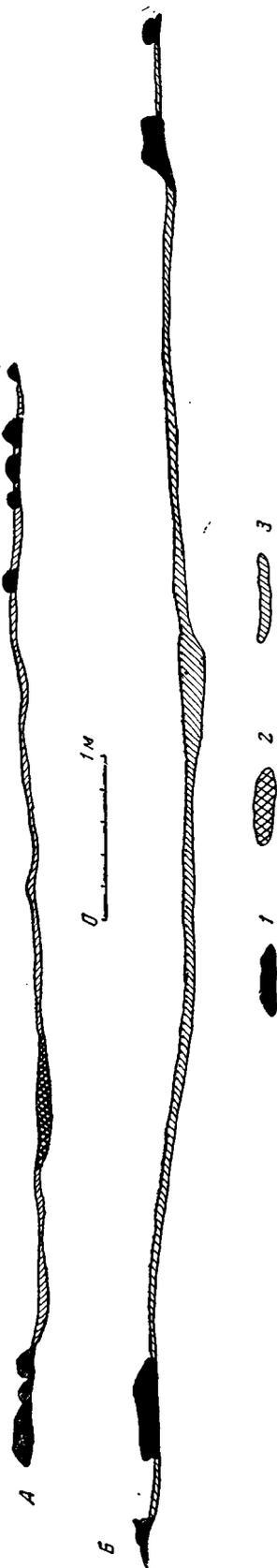


Рис. 24. Стаянка Молодова I. Четвертый слой мутье. Разрез через основание постоянного жилища

Условные знаки: 1 — остатки костей; 2 — остатки кострищ; 3 — линза остатков жилища.

А — разрез по линии III — IV в направлении к оврагу Байлова Рипа; Б — разрез по линии от I/ХУСс — к XI/Хв. 6

мест костей, перекрывавших другие (кв. IIIв, III—IVт—у, IIс, XIт, X—IXр, IIб—а). Бивни мамонта, лежавшие с внешней стороны основания стены жилища, также, по-видимому, придавливали шкуры, покрывавшие его каркас. Такие бивни были обнаружены в квадратах VIг, IVг, IXф, Ху.

Некоторые данные позволяют предположить, что главная камера жилища разделялась перегородкой на две части — южную и северную. Об этом можно судить прежде всего на основании ряда крупных костей мамонта, залегающих горизонтально по линии, разделяющей главную камеру жилища на две части.

Такие кости были обнаружены в квадратах VI—VIIт (трубчатая кость), VIс (трубчатая кость), VIр (бивень), VIа (трубчатая кость), VIб (трубчатая кость); VIв (кость конечности). Часть этих костей, очевидно, стояла вертикально, образуя перегородку, так как под ними была прослежена линза культурных остатков, отсутствующая под костями основания стены жилища (рис. 24).

Следует указать, что каждая половина главной камеры жилища с западной стороны имела специальный проем — выход, а с восточной стороны — отдельный выход в восточную добавочную камеру. Кроме того, северная половина имела проход в северо-восточную камеру.

В границах основной и добавочных камер жилища была обнаружена значительная масса кухонных остатков — костей животных, убитых во время охоты. Эти кости были в основном раздроблены. Толщина линзы культурных остатков в центральной части главной камеры жилища достигала 12—15 см, а по краям она вклинивалась. Это свидетельствует о том, что основание жилища находилось в незначительном углублении (рис. 24).

На площади основной камеры жилища, среди кухонных остатков была найдена часть скелета медведя. Череп этого животного находился возле остатков кострища в кв. VIа. Почти у всех трубчатых костей мамонта, найденных на площади жилища, концы были разбиты для извлечения из них костного мозга. Только после использования костного мозга они были упот-

реблены в качестве строительного материала. Это же относится и к остаткам черепов мамонтов: в основании стены жилища были обнаружены главным образом верхние части разбитых черепов, которые были применены в качестве строительного материала после использования мозга. Эти черепа были расположены мозговыми камерами вверх.

Следует также отметить наличие в ряде квадратов жилища зубов мамонтов, которые находились на небольшом расстоянии от внутреннего края основания стены жилища. Эти зубы могли быть использованы в качестве сидений. Они были обнаружены в квадратах VIIIг, Vг, IVг, IIIс, VIа. Большая часть таких зубов была найдена в северо-восточных квадратах площади основной камеры жилища. Жевательной поверхностью эти зубы были направлены вверх.

На площади жилища в кв. VIIг были, кроме того, обнаружены остатки красной краски.

Во многих квадратах площади постоянного жилища были обнаружены терки, песты и отбойники из песчаника, а также обломки камней.

Следует также отметить некоторую разницу в характере расположения культурных остатков в двух частях основной камеры жилища. Северная часть основной камеры была более насыщена нуклеусами, обломками кремня и кухонными остатками, а в южной половине было обнаружено больше орудий и меньше кухонных остатков.

Два перерыва в расположении крупных костей в северо-западной части овального ограждения — остатков стены жилища, которые отмечены в квадратах VIIв — г, Vв — г (ширина этих промежутков соответственно 1 м и 0,5 м), можно рассматривать в качестве входов в две половины основной камеры жилища. Это подтверждается также и тем, что в квадратах, примыкавших непосредственно с наружной стороны к этим промежуточным частям основания стены, количество культурных остатков было небольшим.

Такие же два промежутка в основании стены основной камеры жилища были в противоположной, восточной части основания стены. Эти два промежутка были проходами в восточную, добавочную камеру жилища.

Площадь добавочной камеры жилища 5×3,5 м. Наличие этой камеры-пристройки к основной части жилища подтверждается ответвлением крупных костей в основании стены жилища в кв. IIIу и IX—VIIIф — х. Об этом же свидетельствует ряд позвонков по краю восточной добавочной камеры, положенных отверстием вверх (в позвонки могли втыкать концы жердей), и значительное количество культурных остатков в границах этой камеры.

Наличие боковых ответвлений крупных костей в квадратах Ха — б, Хх — ф перерыва в северо-восточной части основания стены, значительное количество культурных остатков на площади квадратов между указанными ответвлениями в расположении крупных костей — все это давало основание для предположения о наличии также и второй, добавочной пристройки северо-восточной камеры жилища.

Исследования 1961 г. позволили подтвердить это предположение. В центральной части основного участка исследований 1961 г., на площади квадратов, примыкавших к участку, исследованному в 1959 г., наблюдалось интенсивное скопление культурных остатков, имевшее овальную форму. Вне границ скопления концентрация материалов незначительна. Овальное скопление, которое с северо-восточной стороны примыкало к участку с остатками основной камеры жилища, наблюдалось в квадратах X—XI—XIVв — у, XIIIв — т, XIVв — а. Длина его 7 м, ширина 3 м. На площади этого скопления были обнаружены крупные кости мамонта (кости конечностей, лопатки), носорога (два черепа, располагавшиеся в кв. XIс, XIIIа), и мелкие раздробленные кости —

кухонные остатки, а также кремневые изделия. По краям северо-восточного скопления — добавочной камеры постоянного жилища, залега-ли позвонки мамонта, ориентированные отверстием вверх.

Один череп носорога (кв. XIIIв) находился на краю северо-восточной добавочной камеры. Наиболее насыщенными на площади северо-восточной добавочной камеры явились квадраты XIa—б—в. Здесь были обнаружены обломки ребер животных, зубы мамонта, кремневые изделия. По краям северо-восточной добавочной камеры количество культурных остатков постепенно уменьшалось. Средняя насыщенность этой площади скопления 50—60 экз. на квадрат, а в наиболее насыщенных квадратах наблюдалось по 150—200 экз. кремневых изделий.

На площади северо-восточной добавочной камеры были обнаружены остатки двух кострищ.

Первое из них округлой формы (диаметр кострищ 30 см) наблюдалось на границе квадратов XIa—XIр, второе, размерами 15×15 см, было прослежено в кв. XIр, на глубине 9,44 м от нулевого уровня. В границах очажных пятен прослеживались зольные полоски с мелкими остатками древесного угля. Толщина этих полосок 1—2 см.

Изложенные данные свидетельствуют о том, что остатки мустьерского жилища являлись довольно сложным сооружением, имевшим, кроме основной камеры жилища, также боковые пристройки\*.

Переходим к изложению данных о западном скоплении культурных остатков, значительно более бедном по сравнению с площадью расположения постоянного жилища.

Западное скопление имело овальную форму. Размеры его 5×6 м. Это скопление культурных остатков наблюдалось в квадратах Im—з, XVm—з, XVIп—з, XVIIп—ж, XVIIIп—з, XIXи—к. В границах западного скопления были встречены как крупные, так и мелкие кости мамонта, кремневые изделия, терки, а также остатки кострищ.

Среди крупных костей, находившихся на площади западного скопления, укажем две тазовые кости мамонта, четыре бивня, лопатку, три крупных берцовых кости, одну бедренную кость. Остальные кости были представлены обломками ребер, позвонков, обломками зубов, метаподий. В границах западного скопления наблюдались, таким образом, кухонные остатки. Здесь также обрабатывался кремль, о чем свидетельствуют нуклеусы, обломки, отщепы и пластины.

В границах западного скопления были открыты остатки двух кострищ. Остаток первого кострища овальной формы, размерами 65×70 см, прослеживаются кв. XIX—XVIIп на глубине 8,51—8,57 м от нуля. В лунке кострища, имевшей пологие края, наблюдались мелкие кусочки древесного угля, пережженные кости, обломки кремня и отщепы со следами обжига. Толщина линзы этого кострища 3—4 см. Во время разборки кострища были обнаружены два нуклеуса и 120 отщепов.

Второе кострище, размерами 25×30 см, было обнаружено в центральной части квадрата XVIIм. На площади очажного пятна, среди зольной массы, наблюдались мелкие кусочки древесного угля.

На площади западного скопления культурных остатков в среднем было обнаружено по 40—50 экз. кремневых изделий на 1 м<sup>2</sup>.

Характер расположения крупных костей в границах западного скопления не позволяет сделать вывод о наличии определенной целесообразности и преднамеренности в их размещении. Поэтому западное скопление отличается от участка с остатками жилища и не может быть

---

\* После разборки культурных остатков жилища были засыпаны. В 1963 г. они были вновь открыты и расчищены. После этого под руководством Я. М. Эглона остатки жилища — крупные кости мамонта — были сняты монолитами и перевезены в Одесский археологический музей.

остатками постоянного жилища. Однако скопления кухонных остатков и кострищ, кремневых изделий и отбросов позволяют предполагать, что мустьерский человек довольно долго жил здесь под открытым небом, скорее всего летом.

Отметим также, что на площади между остатками постоянного жилища и западным скоплением культурных остатков (расстояние между краями этих скоплений 6 м) встречались в незначительном количестве культурные остатки (обломки костей, отдельные кремневые изделия), в среднем по 5—15 экз. на 1 м<sup>2</sup> площади.

Переходим к описанию северной части исследованного поселения четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I.

В северной части исследованного участка также встречались материалы, связанные с деятельностью мустьерского человека. Они наблюдались в значительно большем количестве, чем на промежуточной площади между постоянным жилищем и западным скоплением, но в меньшем количестве, чем на площади постоянного жилища и на площади западного скопления. Здесь встречались не только мелкие, но и отдельные крупные кости ископаемых животных.

В кв. Iг, VIж — е и IVг были найдены лопатки мамонта. Кроме лопаток, в некоторых квадратах встречались бивни мамонта (преимущественно тонкие в сечении бивни молодых особей). Бивни были встречены в кв. IX—VIIIд, IXе, VIIIз, VIг, VIг — д, IVг, IVд, IIIе — ж. Кроме бивней, отмечены кости конечностей, обломки зубов, нижняя челюсть молодого мамонта (кв. IXд), ребра. Здесь же попадались и позвонки мамонтов. Костей животных, находившихся в анатомическом порядке, обнаружено не было. Следовательно, найденные в северной части исследованного участка обломки костей являются кухонными остатками. В связи с этим любопытно отметить находку в квадратах IX—VIIIе, Id — е трубчатых костей мамонта, специально расколота вдоль с целью извлечения костного мозга.

В расположении костей в северной части исследованного участка, как и в западном скоплении, не было обнаружено никакой целесообразности, но все же возле крупных костей были открыты остатки двух кострищ.

Остатки первого кострища на этом участке были открыты в кв. Vж. Это очажное пятно имело овальную форму, его размеры 0,4×0,5 м. Пятно от кострища находилось на участке между двух лопаток, которые залегали на расстоянии 0,6 и 1 м от кострища. Западнее этого кострища лежал бивень мамонта. В границах кострища в зольной почве встречались вкрапления древесного угля.

Остатки второго кострища были прослежены в кв. IV — IIIж — з. Размеры этого овального очажного пятна 0,5 × 1,1 м.

Следует отметить, что кострища, встреченные в западном скоплении и в северной части изученного участка, сохранились очень плохо. В их границах толщина углистой линзы достигала 1—2 см.

Наконец, остановимся на юго-западной части исследованной площади мустьерского поселения. Здесь в ряде квадратов вообще не было обнаружено культурных остатков, а в других квадратах наблюдались лишь отдельные обломки костей и отдельные кремневые поделки. Юго-западная и южная части исследованной площади являлись участками, наиболее близко расположенными в направлении к высокому берегу Днестра. Очень слабая насыщенность культурными остатками этих участков свидетельствует о том, что эта площадь являлась периферийной частью мустьерского поселения и поселение в сторону внутреннего края второй надпойменной террасы почти не распространялось.

При изучении восточной части мустьерского поселения были открыты остатки кострища. Они отмечены в кв. XIVх, т. е. в восточном углу

площади раскопа 1961 г. Это очажное пятно имело форму неправильного овала размерами 30×80 см. В границах очажного пятна темная углистая линза имела толщину 1—2 см, в ней встречались мелкие кусочки древесного угля. Особенно много угля было в центральной части линзы кострища, где мощность кострища достигала 2 см. Кострище окружалось обломками костей животных и небольшим количеством кремневых изделий.

На площади восточных квадратов исследованного участка мустьерского поселения были встречены также отдельные крупные кости животных. Так, в кв. XIV<sub>γ</sub> отмечен бивень молодого мамонта, в кв. XIV<sub>ρ</sub> — два обломка лопаток мамонта.

Характер залегания культурных остатков на площади восточных и северо-восточных квадратов изученной части поселения дает основания для вывода о том, что мустьерское поселение распространяется в направлении к внешнему краю второй надпойменной террасы\*.

Заканчивая этим описанием характера расположения мустьерских культурных остатков на различных участках изученной части поселения четвертого слоя, мы видим, что исследование большей части площади мустьерского поселения дало возможность выявить сложную картину. Поселение состояло из центральной части с остатками крупного наземного постоянного жилища с огромным количеством культурных остатков на его площади, из менее интенсивного западного скопления, являвшегося, возможно, остатками недолговременного поселения; из периферийных участков, где было обнаружено незначительно количество материалов и участков без культурных остатков, где мустьерский человек находилась недолгое время или вообще не жил.

Переходим к характеристике культурных остатков, обнаруженных при изучении мустьерского поселения четвертого слоя стоянки Молодова I. На изученной площади поселения были обнаружены кремневые изделия, кухонные остатки, остатки кострищ, остатки угля, краска. Основная масса этих материалов, как мы отмечали выше, находилась на площади постоянного жилища.

Среди материалов мустьерского поселения больше всего было обнаружено кремневых изделий (32 073). Они состоят из 687 нуклеусов, 20 483 отщепов, 4896 пластин, 202 орудий и отбросов производства. Больше 29 тыс. кремневых изделий было найдено на площади жилища (рис. 25—30).

Для изготовления орудий употреблялся преимущественно серый, коричнево-красный, светло-коричневый, темный меловой и галечный кремний. Кроме того, в незначительном количестве использовались также кремнистый песчаник и яшма. Светло-коричневый галечный кремний имеет темно-синюю патину, остальные кремневые изделия в основном не имеют патины.

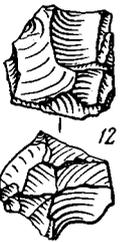
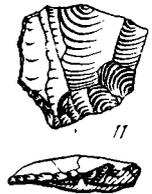
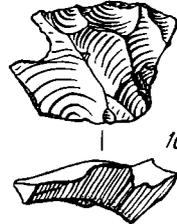
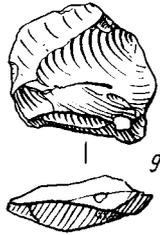
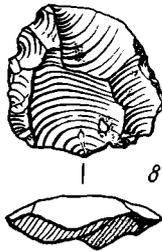
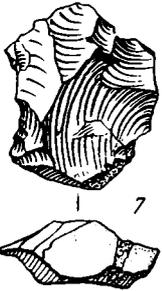
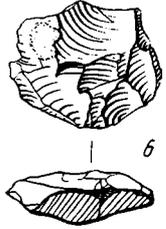
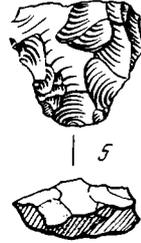
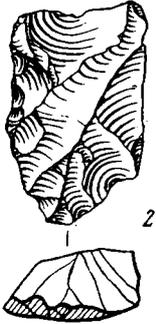
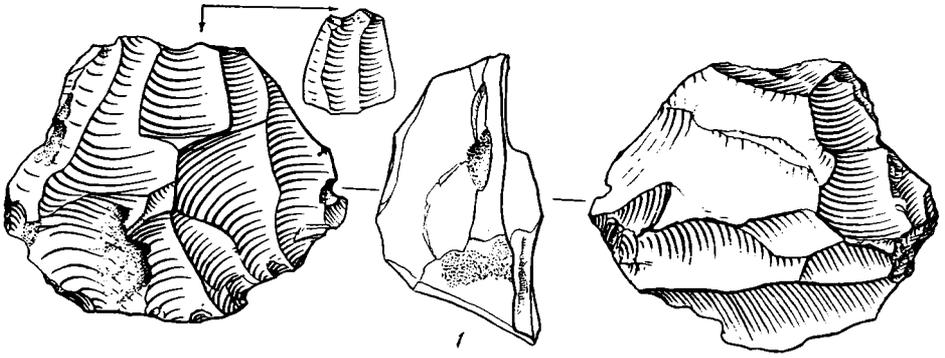
Начнем с описания нуклеусов, так как от их формы зависела форма заготовок — отщепов и пластин, которые в дальнейшем служили для изготовления орудий или просто употреблялись в качестве таковых. Форма нуклеусов имеет большое значение для определения времени поселения.

Среди обнаруженных в четвертом мустьерском слое нуклеусов можно выделить следующие группы: 1. Одноплощадочные (221 экз.). 2) Дисквидные (202 экз.). 3. Двуплощадочные (136 экз.). 4. Треугольные (21 экз.). 5. Подпризматические (7 экз.). 6. Аморфные (94 экз.).

Наиболее многочисленной группой нуклеусов являются одноплощадочные. Они составляют 30% от общего числа. Эти нуклеусы имеют

---

\* Наиболее крайние северные квадраты северной части исследованного участка лишены культурных остатков.



0 5 cm

Рис. 25. Стоянка Молодова I. Нуклеусы четвертого слоя мустье

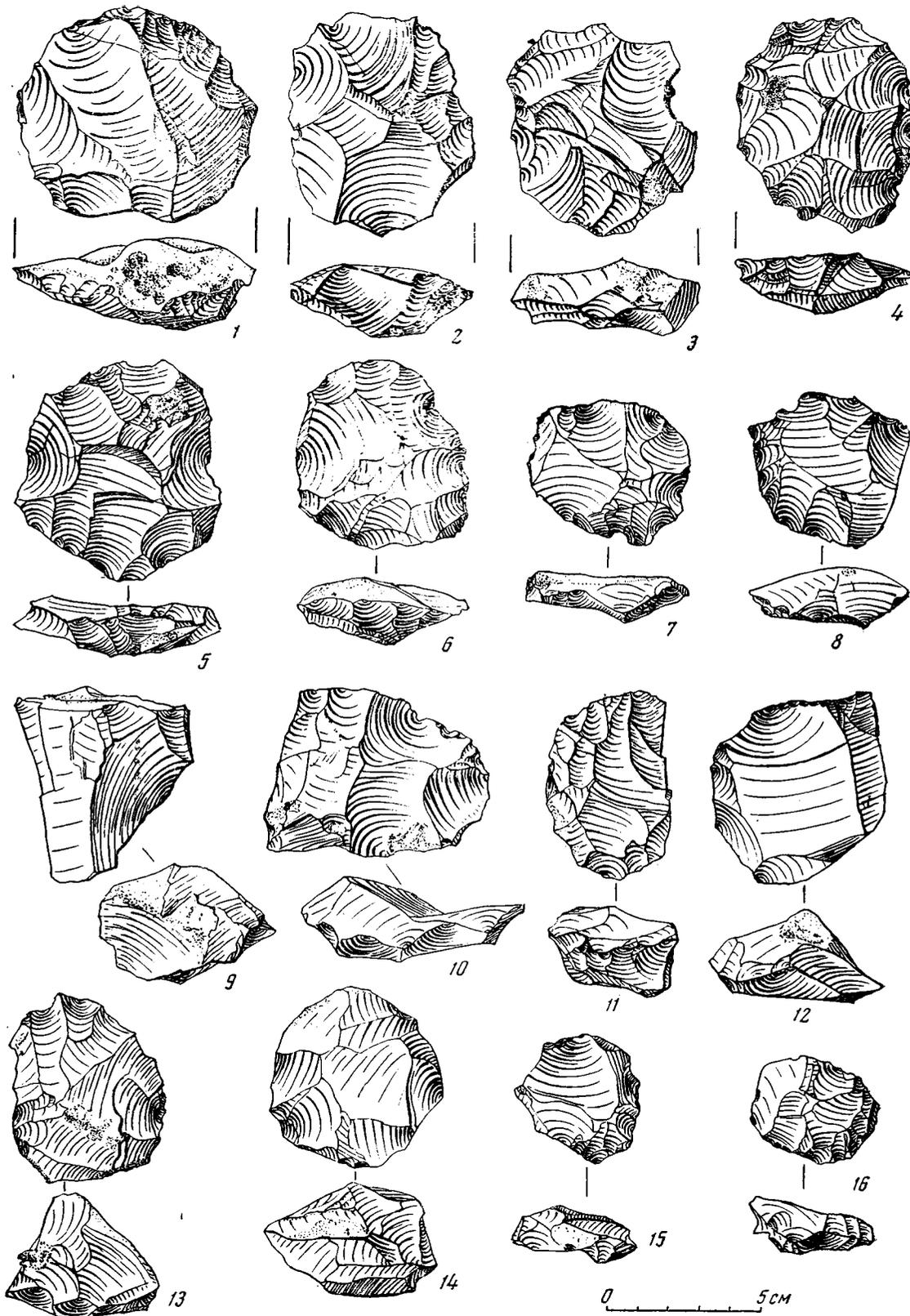


Рис. 26. Нуклеусы четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I

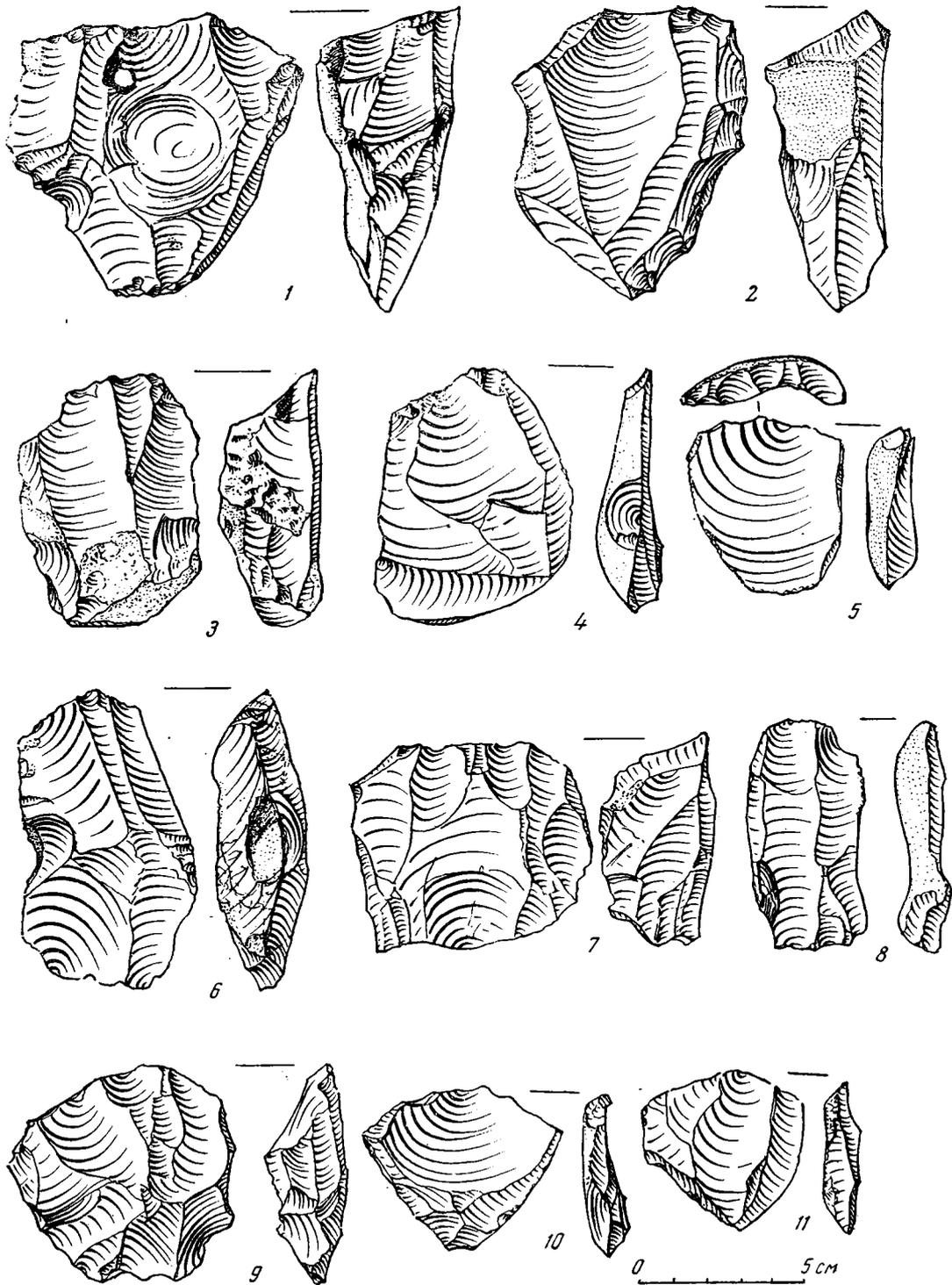


Рис. 27. Нуклеусы четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I

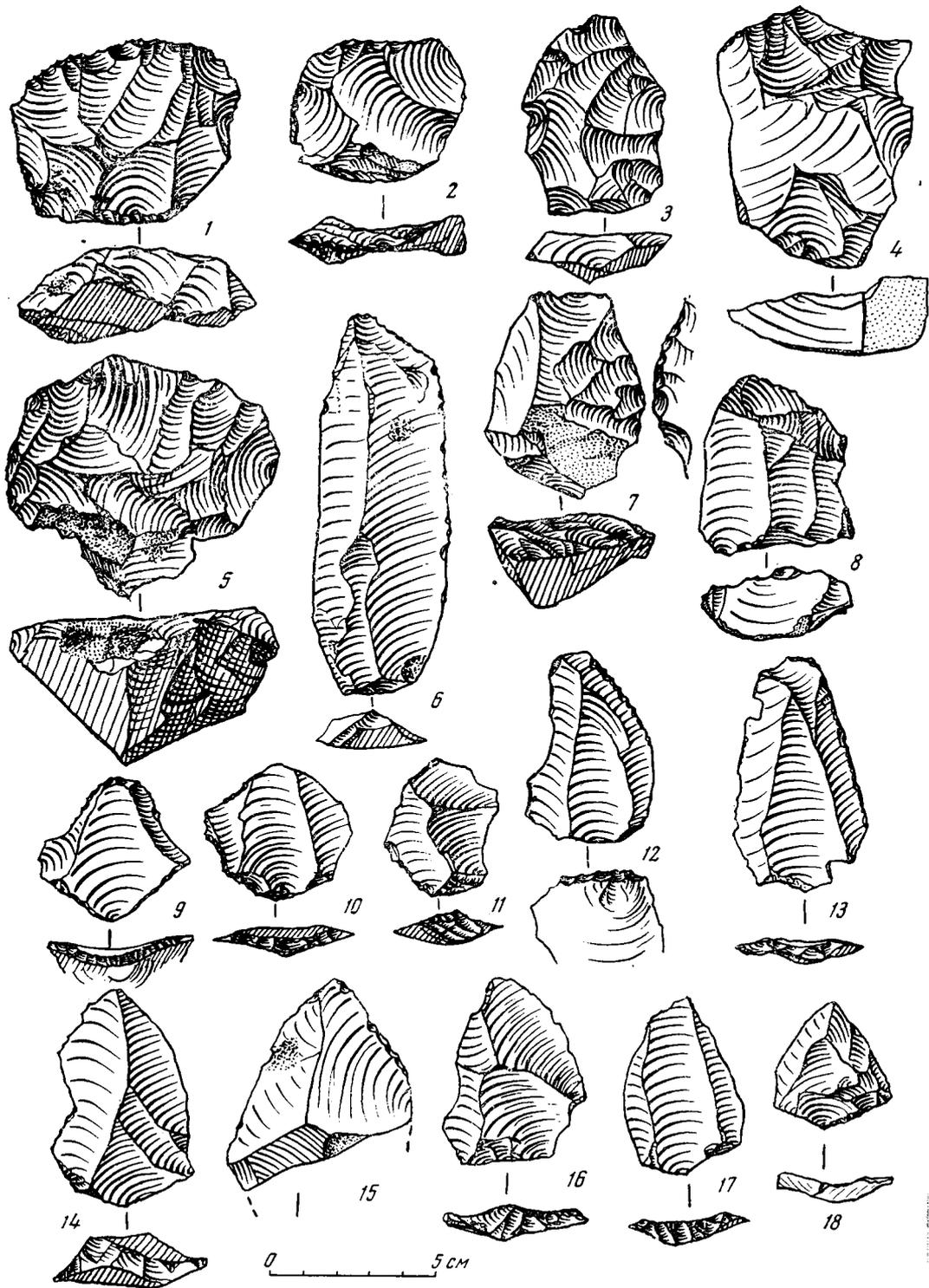


Рис. 28. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Кремневые изделия  
 1 — 5, 7, 8 — нуклеусы; 6 — пластина со следами ретуши; 9 — 11, 14 — 18 — отщепы;  
 12 — 13 — ножевидные орудия

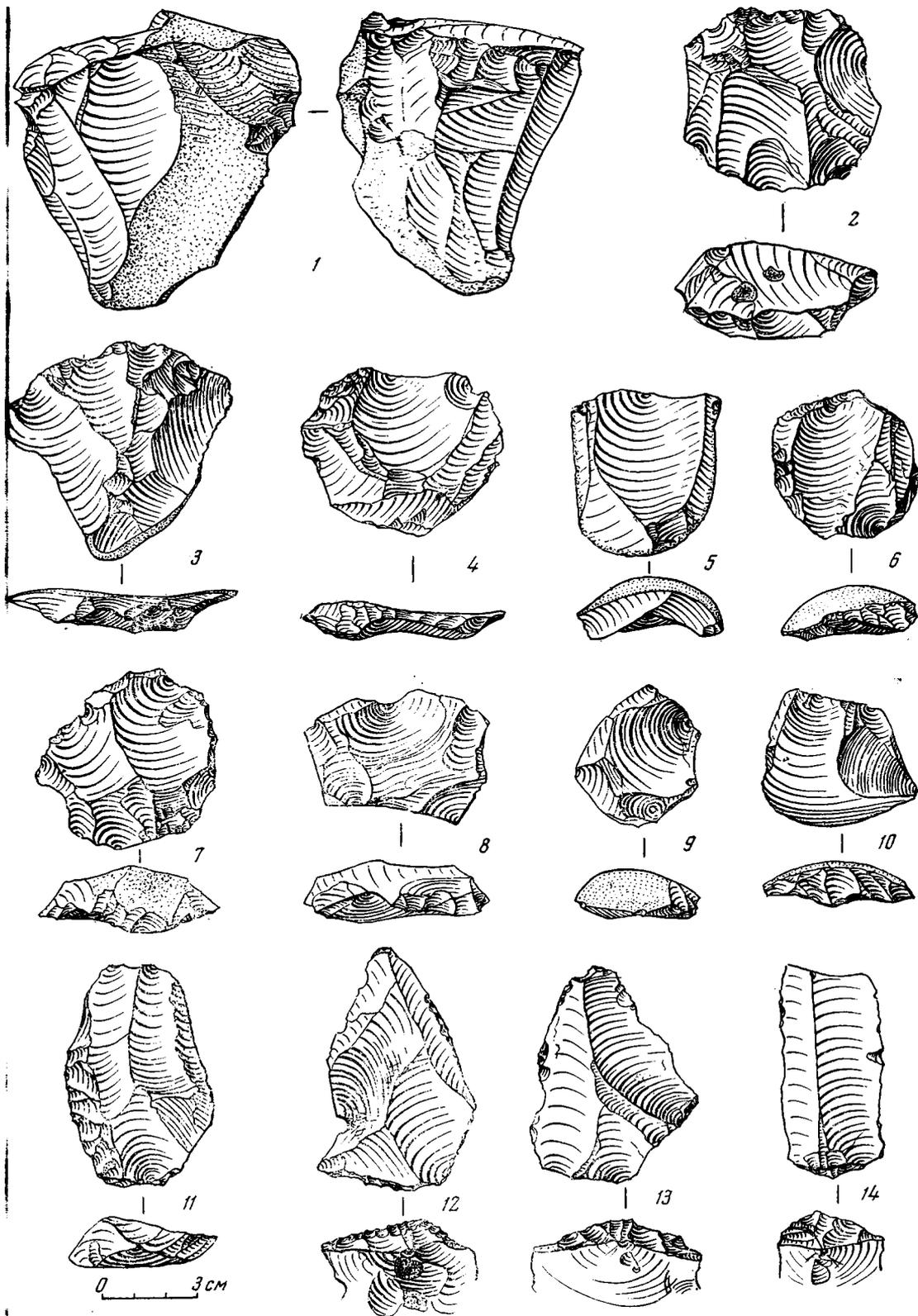


Рис. 29. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Кремневые изделия

1 — 11 — нуклеусы; 12 — 13 — отщепы со следами ретуши; 14 — пластина со следами употребления

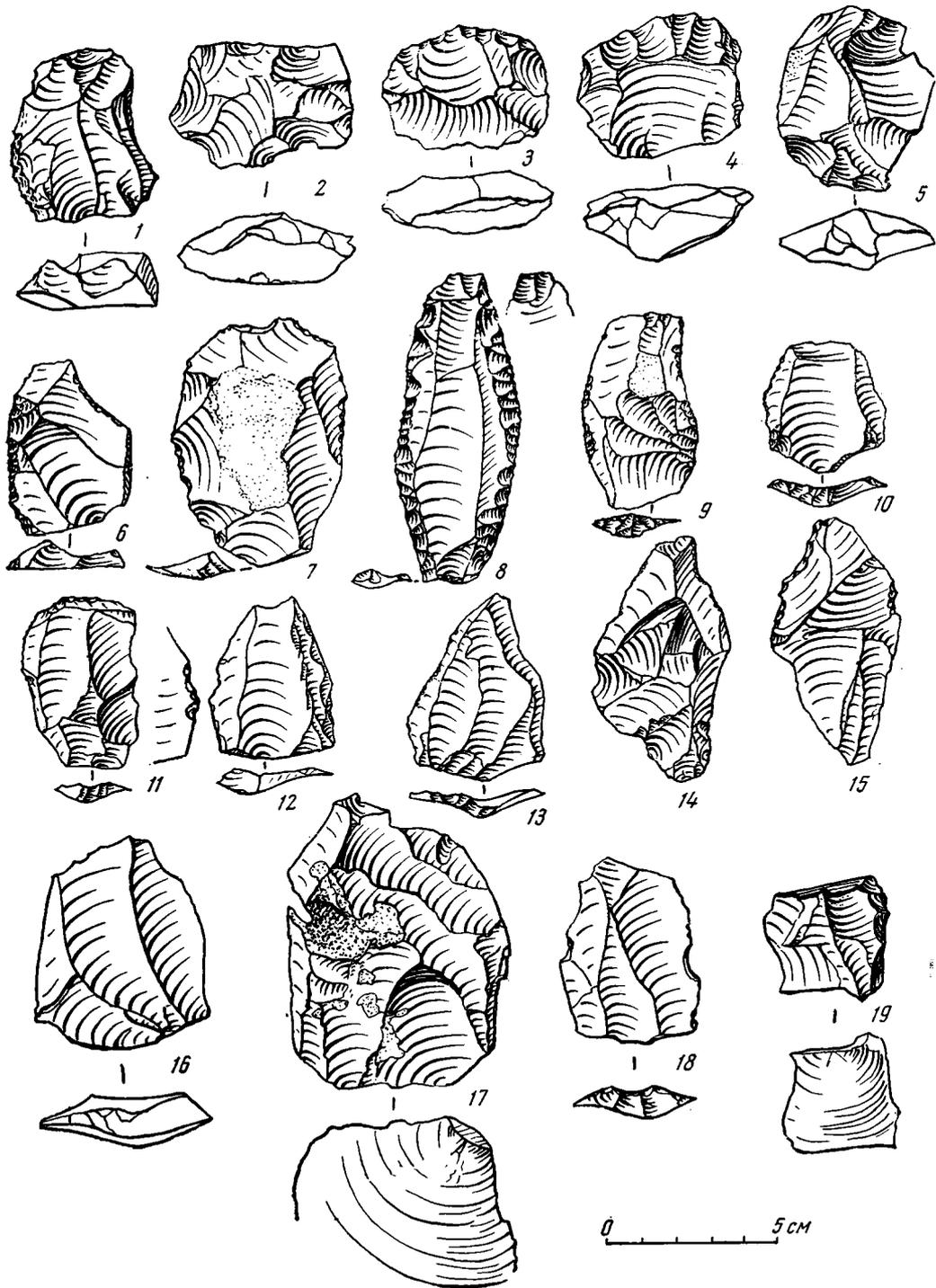


Рис. 30. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Кремневые изделия  
 1-5 — нуклеусы; 6-7, 9-11, 14-15 — отщепы со следами ретуши;  
 12, 13, 16-19 — отщепы

одну ударную площадку, расположенную на одном из концов. Размеры их варьируют от 30 до 120 мм. Часть одноплощадочных нуклеусов имеет ударную площадку, образованную одним сколом, другие — несколькими сколами, у третьих — ударная площадка имеет подправленный ретушью край.

Одноплощадочные нуклеусы делятся на несколько вариантов или подгрупп: прямоугольные, удлинённые, овальные, квадратобразные и черепахообразные. Соответственно этим вариантам одноплощадочных нуклеусов были обнаружены пластины и пластинчатые отщепы овальной, треугольной, квадратной и листообразной формы. Большое количество одноплощадочных нуклеусов четвертого слоя плоские в сечении.

Черепахообразные нуклеусы, как известно, являются одной из характерных форм леваллуазских нуклеусов. Они были предназначены для скалывания одного отщела определенной, преимущественно овальной формы. Большинство черепахообразных нуклеусов изготовлены из кремневых галек, на многих из них сохранилась корка.

Наиболее крупный из одноплощадочных нуклеусов имеет размеры  $120 \times 95 \times 53$  мм. Он изготовлен из кремнистого песчаника. С этого нуклеуса скалывали широкие массивные отщепы.

Одноплощадочные нуклеусы являются предшественниками призматических, так как с удлинённых одноплощадочных нуклеусов можно было скалывать пластины. Следовательно, эта форма нуклеусов, как одна из наиболее распространенных форм в поселении четвертого мустьерского слоя, является одним из показателей позднемустьерского времени. Одноплощадочные нуклеусы в частности встречаются в Лаше-Балта, на Бахцсарайской стоянке и др.

Второй по количеству группой являются типичные для мустьерских памятников дисковидные нуклеусы. Их можно разделить на три подгруппы.

1. Подгруппа односторонних, у которых отщепы скалывались от краев к центру лишь с одной стороны, а на краю второй стороны были подготовлены ударные площадки. Эта подгруппа является преобладающей среди дисковидных (153 из 202).

2. Двусторонние. Это диски, у которых отщепы скалывались к центру с двух сторон. Таких двусторонних нуклеусов было найдено 41.

3. Массивные нуклеусы, напоминающие пирамиды. Одна из сторон этих нуклеусов в центре поднимается, оканчиваясь массивным возвышением. Таких нуклеусов было встречено 8.

Размеры дисковидных нуклеусов от 30 до 120 мм; большинство их — плоские в сечении. Края ударных площадок на ряде дисковидных нуклеусов подправлены ретушью, у других дисков ударные площадки образованы серией широких сколов.

Среди дисковидных отметим нуклеус, приближающийся к пирамидальным. Он был найден в кв. IV ф, размеры его  $55 \times 60 \times 27$  мм. Отщепы скалывались с плоской его стороны в направлении от краев к центру. Края ударных площадок на пирамидальной стороне были сформированы серией сколов, направленных к центру, грани фасеток смыкаются в центре пирамиды. Интересно отметить, что сохранился один отщеп, который примыкает к нуклеусу. Отщеп имеет овальную форму, ударный бугорок расположен наискось по отношению к оси отщела, ударная площадка имеет следы подправки по краю. Ударная площадка имеет выпуклый профиль в центре. Она напоминает ударные площадки отщепов типа «жандармских шапок», что является одной из особенностей леваллуазской техники. Угол между брюшком отщела и краем ударной площадки прямой.

Следующей группой нуклеусов являются двуплощадочные. Особенностью этой группы является скалывание пластинчатых отщепов и от-

щепов с двух ударных площадок, расположенных на различных концах. На этих нуклеусах сколы с противолежащих ударных площадок были направлены навстречу один другому. Размеры двуплощадочных нуклеусов от 35 до 127 мм. Среди двуплощадочных нуклеусов можно различить несколько подгрупп.

1. Удлиненные двуплощадочные нуклеусы, напоминающие прямоугольник с ударными площадками, расположенными на длинных его концах. 2. Овальные нуклеусы с ударными площадками на длинных концах. 3. Нуклеусы квадратной формы с ударными площадками на противоположных краях. 4. Поперечные с ударными площадками на коротких концах. Отщепы с этих последних скалывались поперечно по отношению к оси нуклеусов.

Для изготовления двуплощадочных нуклеусов использовались кремневые конкреции различных размеров, а также кремневые гальки. Ударные площадки у двуплощадочных нуклеусов формировались одним или несколькими сколами. У таких нуклеусов ударная площадка находилась, как правило, под острым углом по отношению брюшка отщепов. На нескольких двуплощадочных нуклеусах края ударных площадок имели добавочную подправку ретушью.

Часть двуплощадочных нуклеусов плоские в сечении, а вторая включает массивные в сечении формы. Плоских было обнаружено меньше. Массивные в сечении двуплощадочные нуклеусы ближе всего к призматическим. С таких двуплощадочных нуклеусов можно было скалывать пластины.

Среди двуплощадочных нуклеусов выделяется массивный нуклеус, размерами  $110 \times 120 \times 55$  мм (кв. IX в). Это черепахообразный в сечении нуклеус. На выпуклой стороне его был снят ряд отщепов, чем были подготовлены ударные площадки, расположенные на противоположных краях. С плоской стороны производилось скалывание массивных широких отщепов. На этой стороне нуклеуса наблюдаются негативы от снятия пяти отщепов с одного конца и четырех отщепов с другого конца. Один отщеп, размерами  $35 \times 33 \times 5$  мм, прикладывается к нуклеусу.

Другие двуплощадочные нуклеусы имеют значительно меньшие размеры по сравнению с описанным нуклеусом.

Аналогии двуплощадочным нуклеусам известны среди материалов ашельской стоянки Лаше-Балта, позднемустьерской стоянки Морго, мустьерской Бахчисарайской стоянки, мустьерской стоянки Лысая гора, ашельской стоянки Яштух, мустьерской стоянки Ахабиюк, со стоянки Сатани-Дар (Любин, Формозов, 1956; Любин, 1957, 1960). Такие нуклеусы известны также среди материалов памятников других территорий (Передняя Азия, Африка, Франция и т. д.).

Двуплощадочные нуклеусы являются одной из типичных форм леваллуазских нуклеусов. Эта форма впервые появляется во время конца раннего и начала среднего ашеля и продолжает существовать до второй половины ашеля и в мустьерское время (Любин, 1960, стр. 60—61).

В данном случае для нас важным является тот факт, что среди предшествующих позднепалеолитическому времени памятников СССР двуплощадочные нуклеусы в наибольшем количестве были встречены в четвертом слое стоянки Молодова I, так как даже в указанных выше ашельских и мустьерских памятниках Кавказа эта форма нуклеусов была встречена в незначительном количестве.

Среди материалов четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I была встречена еще одна леваллуазская форма нуклеусов.

Речь идет о нуклеусах треугольной формы. Хотя среди одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов и наблюдались экземпляры, приближающиеся к этой форме, все же можно выделить в особую группу треугольные нуклеусы (21 экз.).

Особенностью этих нуклеусов является то, что отщепы с них скальвались от одной широкой ударной площадки — широкой стороны треугольника в направлении к нижнему, более узкому концу нуклеуса. Среди треугольных нуклеусов, наряду с преобладающими грубыми и массивными, известны также и плоские. Размеры треугольных нуклеусов от 45 до 85 мм. На задней стороне таких нуклеусов обычно наблюдаются остатки корки.

Опишем один из наиболее выразительных нуклеусов данной группы. В кв. Vф был найден треугольный, плоский в сечении нуклеус, размерами  $85 \times 80 \times 30$  мм. Ударной площадкой является широкая сторона треугольника. С нее в направлении сужающегося нижнего конца сбивались отщепы овальной и треугольной формы. Широкая ударная площадка была сформирована несколькими широкими сколами в виде ступеней, расположенных поперечно по отношению к оси нуклеуса. От края ударной площадки под прямым углом вниз скальвались отщепы. На поверхности наблюдаются негативы от четырех отщепов. Этот нуклеус представляет собой веерообразный вариант треугольных нуклеусов.

В кв. IVб был обнаружен треугольный нуклеус размерами  $85 \times 70 \times 28$  мм. Он плоский в сечении. Спинка не имеет остатков корки, так как поверхность была очищена от нее серией сколов. Ударная площадка сформирована четырьмя сколами, от которых сохранились четыре широких фасетки. Поверхность ударной площадки, как и у предшествующего нуклеуса, состоит как бы из нескольких ступеней. От края ударной площадки под острым углом в направлении к узкому нижнему концу нуклеуса были сколоты три широкие отщепы треугольной формы. Края ударных площадок на этих отщепах имели следы от серии широких сколов.

Остальные треугольные нуклеусы являются более мелкими по размерам, но по технике обработки они аналогичны предшествующим. В кв. XIVе в четвертом слое был обнаружен треугольный нуклеус из яшмы.

Аналогичные нуклеусы треугольной формы были встречены среди материалов ашельского комплекса находок из Сатани-Дар и Арзни (Паничкина, 1950, стр. 56—78), а также на мустьерской стоянке Морго (Любин, 1960, рис. 16, 3). Такие нуклеусы известны также среди ашельских памятников Египта и Передней Азии, имеющих леваллуазские черты техники обработки кремня.

Эти данные свидетельствуют, что треугольные нуклеусы существуют как в ашеле, так и в мустье. Поэтому нельзя полностью согласиться с выводом В. П. Любина о том, будто такая форма нуклеусов связана лишь с высоким этапом развития техники обработки кремня (Любин, 1960, стр. 68).

Следующей группой нуклеусов мустьерского поселения четвертого слоя стоянки Молодова I являются подпризматические нуклеусы. Размеры их от 40 до 85 мм. Подпризматические нуклеусы давали возможность скальвать пластины, сходные с позднепалеолитическими.

Подпризматические нуклеусы, обычно удлиненные, имеют полукруглую ударную площадку, расположенную под прямым углом по отношению к их оси. Пластины скальвались с нескольких сторон таких нуклеусов.

Нуклеусы подпризматической формы были обнаружены среди материалов таких мустьерских стоянок, как Морго, Ильская, Страсельская, Шайтан-коба (Любин, 1960, стр. 68; Формозов, 1958, стр. 90; Бонч-Осмоловский, 1930; Городцов, 1941, стр. 15). Наличие таких нуклеусов является показателем позднего времени стоянки в границах мустьерской эпохи.

Следующей группой нуклеусов являются аморфные. Это нуклеусы, не имеющие определенной формы, так как отщепы с них скалывались с различных сторон и в различных направлениях.

Приведенные типы нуклеусов четвертого слоя стоянки Молодова I позволяли скалывать отщепы, пластинчатые отщепы и пластины. Отщепы можно было скалывать с аморфных треугольных, двуплощадочных, дискообразных и одноплощадочных нуклеусов. Пластинчатые отщепы можно было скалывать с одноплощадочных, двуплощадочных и треугольных нуклеусов, а пластины — с подпризматических нуклеусов и частично от наиболее совершенных одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов.

Наибольшей количественно категорией кремневых изделий четвертого слоя являются отщепы. По форме в этом слое были встречены треугольные отщепы, квадратные, трапецеобразные, овальные и удлиненные. Были встречены отщепы самых разнообразных размеров, как мельчайшие типа чешуек, так и крупные, массивные, сколотые с крупных массивных нуклеусов. Большинство отщепов четвертого слоя сколото под прямым углом от ударных площадок, но в незначительном количестве были также прослежены отщепы, сколотые под острым или под тупым углом от ударных площадок.

По характеру ударной площадки отщепы можно разделить на три группы: отщепы с гладкой ударной площадкой, отщепы с подправленной по краям ударной площадкой и отщепы, у которых ударная площадка состоит из нескольких ступенек — фасеток, расположенных в виде ступенек площадками.

Среди собранных отщепов (20 483 экз.) 2987 имеют подправку на краях ударных площадок. У большинства отщепов наблюдается крупный бугорок, расположенный наискось по отношению к их оси. Для нижних краев отщепов характерен волнистый профиль. Мы отмечали, что ряд отщепов имеет выпуклый ударный бугорок, расположенный в центре извилистого нижнего края, чем они напоминают отщепы типа «жандармские шапки» — одну из характерных форм леваллуазской индустрии.

По характеру огранения спинок отщепы четвертого слоя стоянки Молодова I можно отнести к следующим группам:

1. отщепы с радиальным огранением спинок, сколотые с дисковидных нуклеусов;
2. отщепы с конвергентным огранением спинок, сколотые с треугольных нуклеусов;
3. отщепы с параллельным огранением спинок, сколотые с одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов.

Среди отщепов четвертого слоя преобладают отщепы с параллельным огранением спинок, что является еще одним из признаков позднего времени поселения четвертого слоя в границах мустьерской эпохи.

Пластины четвертого слоя\* состоят из пластин с архаическими чертами и из пластин позднепалеолитического облика. Часть пластин (1421 из общего количества 4896 экз.) имеют подправку краев ударных площадок.

Архаическими чертами на ряде пластин являются такие черты, как наличие крупного ударного бугорка, расположенного наискось по отношению к оси пластин, наличие подправки по краям ударной площадки, массивность и грубость пластин, двугранность спинок и т. д.

---

\* Критерием определения разницы между пластинами и отщепами мы принимаем распространенное в литературе мнение Ф. Борда, согласно которому к пластинам следует относить заготовки, длина которых в два раза превышает их ширину, а к отщепам — заготовки, более короткие, чем двойная их ширина (Bordes, 1961).

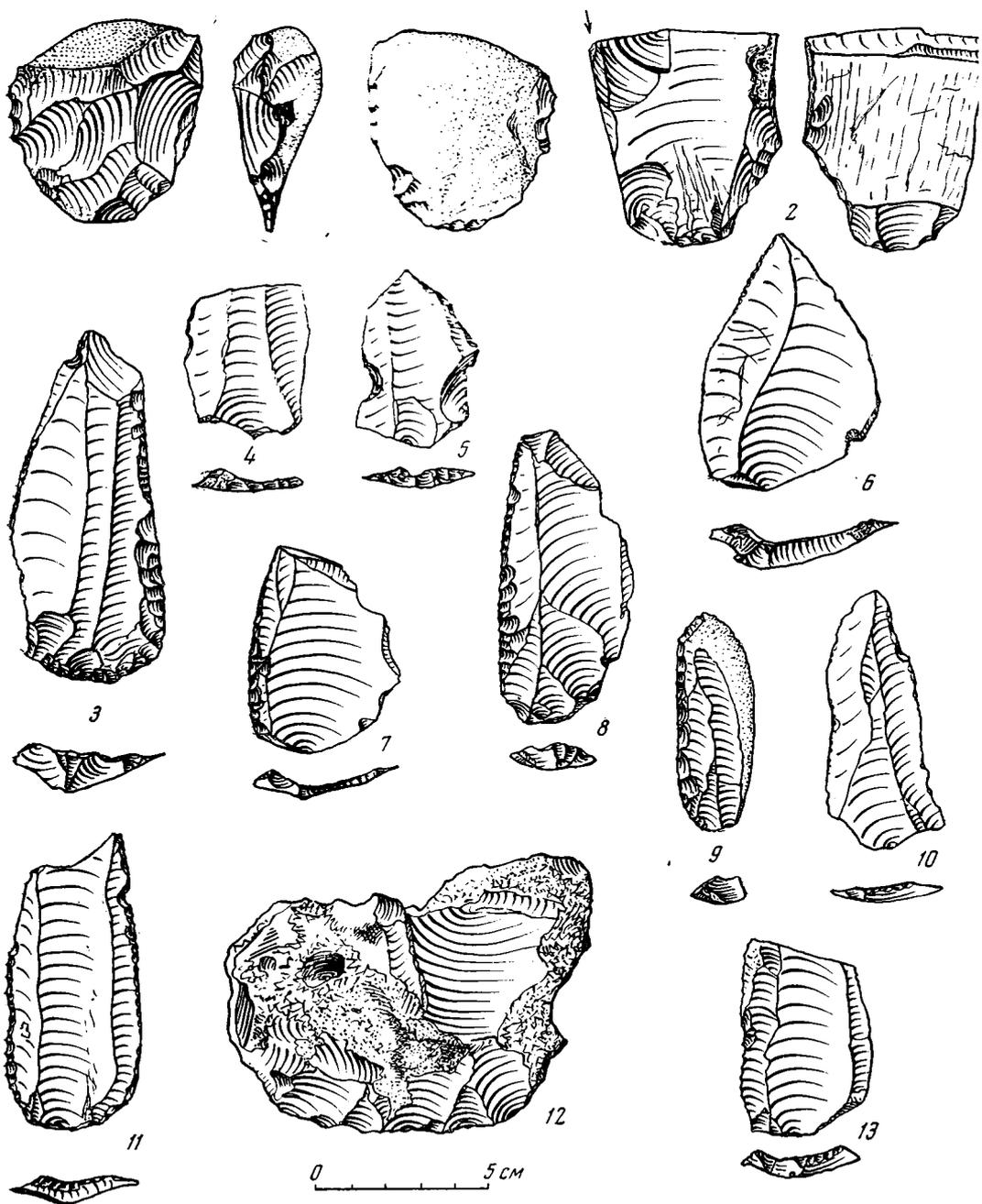


Рис. 31. Четвертый мустьерский слой стоянки Молодова I. Кремневые изделия  
 1 — рубильце; 2 — резец; 4, 5, 6, 10, 13 — отщепы и пластины со следами употребления; 8, 9,  
 12 — скребла

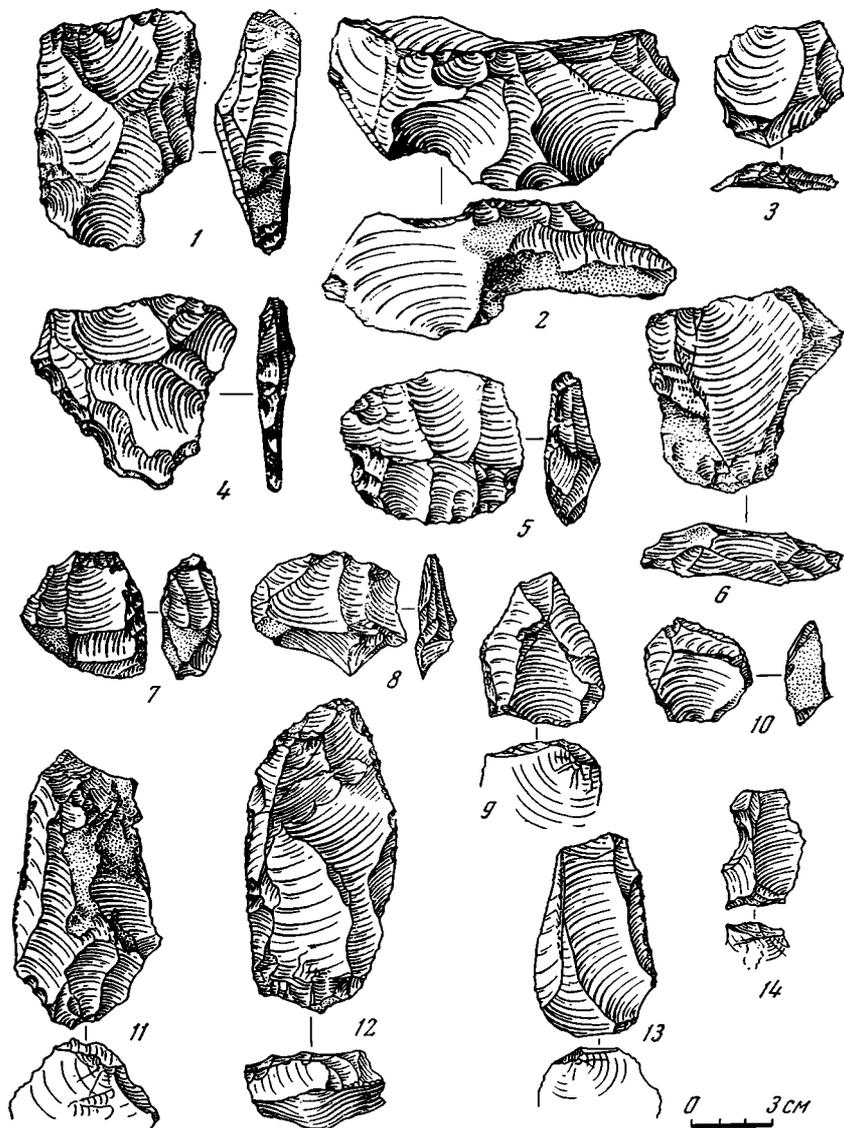


Рис. 32. Стоянка Молодова I. Четвертый мустьерский слой

1 — 8 — 10 — нуклеусы; 9, 11, 13 — ножевидные орудия; 12 — орудие типа остроконечника на кремневом сколе; 14 — пластина с боковой выемкой

Для второй группы пластин характерен ряд позднепалеолитических черт: отсутствие подправки ударных площадок, наличие небольших ударных бугорков; сами пластины тонкие, имеющие правильные очертания, спинки пластин имеют несколько параллельных граней. Большинство таких пластин сколоты под прямым или под острым углом от ударных площадок.

Наличие на исследованной части мустьерского поселения большого количества нуклеусов, первичных отщепов, обломков кремня, отбросов производства является свидетельством того, что процесс изготовления кремневых орудий осуществлялся мустьерским человеком на этом же месте.

Обнаруженные в четвертом слое кремневые орудия изготавливались из отщепов и пластин. Здесь было найдено 202 кремневых орудия. Они

состоят из 73 ножеобразных орудий, восемнадцати остроконечников, двенадцати скребел, восьми резцов, двух скребков, трех острий, одного скобеля, одного рубилообразного орудия, одной массивной пластины со следами двусторонней обработки, 75 отщепов со следами употребления, массивного режущего орудия на крупном кремневом сколе с рабочим краем, сформированным двусторонней обивкой, пластины с боковой выемкой и пластины с плоской ретушью на бруске (рис. 31—35).

Наиболее многочисленной категорией орудий являются ножеобразные орудия на отщепах и пластинах. Они имеют обработанный ретушью край или же часть края. Во многих случаях наблюдается ступенчатая ретушь с заломами, характерная для мустьерской техники, а также тонкая ретушь, приостряющая лезвие, или же в более редких случаях плоская ретушь (рис. 33).

К группе ножеобразных орудий примыкают отщепы и пластины со следами краевой ретуши или же со следами употребления по краям. На некоторых кремневых орудиях этой группы наблюдается зашлифованность рабочего края от длительного употребления.

Любопытно отметить, что в наиболее раннем из позднепалеолитических памятников Приднестровья в первом слое стоянки Бабин I, как и в четвертом слое стоянки Молодова I, преобладают режущие орудия (Черныш, 1959, стр. 18—26, рис. 7—8), что свидетельствует об определенной линии развития от мустье к позднему палеолиту и об определенной традиционности в сохранении набора кремневых орудий, предназначенных для обработки охотничьей добычи. Последнее вызывалось однородностью приемов по обработке туш животных, вырабатывавшихся на протяжении значительного времени, когда охота являлась основной формой производственной деятельности палеолитического человека.

Второй по количеству группой кремневых орудий мустьерского человека, обитавшего на поселении четвертого слоя, являются остроконечники — одна из основных форм орудий мустьерского времени.

Семь остроконечников четвертого слоя имеют обработку на двух краях, десять только на одном крае. По форме рабочего края четыре остроконечника с обработкой по двум краям относятся к асимметричным, три к симметричным. Размеры остроконечников от 45 до 98 мм.

Следует отметить, что два асимметричных остроконечника имеют правый край, притупленный ретушью, напоминая этим изделия типа так называемых острий шательперрон и отличаясь от последних лишь наличием ретуши на втором крае (рис. 34, 7, 10).

Ряд остроконечников четвертого слоя является орудиями на пластинах (9 из 18), что имеет определенное значение в качестве хронологического показателя. Эти остроконечники имеют преимущественно удлиненную форму.

Кроме стоянки Молодова I, аналогичные асимметричные остроконечники известны среди материалов таких стоянок, как Шайтан-Коба, Староселье, Холодная Балка, Ильская, Сухая Мечетка, Бахчисарайская стоянка, относящихся к позднему мустьерскому времени (Бонч-Осмоловский, 1930, табл. V, 1, 4; VII, 1; 1934, табл. III, 3, 6; Формозов, 1958)\*.

Следующей группой орудий четвертого слоя являются скребла, изготовленные на отщепах и пластинах.

По характеру рабочего края среди скребел можно выделить орудия с дугообразным рабочим краем, двойные скребла и скребла с прямым рабочим краем.

Орудие типа двойного скребла было обнаружено в кв. III в. Оно изготовлено на пластине, размерами 90×35×7 мм. Два края пластины отретушированы, образуя дугообразные рабочие лезвия. Верхний конец

\* См. также материалы Волгоградской стоянки по коллекции МАЭ АН СССР; материалы Бахчисарайской стоянки по коллекции ГИМ.

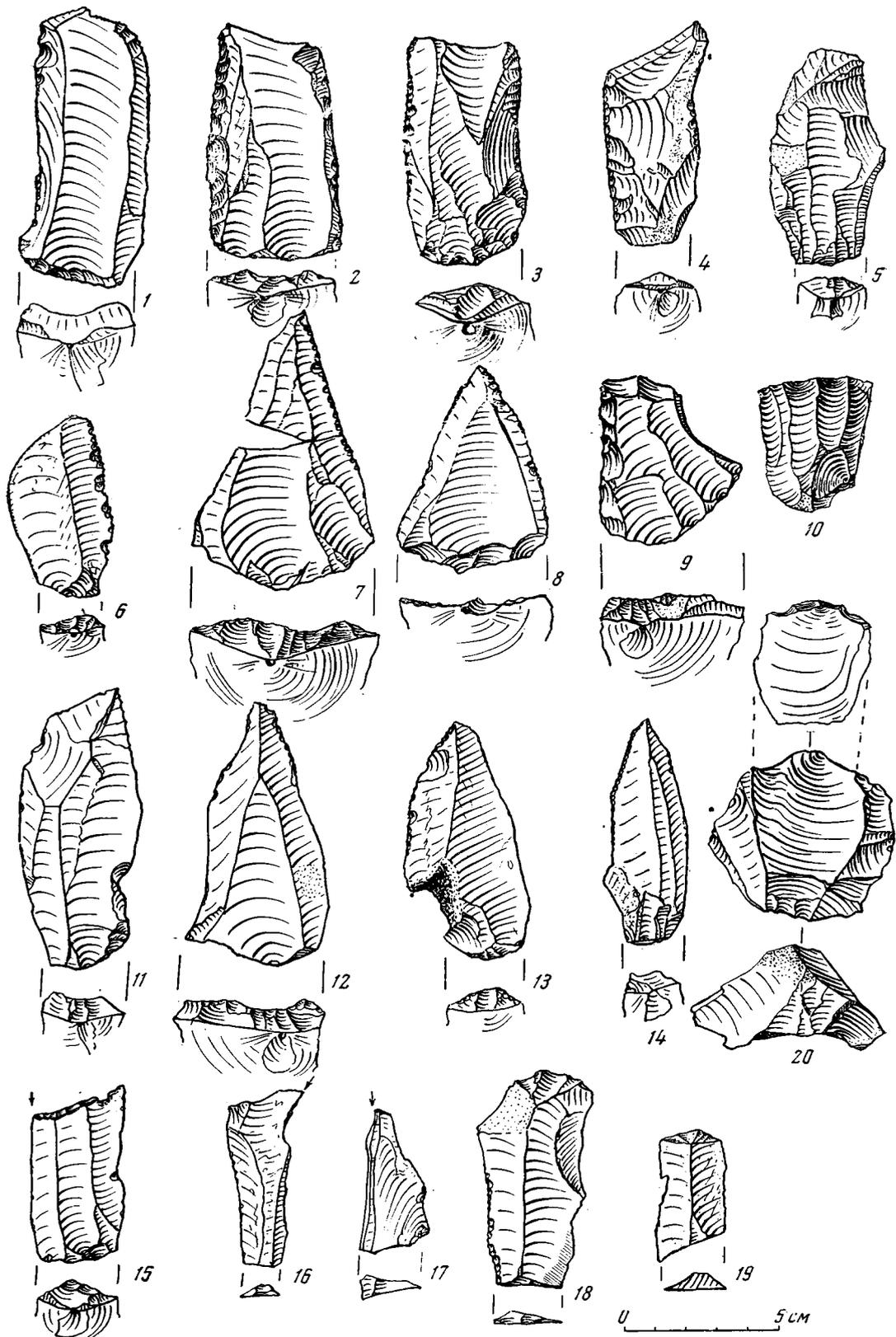


Рис. 33. Кремневые изделия четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I

1, 3, 5, 6, 11 — 14 — ножовидные орудия; 2, 4, 9 — скребла с прямым рабочим краем;  
 7 — 8 — треугольные отщепы с ретушью, приближающиеся к орудиям типа остроконечников;  
 10, 20 — нуклеусы; 15 — 17 — резцы; 18 — 19 — скребки

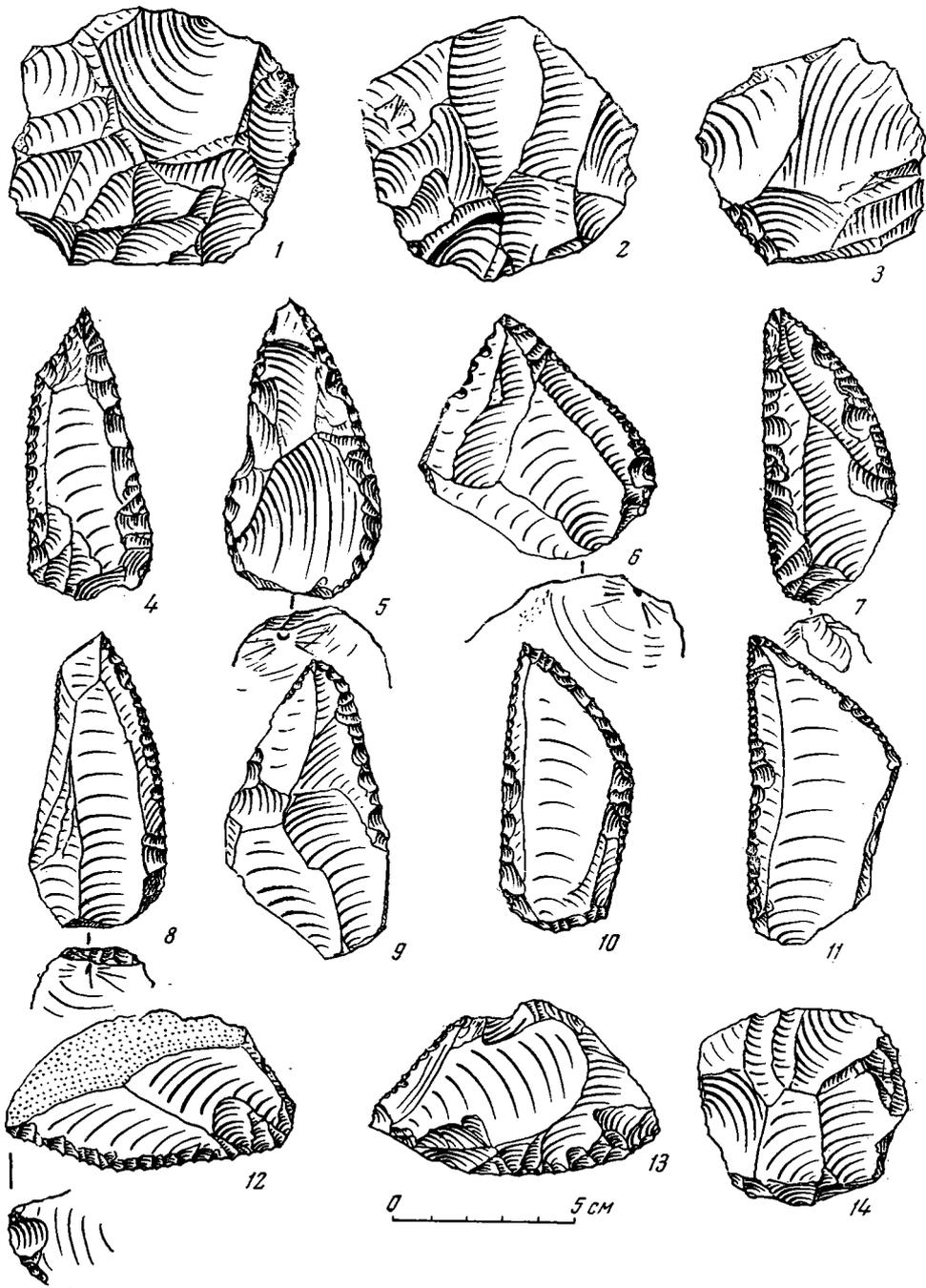


Рис. 34. Кремневые изделия четвертого слоя мустье стоянки Молодова I  
 1 — 3, 14 — нуклеусы; 4 — 11 — остроконечники; 12 — 13 — скребла с дугообразным рабочим краем

пластины утолщен, так как имеет подтеску по брюшку и по спинке, чем орудие это напоминает так называемые ножи костенковского типа.

На аналогичные орудия можно указать в инвентаре Бахчисарайской стоянки\*, а также Староселья и Шайтан-Кобы (Формозов, 1958, рис. 49, 5; Бонч-Осмоловский, табл. VI). Такие двойные скребла известны и среди других мустьерских памятников. Скребла с дугообразным рабочим лезвием являются весьма распространенным типом кремневых орудий мустьерской эпохи. Скребла с прямым рабочим краем, кроме четвертого слоя стоянки Молодова I, известны среди материалов Старосельской стоянки (Формозов, 1958, рис. 52, 7), Шайтан-Коба (Бонч-Осмоловский, 1930, табл. VI. 1), Бахчисарайской, Ильской и других мустьерских стоянок.

Рабочий край скребел с прямым лезвием отличается от рабочего края ножевидных орудий большей массивностью, крепостью и применением ступенчатой ретуши с заломами.

Обнаруженные на площади постоянного жилища резцы мало выразительны. Наиболее четким среди этих орудий является угловой резец на обломке пластины длиной в 50 мм с поперечной ретушью на конце (рис. 33, 15). Другие резцы представлены тремя угловыми резцами на пластинках, срединным резцом и угловым резцом на массивных сколах. Рабочий край последнего орудия сформирован резцовыми сколами, направленными взаимно перпендикулярно. Размеры этого орудия 60 × 48 × 15 мм.

Малая выразительность этой категории орудий, кроме первого экземпляра, свидетельствует о несовершенстве техники изготовления этих орудий. Техника резцовых сколов в дальнейшем (в позднепалеолитическое время) развивается, совершенствуется и становится одним из главных приемов вторичной обработки кремня.

К группе орудий типа резцов в четвертом слое стоянки Молодова I приближаются также восемь обломков кремня со случайными сколами, напоминающими резцовые сколы.

Находка резцов в мустьерском слое не является случайностью, так как резцы, правда, в небольшом количестве, встречаются в мустьерских поселениях и даже на некоторых ашельских. Так, например, резцы были обнаружены на ряде мустьерских памятников Европейской части СССР: Староселье, Ильская, Шайтан-Коба, Волчий грот и др.

Обнаруженные на площади поселения четвертого слоя скребки являются орудиями на обломках пластин длиной в 65 и 37 мм. Расположенный на концах этих пластин рабочий край приближается к прямому. Одно из этих орудий имеет также следы ретуши по краю. Особенно интересно, что на угловой части, возможно, сломанной во время работы нижней части скребка на спинке наблюдается зашлифованность.

Орудия типа скребков встречаются в позднемустьерских памятниках, но в небольшом количестве. Они известны среди материалов таких мустьерских стоянок Европейской части СССР, как Ильская, Староселье, Шайтан-Коба, Бахчисарайская стоянка, Волчий грот (Формозов, 1958; Городцов, 1941; Бонч-Осмоловский, 1930), а также на других позднемустьерских стоянках.

Наконец, отметим еще одну позднепалеолитическую форму орудий из кремня, обнаруженную в четвертом мустьерском слое. Речь идет об орудиях типа острий. Эти изделия четвертого слоя являются удлиненными пластинами, у которых острый верхний конец по краям имеет следы подправки ретушью, чем эти орудия напоминают симметричные острия ранней поры позднего палеолита; длина их — 85, 75 и 71 мм. До настоящего времени среди мустьерских стоянок СССР такой тип орудий

\* Коллекция ГИМ № 1444/315.

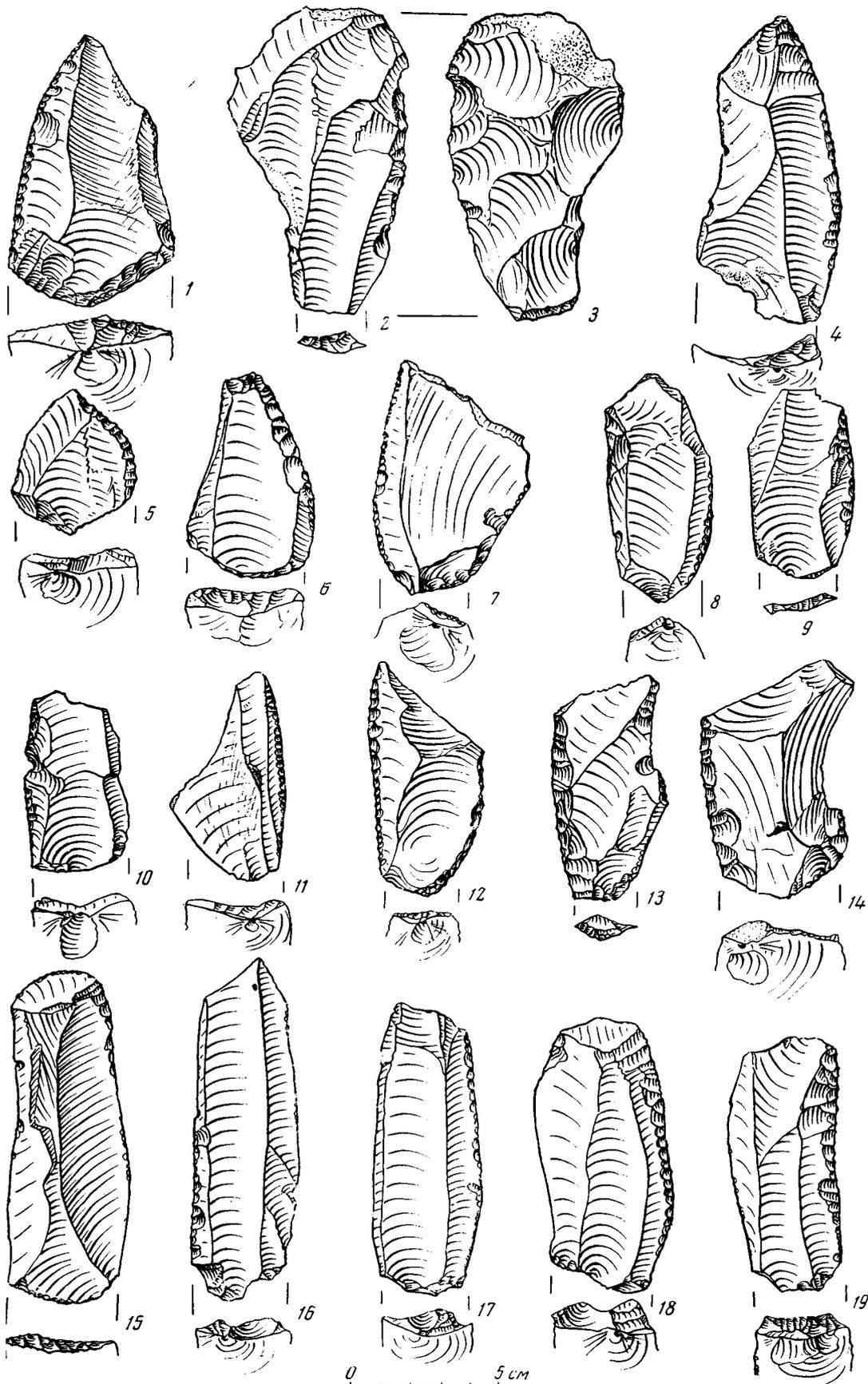


Рис. 35. Кремневые изделия четвертого слоя мустье стоянки Молодова I  
 1, 4, 5, 6, 7 — орудия типа остроконечников; 2—3 — орудия на отщепе с двусторонней обработкой;  
 8—14 — скреблообразные орудия; 15—19 — ножевидные орудия на пластинах

был отмечен Д. А. Крайновым среди материалов Бахчисарайской стоянки (Крайнов, 1960, стр. 31).

Из остальных форм орудий можно выделить скобель из отщепа размерами  $50 \times 31 \times 3$  мм. Рабочей частью этого орудия является отретушированная выемка. Подобные скобели были встречены на Старосельской и Бахчисарайской стоянках.

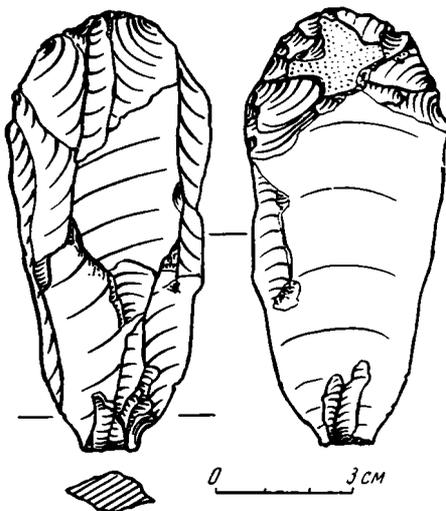


Рис. 36. Кремневая пластина четвертого слоя мусье стоянки Молодова I

Кроме того, среди материалов четвертого слоя была обнаружена широкая массивная пластина размерами  $100 \times 50 \times 12$  мм с частичной двусторонней обработкой поверхности ретушью; на брюшке этой пластины наблюдается плоская ретушь; широкие фасетки от сколов ориентированы в направлении от краев к центру. На спинке по краям наблюдается крутая ретушь.

В этом же слое была поднята массивная пластина, имеющая размеры  $98 \times 41 \times 5$  мм, с плоской ретушью по брюшку на верхнем конце (рис. 36).

Отметим также небольшое овальное рубильце размерами  $58 \times 50 \times 18$  мм, обнаруженное в кв. IIб. На одной стороне рубильца сохранилась корка, а на второй наблюдается серия сколов, направленных от краев и нижнего конца к центру. На пятке рубильца также частично сохранилась корка. Нижний конец рубильца острый, на одном из краев видны следы двусторонней обработки (рис. 33, 1). Миниатюрность рубильца и тонкость рабочего края свидетельствуют о том, что

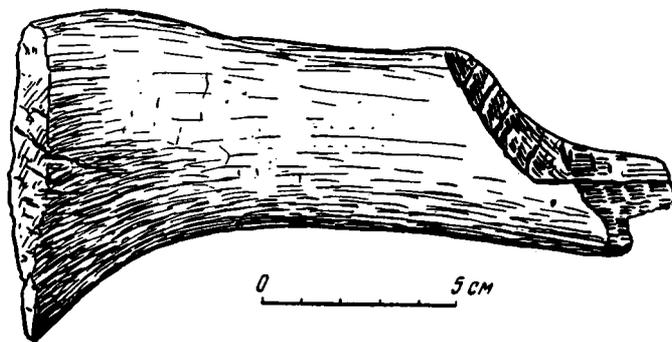


Рис. 37. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мусье. Ребро мамонта со следами обрезывания кремневыми орудиями

оно употреблялось преимущественно как режущее орудие. Аналогичные миниатюрные рубильца часто встречаются в некоторых мусьерских поселениях (Староселье, Бахчисарайская стоянка, Ильская стоянка, Чокурча). На других стоянках, как и в четвертом слое Молодова I, они были встречены в небольшом количестве (например, стоянка Кабази) или же вообще не были найдены (Шайтан-Коба). Остальной же инвентарь этих стоянок сходен.

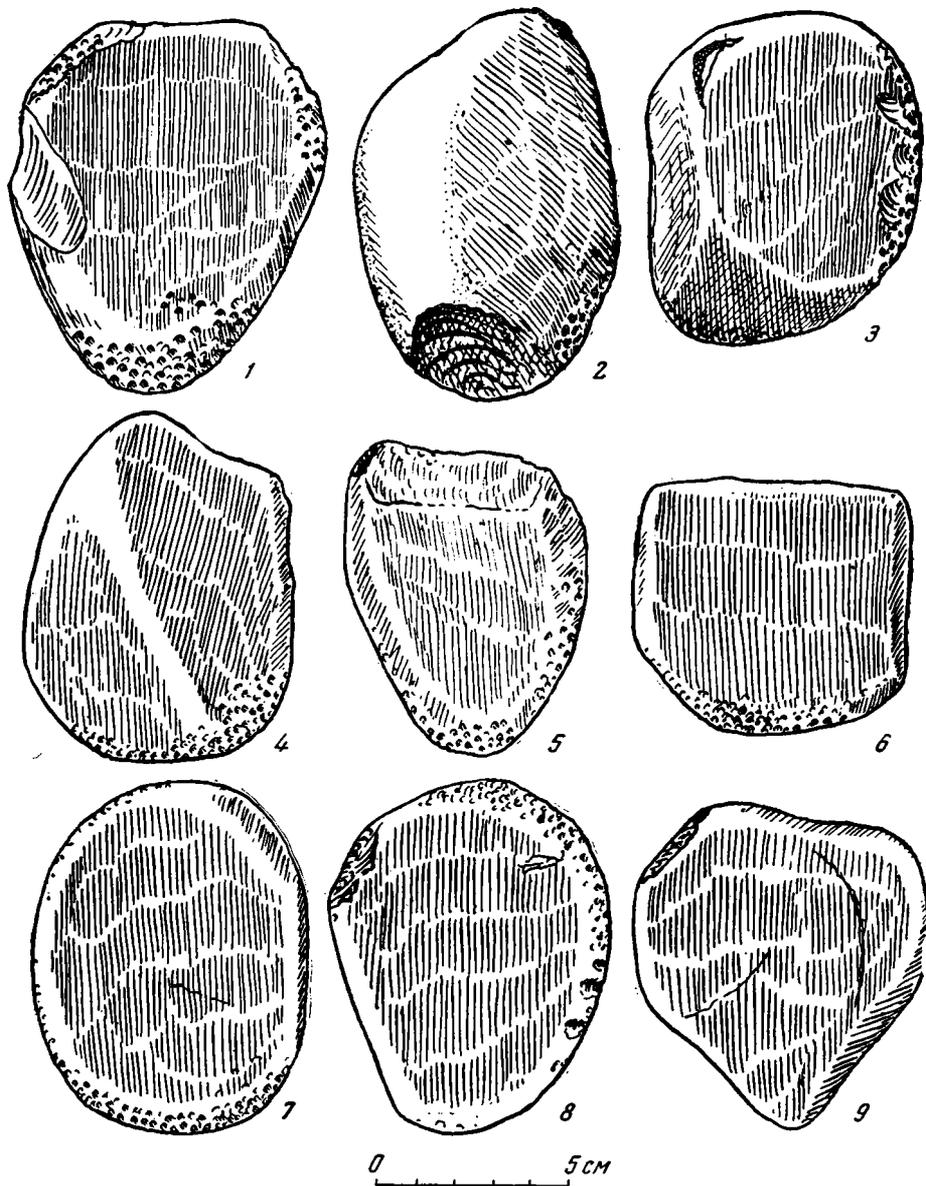


Рис. 38. Стоянка Молодова I. Четвертый слой мустье. Терки, песты и отбойники из галек

Среди материалов, обнаруженных на площади жилища, были также найдены: ребро мамонта со следами обрубки (размеры этого ребра  $165 \times 40 \times 23$  мм (рис. 37) и обломок кости мамонта со следами обработки кремневыми орудиями.

На исследованной части поселения четвертого слоя прослеживаются, кроме того, изделия из песчаника, сланца, известняка. Речь идет о круглых, овальных и кубообразных гальках (преобладают гальки песчаника), которые были использованы в качестве орудий. Часть этих предметов имеет хорошо заглаженные грани, что свидетельствует об их использовании в качестве терок. Таких терок было найдено 26 (рис. 38).

Во многих случаях концы таких галек имеют следы многочисленных ударов — свидетельство их использования в качестве пестов и отбойников. Терок-пестов из галек было найдено 41, а отбойников из галек —

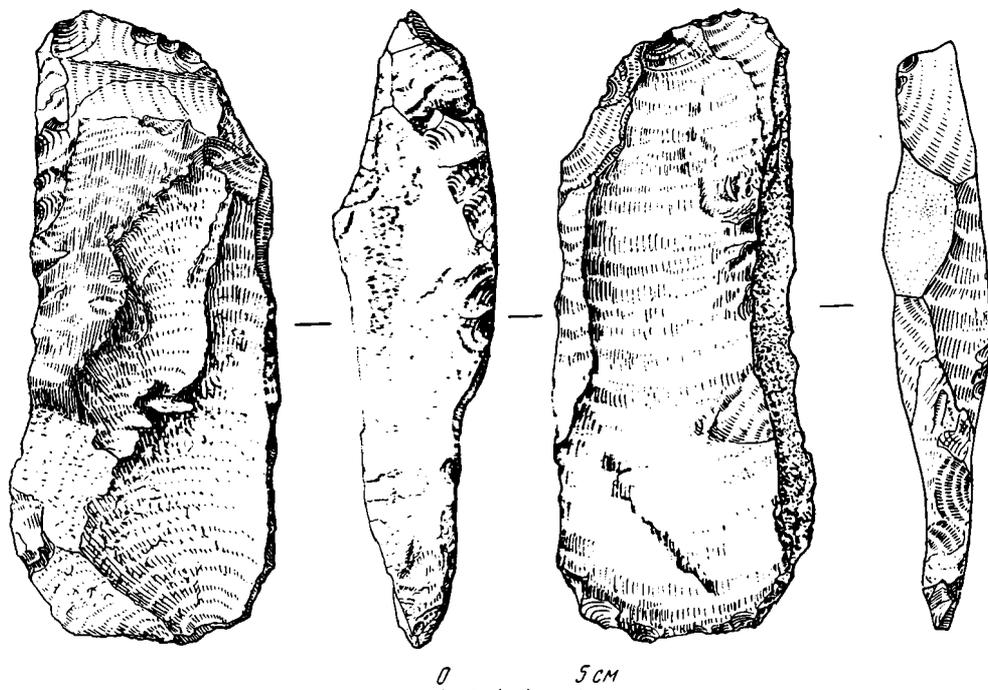


Рис. 39. Стоянка Молодова I, раскопки 1963 г. Клинообразное орудие из четвертого слоя мустье, изготовленное из кремнистой породы

23 экз. Размеры этих орудий преимущественно от 60 до 92 мм. На некоторых орудиях из галек заметны следы от ударов на многих точках.

В кв. XVII г был обнаружен плоский треугольный пест-терочник из песчаника с очень сработанными гранями и тремя участками со следами сильных многочисленных ударов. Размеры этого тройного песта  $92 \times 80 \times 43$  мм.

Серия орудий этого рода, обнаруженных в четвертом и других мустьерских слоях стоянки Молодова I, в материалах мустьерских слоев стоянки Молодова V, а также в ряде других стоянок мустьерского времени\*, является доказательством того, что подобного характера орудия из галек начали использоваться в мустьерское время, а не в позднепалеолитическое, как обычно считается.

Особый интерес вызывает каменное клинообразное изделие из кремнистой породы, размерами  $235 \times 75 \times 54$  мм, с плоским нижним рабочим концом, который мог использоваться для выкапывания различных углублений в почве (рис. 39).

Среди других категорий культурных остатков, обнаруженных на изученной части мустьерского поселения четвертого слоя, отметим куски красной краски — охры, незначительные остатки древесного угля из участков с остатками кострищ.

Палеонтологические остатки четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I, по определению И. Г. Пидопличко и Е. А. Вангенгейм, состоят из таких видов: *Mammuthus primigenius* Blum., *Rangifer tarandus* L., *Equus equus* L., *Bison* sp., *Coelodonta antiquitatis* Blum., *Alces alces* L., *Canis lupus* L., *Lepus* sp., *Cervus* sp., *Ursus arctos* L., *Dicrostonyx torquatus* Pall., Aves.

\* Серию отбойников из галек Н. Л. Эрнст отметил среди материалов стоянки Чокурча (Эрнст, 1934).

Самым главным видом охотничьей добычи обитателей поселения четвертого слоя является мамонт (ранняя форма), кости которого резко преобладают среди фаунистических остатков поселения. Кости мамонта являлись в то же время основным строительным материалом при сооружении постоянных жилищ.

Любопытной является находка лемминга. Копытный лемминг в мустье встречается крайне редко. Этот арктический грызун, один из наиболее ярких представителей тундровой зоны, до настоящего времени был встречен лишь на нескольких мустьерских стоянках Европы: мустьерский слой пещеры Зиргенштейн, Шипка и в Швейцарии (Обермайер, 1913, стр. 174, 180). Если отбросить возможность перенесения остатков лемминга в Молодову в зимнее время в качестве погадок птицами (да и в этом случае они могли быть перенесены лишь на небольшие расстояния), то находка копытного лемминга является показателем холодного климата.

Переходим к определению времени поселения четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I.

Характеризуя кремневый инвентарь четвертого слоя стоянки Молодова I, мы отмечали в комплексе кремневых изделий подпризматические одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы, с которых скалывали удлиненные пластины. Отмечалось также наличие пластин позднепалеолитического облика, ряда орудий позднепалеолитических типов (резцы, скребки, острия), преобладание среди остроконечников орудий на пластинах, наличие асимметричных остроконечников и небольших дисков.

Эти черты кремневого инвентаря четвертого слоя позволяют утверждать, что мы имеем дело с позднемустьерским временем поселения четвертого слоя стоянки Молодова I.

Указанные черты кремневого инвентаря позволяют сблизить материалы четвертого слоя с группой таких позднемустьерских стоянок Европейской части СССР, как Старосельская стоянка, Чокурча, Шайтан-Коба, Бахчисарайская стоянка, Холодная Балка, Волгоградская стоянка, Морго и т. д. (Замятнин, 1934; Эрнст, 1934; Бонч-Осмоловский, 1930; Формозов, 1958; Крайнов, 1947, 1960; Любин, 1960; Замятнин, 1961), а среди стоянок других территорий — с такими памятниками, как Ла Извор, Тата, Ла Ферраси (четвертый слой большого навеса), Эль Табун (слой В), Мугарет-эль-Вад (наиболее глубокий слой Г) и рядом других памятников (Kormos, 1913; Vertes, 1959; Peyrony, 1934; Garrod and Bate, 1937).

Наличие асимметричных удлиненных остроконечников, близких к остриям шательперрон, также позволяет сблизить материалы Молодова I со стоянками Шайтан-Коба, Холодная балка, Староселье, Ильская, Сухая Мечетка, Бахчисарайская стоянка. Наличие в четвертом слое скребков и резцов дает основание сравнить материалы этого слоя со стоянками Староселье, Ильская, Шайтан-Коба, Бахчисарайская; наличие резцов дает основание сблизить материалы четвертого слоя со стоянками Староселье, Ильская, Шайтан-Коба и другими; наличие пластин и подпризматических нуклеусов — со стоянками Шайтан-Коба, Ильская, Староселье, Морго и т. д.

Орудия, очень близкие к материалам четвертого слоя стоянки Молодова I, были встречены на наиболее близкой территориально к Молодове стоянке Румынии Ла Извор, находящейся на правом берегу Прута. На этой стоянке, исследовавшейся Н. Морошаном, были обнаружены отбойники из песчаника, скребла на отщепях и пластинах, ножеобразные орудия, небольшие диски, остроконечники на треугольных отщепях и удлиненных пластинах, резцы, рубильца. Эту стоянку, являющуюся, как известно, стоянкой открытого типа, Н. Морошан рассматривал в качестве классического памятника верхнего мустье (Moroşan, 1938, p. 47).

Среди перечисленных позднемустьерских стоянок Европейской части СССР, с которыми мы неоднократно сравнивали материалы четвертого слоя стоянки Молодова I, наиболее поздними являются стоянки, где были обнаружены наконечники с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью (Ильская, Староселье, Холодная Балка, Волгоградская стоянка).

Учитывая отсутствие среди материалов четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I наконечников с двусторонней обработкой и наличие всего лишь двух пластин со следами двусторонней обработки, можно считать, что поселение четвертого слоя, являясь позднемустьерским, все же хронологически предшествует наиболее поздним позднемустьерским стоянкам типа Ильской и Староселья. Материалы четвертого слоя наиболее сходны с материалами стоянки Шайтан-Коба, в Крыму.

### ПОСЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО МУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА I

Поселение третьего мустьерского слоя стоянки Молодова I было обнаружено на глубине 8,3—8,5 м от уровня нулевой линии, в кв. II ф; на глубине 8,75—9,25 м — в кв. XXV ц и на глубине 9,—9,5 м — в кв. XXV в. Этот слой находился в прослойке светло-желтых суглинков, разделявших вторую и третью прослойки серых суглинков. Как и в предшествующем слое, это поселение было исследовано на площади около 400 м<sup>2\*</sup>.

На исследованной части поселения третьего слоя культурные остатки наблюдались преимущественно в восточной части раскопа и распространялись на восток в сторону неисследованной части поселения. На остальной площади встречались лишь отдельные находки. На изученной площади поселения фаунистических остатков было встречено больше, чем кремневых изделий.

В третьем слое были обнаружены крупные кости животных и череп молодого мамонта, находившийся в кв. VIII—IX х. Здесь были найдены бивень молодого мамонта длиной 1,6 м, обломки ребер животных, обломки челюсти мамонта с остатками двух зубов, позвонки, кости конечностей крупного мамонта. Кости конечностей были разбиты с целью извлечения костного мозга. Возле черепов находились кремневые изделия, терки, песты, отбойники из галек (рис. 40).

В некоторых квадратах изученной площади культурные остатки третьего слоя перекрывали культурные остатки четвертого слоя.

Обнаруженные на исследованной площади поселения третьего слоя кремневые изделия состоят из 5 нуклеусов, 24 пластин, 63 отщепов, 16 обломков, 1 орудия. Для изготовления орудий употреблялся светло-коричневый, серый и темный меловой кремль, а также кремнистый песчаник (рис. 41).

Первый из найденных здесь нуклеусов по форме относится к аморфным. Размеры его 80×68×40 мм. Отщепы скальвались с нуклеуса в нескольких направлениях. Второй нуклеус, размерами 65×51×21 мм, относится к односторонним дисковидным. На одной его стороне наблюдаются подготовленные ударные площадки, а на другой — негативы от скальвания отщепов в направлении от краев к центру. Третий является обломком одностороннего дискообразного нуклеуса из темного кремня. Размеры его 45×25×15 мм.

Два последних представляют собой односторонний нуклеус неправильно пирамидальной формы, размерами 100×85×56 мм, и небольшой

\* Во время полевых работ этот горизонт условно обозначался как «средний горизонт мустье».

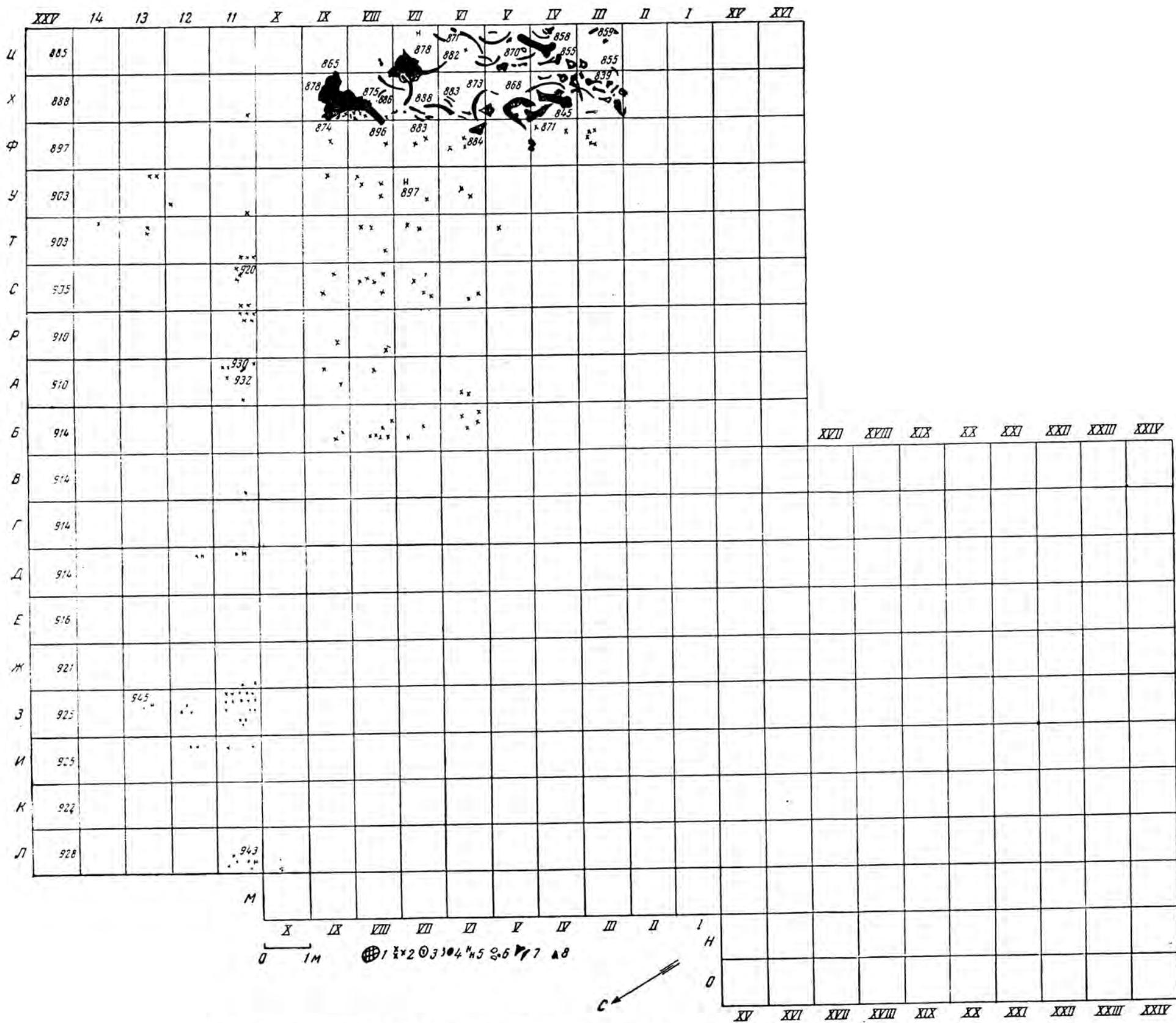


Рис. 40. Горизонтальный план расположения культурных остатков в третьем мустьерском слое стоянки Млодова I  
 Условные знаки: 1 — остатки кострищ; 2 — кремневые изделия; 3 — терки, песты и отбойники; 4 — зубы животных; 5 — нуклеусы;  
 6 — камни; 7 — кости животных; 8 — орудия из кремня

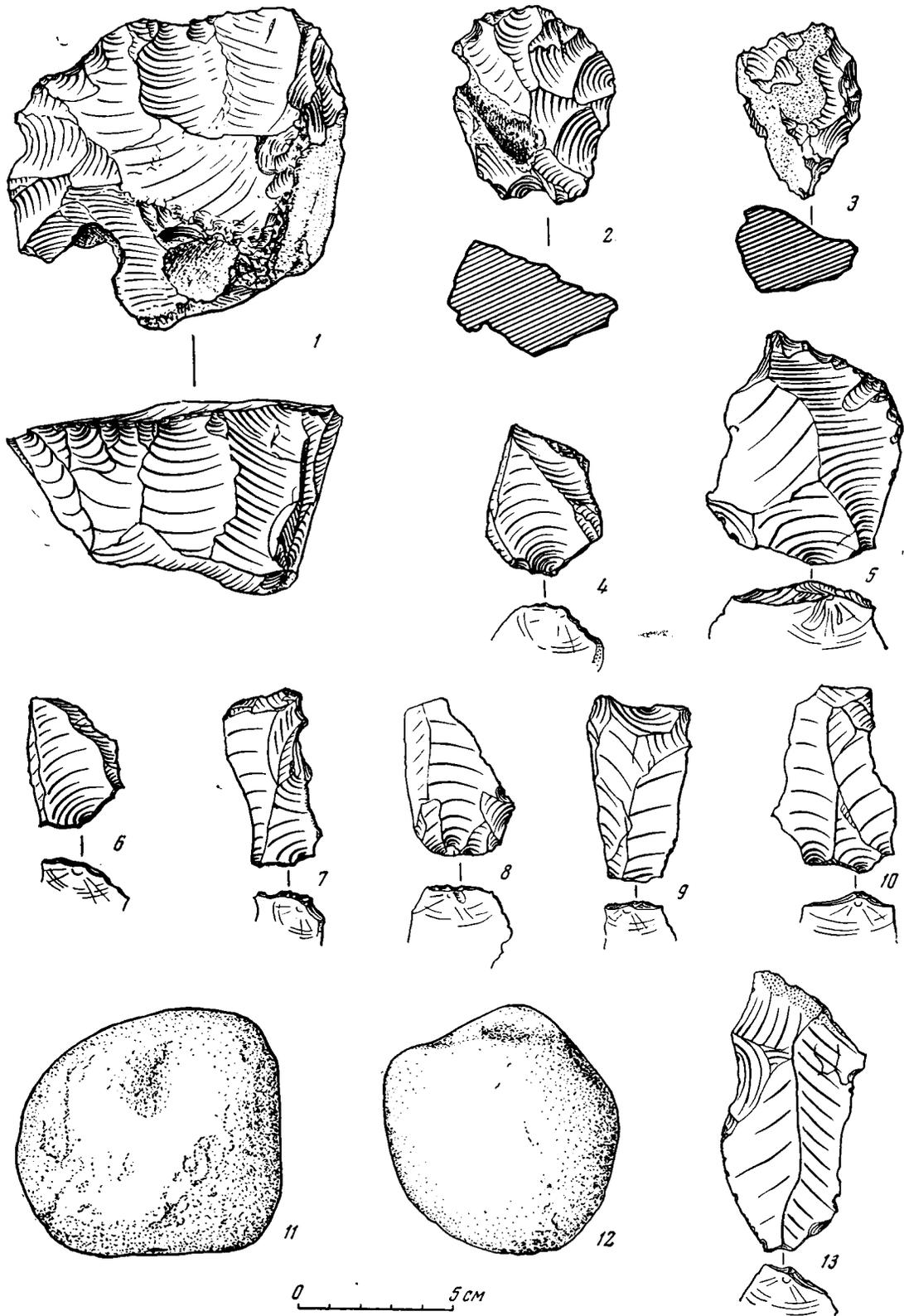


Рис. 41. Изделия третьего слоя мустье стоянки Молодова I

1 — 3 — нуклеусы; 4 — 5 — отщепы со следами ретуши; 6 — 10, 13 — отщепы и пластины;  
11 — 12 — терки и отбойники из галек

односторонний трехплощадный нуклеус неправильной дисковидной формы, размерами 53×38×20 мм. Края ударных площадок этих нуклеусов не имеют подправки; с них можно было скалывать отщепы овальной и трапецеобразной формы.

Отщепы третьего слоя по форме относятся к треугольным, овальным, трапецеобразным. Тринадцать отщепов имеют подправку краев ударных площадок. Несколько отщепов относятся к отщепам типа так называемых «жандармских шапок». Один отщеп имеет по краям следы срабатанности. Этот треугольный отщеп употреблялся в качестве орудий для резания.

Собранные на площади поселения третьего слоя пластины имеют на брюшке крупные ударные бугорки, расположенные обычно наискось по отношению к их оси. Десять небольших пластин имеют подправку краев ударных площадок, они сколоты под прямым углом к плоскости ударных площадок. Длина пластин от 35 до 85 мм. Пластины обычно имеют двугранные спинки.

Скреблообразное орудие на массивном отщепе из темного кремня является единственным кремневым орудием третьего слоя. Размеры изделия 72×55×12 мм. Отщеп имеет близкую к прямоугольнику форму. Он сколот под прямым углом к ударной площадке, край которой имеет подправку. На брюшке отщепа наблюдается крупный ударный бугорок со следами изъязна, на спинке заметны следы от четырех сколов, направленных радиально. Дугообразным рабочим краем этого орудия служит часть правого края отщепа, обработанная ретушью с заломами, которая формирует зубчатый рабочий край.

Кроме этих изделий, в третьем слое были также обнаружены различные обломки кремня, кремневых желваков и галек.

На исследованной части поселения третьего слоя были обнаружены также терки, песты, песты-терки и отбойники шарообразной или уплощенно-овальной формы из галек песчаника. Размеры их колеблются от 72×72×28 мм до 70×80×70 мм. Эти орудия аналогичны находкам предшествующего слоя (рис. 41, 11—12).

Фаунистические остатки третьего слоя стоянки Молодова I состоят из обломков костей мамонта: ребра, зубы, челюсти, трубчатые кости, бивни, позвонки, карпальные кости, остатки черепа. Следует указать, что здесь же встречены остатки очень крупного мамонта (ранняя форма).

Характер расположения культурных остатков, преимущественно в восточной части исследованного участка, их незначительное количество на остальной площади—все это позволяет сделать заключение, что мустьерское поселение этого слоя распространяется к востоку, в неисследованную часть стоянки; раскопом была вскрыта лишь периферийная часть поселения.

Описанный кремневый инвентарь третьего слоя имеет выразительные признаки мустьерской техники. Учитывая несколько более высокое стратиграфическое расположение культурных остатков этого слоя по сравнению с нижележащим, более богатым, мустьерским поселением четвертого слоя, можно считать, что поселение третьего слоя также относится к позднему мустьерскому времени, но к несколько более поздней фазе.

#### ПОСЕЛЕНИЕ ВТОРОГО МУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА I

Остатки поселения второго мустьерского слоя стоянки Молодова I были прослежены во втором от сажистого прослоя прослое серых суглинков, наблюдавшемся на глубине 7,8—8 м от нулевой линии по уровню залегания в кв. IV в, на глубине 8,35—8,75 м от нулевой в кв. XX ф,

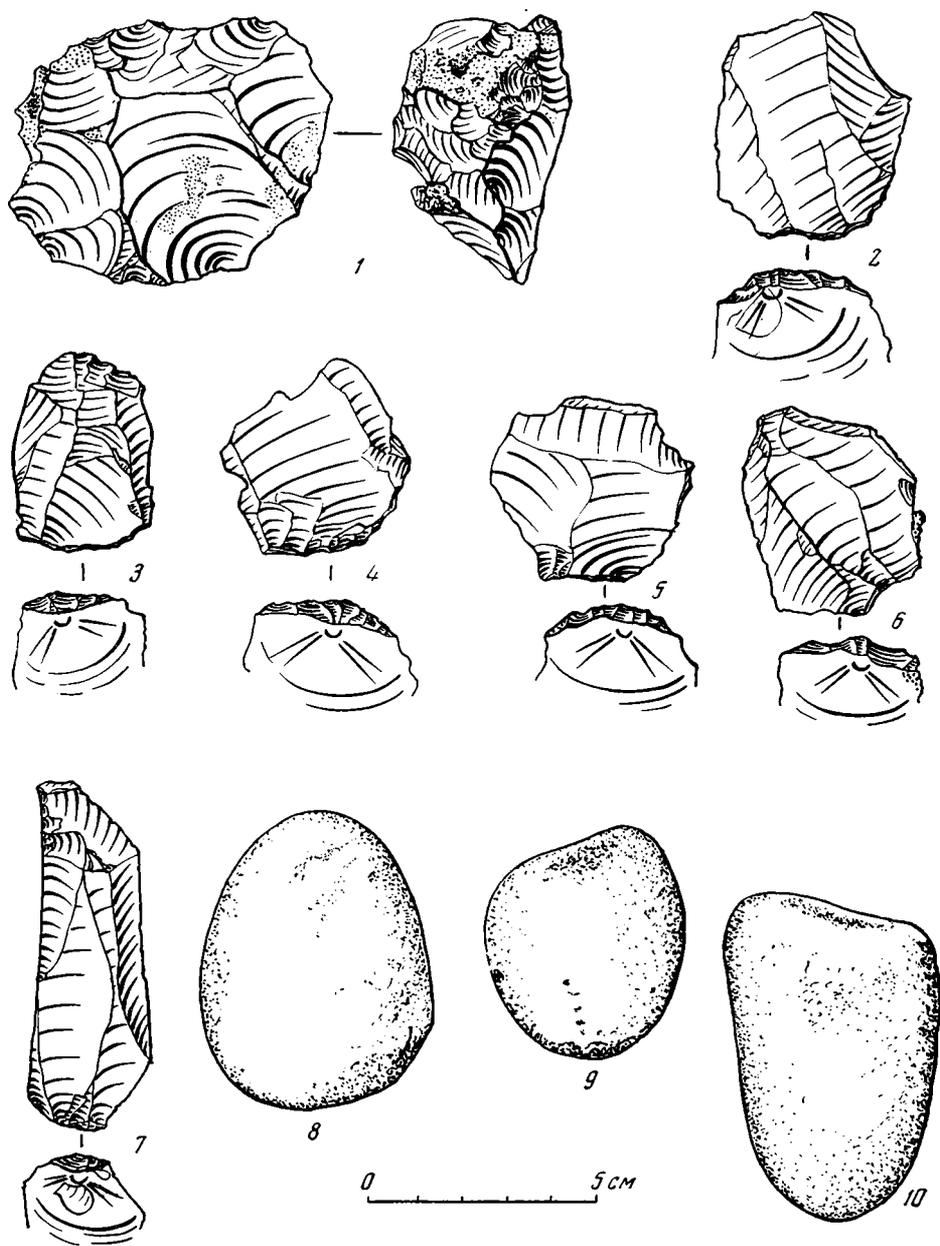


Рис. 43. Изделия второго слоя мустье стоянки Молодова I

1 — нуклеус; 2 — 6 — отщепы; 7 — пластина; 8 — 10 — терки, песты, отбойники из галек

на глубине 8,7—9 м в кв. XXV в и на глубине 7,9—8,1 м в кв. II ф (9,45—9,65 м от уровня поверхности в последней точке). Уровень залегания прослоя серых суглинков снижался соответственно рельефу в направлении к Днестру на 5°.

На исследованной части поселения второго слоя культурных остатков встречено несколько больше, чем в нижележащем, третьем мустье-ском слое (рис. 42).

Отметим наиболее примечательные из них. Так, в кв. III б находилась

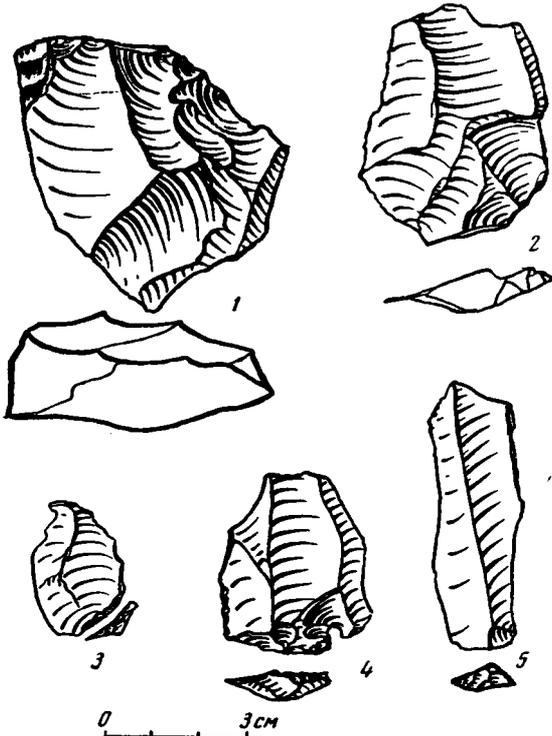


Рис. 44. Изделия второго слоя мустье стоянки Молодова I

1 — нуклеус; 2 — 4 — отщепы; 5 — пластина

челюсть лошади, в кв. V т и III р были найдены гальки из песчаника; в кв. II р, VIII у, II б, II у, III р — отщепы с подправкой краев ударных площадок; в кв. III р — позвонок мамонта; в кв. III у — раздробленные обломки костей и галька, которой, очевидно, раздробляли кости; в кв. III—IV т горизонтально залегало ребро мамонта. В кв. XX и были обнаружены обломки зубов мамонта с остатками челюсти и ребра; в кв. XIX е — кости мамонта; в кв. XVIII в — расколотая трубчатая кость мамонта; в кв. XXIII х залегала бедренная кость, в кв. XVII и — лопатка, в кв. XXIII к — обломок бивня мамонта. Во многих квадратах исследованной площади попадались ребра мамонта.

Во втором слое были открыты также остатки кострища. Очажное пятно овальной формы, размерами 60×30 см, находилось в кв. XVII ж. В границах очажного пятна наблюдались остатки древесного угля. Вокруг очажного пятна залегали расколотые кости животных.

На изученной части поселения второго слоя, как и на площади третьего слоя, обломков костей животных было обнаружено больше, чем кремневых изделий.

Кремневые изделия второго слоя состоят из 5 нуклеусов, 28 отщепов, 8 пластин, 1 орудия, 5 обломков. Для изготовления орудий, как в четвертом и третьем слоях, применялись серый, светло-коричневый и темный меловой и галечный кремль, иногда кремнистый песчаник и яшма (рис. 43—44). Два нуклеуса из коллекции второго слоя имеют неправильную форму; один уплощенный, двуплощадочный; два неправильной дисковидной формы.

Часть отщепов (7 из 28) носит следы подправки краев ударных площадок. Большинство отщепов второго слоя имеют овальную форму, некоторые — с радиально оформленным ограничением спинок — несомненно сколоты с дисковидных нуклеусов. Другие отщепы имеют параллельное ограничение спинок, что свидетельствует о том, что они были сколоты

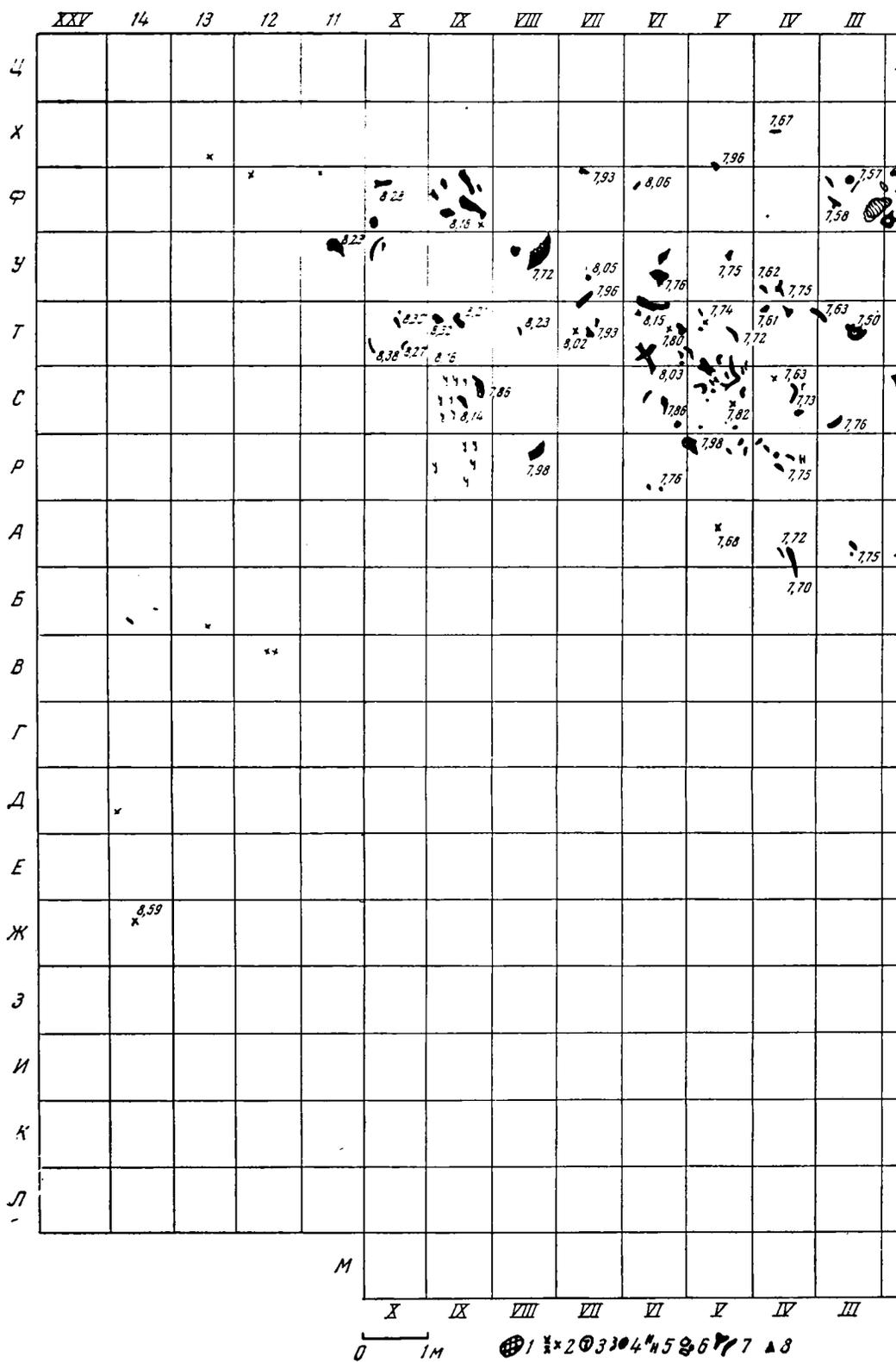


Рис. 45. Горизонтальный план расположения культурных остатков. Условные знаки: 1 — остатки кострищ; 2 — кремневые изделия; 3 — терки, отбойники; 4 — зубила.



с двуплощадочных нуклеусов. Отщепы с подправкой ударных площадок относятся к типу «жандармских шапок». Большинство отщепов имеет крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси, и сколоты под прямым углом от плоскостей ударных площадок.

Среди пластин второго слоя три пластины удлиненной формы имеют подправку краев ударных площадок. Длина пластин от 45 до 85 мм. Пластины второго слоя преимущественно с двухгранными спинками. На пластинах наблюдаются крупные ударные бугорки.

Единственным орудием, обнаруженным во втором слое, является пластина размерами 86×37×14 мм, имеющая следы сработанности по краю. Пластина была, очевидно, использована в качестве ножевидного орудия.

Среди других предметов отметим пять галек песчаника овальной формы длиной от 50 до 97 мм, которые имеют следы употребления в качестве пестов и отбойников (рис. 43, 8, 9, 10).

В кв. XI ф была обнаружена округлая плитка известняка размерами 22×22×6 см. В серых суглинках с остатками поселения второго слоя иногда встречались обломки кремневых желваков без следов обработки.

Остатки фауны этого слоя состоят из обломков костей мамонта (преобладают), лошади, оленя, птицы, крупного копытного.

Кремневый инвентарь второго слоя, несмотря на его небольшое количество, аналогичен материалам четвертого и третьего слоев, и позволяет отнести к позднему мустьерскому времени. Более высокое стратиграфическое положение этого слоя по сравнению с нижележащими, четвертым и третьим, позволяет сделать вывод о его несколько более позднем времени (в границах позднего мустье). Однако уточнение времени этого слоя станет возможным лишь после получения более обширного комплекса материалов при дальнейших исследованиях.

Расположение культурных остатков в виде отдельных находок привело нас к заключению, что исследованный участок является периферийной частью позднемустьерского поселения.

#### ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРВОГО МУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА I

Культурные остатки первого слоя мустье на стоянке Молодова I наблюдались в первой прослойке серых суглинков, находившейся ниже сажистого прослоя на глубине 7,35—7,55 м от нулевой линии в кв. II ф, на глубине 7,79—7,9 м — в кв. XXV ц и на глубине 8,15—8,3 м — в кв. XXV в.

На исследованной площади поселения первого слоя мустье наблюдались отдельные скопления обломков костей ископаемых животных и отдельные кремневые изделия.

Так, в кв. XI ф обнаружен отщеп с подправкой края ударной площадки, в кв. II ф найдены обломок челюсти мамонта, обломок зуба и ребро, в кв. III ф залегал зуб мамонта длиной 21 см и часть челюсти; в кв. IV у и V с — т находились ребра, в кв. VI т — бедренная кость, которая перекрывала ребро; в кв. XV х — трубчатая кость мамонта.

Незначительное количество культурных остатков было встречено преимущественно в центральной части исследованного участка, многие квадраты раскопа были вообще лишены культурных остатков (рис. 45).

Кремневый инвентарь первого мустьерского слоя состоит из двух целых и одного обломка нуклеуса, пятнадцати отщепов, двух пластин, четырех обломков кремня. Для изготовления орудий применялись те же

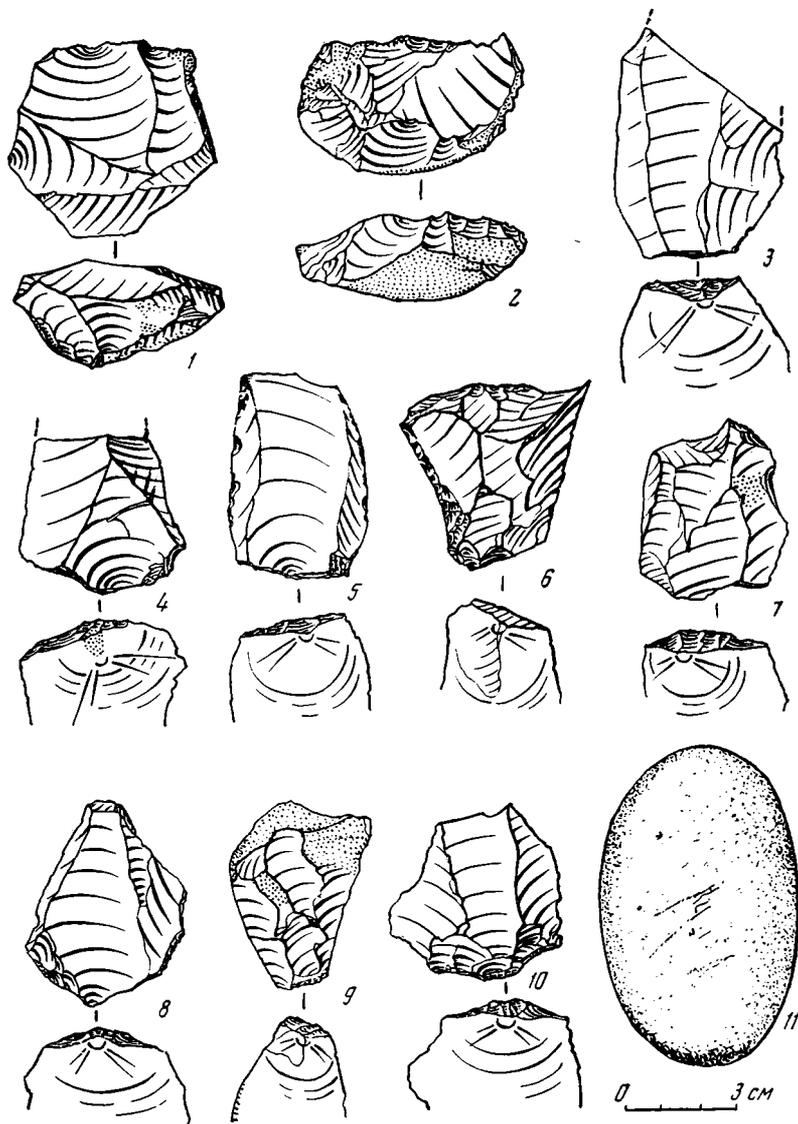


Рис. 46. Изделия первого слоя мустье стоянки Молодова I  
1 — 2 — нуклеусы; 3 — 10 — отщепы и пластины; 11 — отбойник

виды сырья, что и в нижележащих слоях, но в первом слое не было обнаружено изделий из яшмы (рис. 46).

Нуклеусы первого слоя состоят из плоского одноплощадочного нуклеуса размерами  $60 \times 36 \times 22$  мм; одноплощадочного нуклеуса размерами  $50 \times 50 \times 20$  мм и обломка дисковидного нуклеуса. Собранные здесь нуклеусы были предназначены для скалывания отщепов.

Последние состоят из отщепов с подправкой края ударных площадок (10 из 15) и отщепов без такой подправки. По форме они относятся к треугольным, овальным и квадратобразным. Один отщеп имеет радиальное ограничение спинки. Большинство отщепов первого слоя с параллельным ограничением спинок. Они были сколоты с одноплощадочных нуклеусов. На отщепах наблюдается прямой угол между брюшком и плоскостью ударных площадок. Ударные бугорки на отщепах первого слоя расположены наискось по отношению к их оси; отщепы этого слоя

преимущественно массивны. Три отщепа относятся к категории отщепов типа «жандармских шапок».

Две пластины первого слоя являются широкими пластинами из серого кремня с подправленными краями ударных площадок. Эти пластины сколоты под прямым углом от плоскостей ударных площадок. Пластины имеют параллельное ограничение спинок, что позволяет определить форму использованных нуклеусов, как крупные одноплощадочные. Длина пластин  $55 \times 52$  мм, а ширина  $35 \times 43$  мм. Одна пластина была использована в качестве ножеобразного орудия, так как на двух краях наблюдаются следы сработанности.

В первом слое была также прослежена овальная плитка песчаника размерами  $80 \times 50 \times 17$  мм. На одном из концов плитка имеет следы сработанности, что свидетельствует об использовании ее в качестве отбойника (рис. 46, 11). В качестве отбойников использовались также гальки песчаника.

Фаунистические остатки первого мустьерского слоя стоянки Молодова I состоят из: *Mammuthus primigenius* Blum., *Bison* sp., *Cervus elaphus* L., *Rangifer tarandus* L.

Среди фаунистических остатков преобладают остатки костей ранней формы мамонта. Здесь были встречены обломки зубов, ребра, трубчатые кости, бивни, позвонки и т. д. Указанные виды животных являлись охотничьей добычей обитателей населения первого слоя.

Небольшое количество культурных остатков и их расположение в виде отдельных предметов свидетельствует, что изученная часть является периферийной частью мустьерского поселения. Это поселение также относится к позднему мустьерскому времени, что можно заключить на основании стратиграфического перекрытия остатками этого слоя других позднемустьерских слоев.

Таким образом, на стоянке Молодова I было вскрыто на значительной площади несколько позднемустьерских поселений открытого типа. Не все они одинаково богаты культурными остатками. Наиболее мощным оказалось поселение четвертого слоя с остатками постоянного жилища мустьерского времени.

Проведенные исследования мустьерских слоев стоянки Молодова I позволили изучить характер различных частей поселений, обнаружить в них периферийные и центральные участки, открыть материалы, позволяющие определить характерные черты мустьерской культуры этого района.

#### МУСТЬЕРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ МОЛОДОВА V

Стоянка Молодова V, открытая автором в 1948 г., расположена на расстоянии 1 км выше по Днестру от стоянки Молодова I, на мысообразном выступе правого берега Днестра, участке, именуемом «Голый щовб» (Черныш, 1961в). Гипсометрически она располагается немного выше стоянки Молодова I, на склоне ко второй надпойменной террасе.

Многолетние исследования стоянки Молодова V (1951, 1953—1960, 1962 гг.) позволили изучить на большой площади остатки раннемезолитических и позднепалеолитических поселений, стратиграфически перекрывавших мустьерские слои.

Первые данные о возможности открытия здесь мустье. были получены еще в 1955—1956 гг., когда на площади трех контрольных шурфов были найдены остатки костей животных и кремневые изделия с мустьерскими признаками (рис. 47).

В 1958 г. вокруг шурфов был разбит раскоп площадью в  $32,5 \text{ м}^2$  ( $6,5 \times 5$  м), который дал возможность определить наличие остатков двух мустьерских поселений (Черныш, 1961 г.).

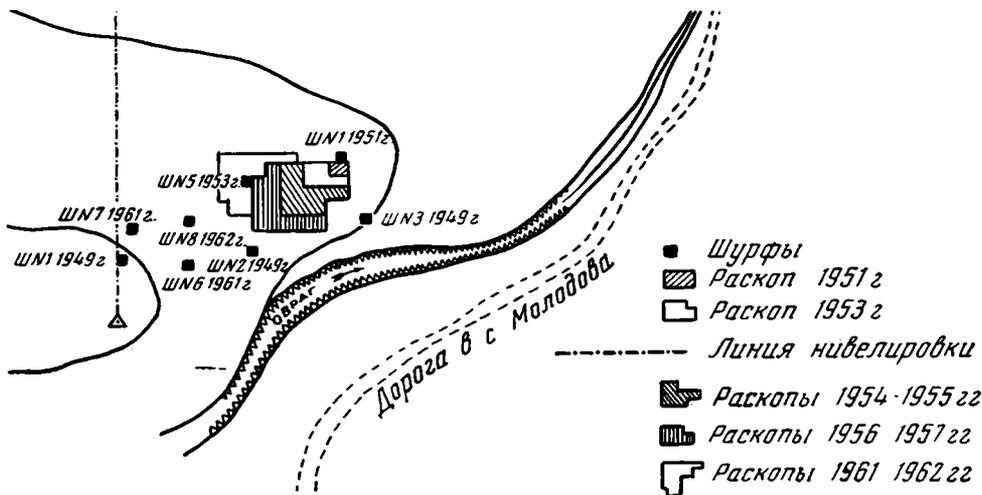


Рис. 47. Схематический план района раскопок стоянки Молодова V

На площади раскопа 1958 г. был описан следующий разрез (под небольшим слоем современной почвы):

1. Лёссовидный суглинок желтовато-сероватый, плотный, известковистый с раковинами моллюсков	0,5—3,25 м
2. Суглинок, слегка окрашенный в коричневатый цвет, оглеженный, плотный	3,25—3,7 м
3. Суглинок лёссовидный, известковистый, серовато-желтоватый	3,7—4,14 м
4. Суглинок (ископаемая почва) темноокрашенный более рыхлый	4,15—5,3 м
5. Суглинок серовато-желтоватый с темными примазками и двумя темными горизонтальными полосами мощностью по 5—8 см.	5,3—6,7 м
6. Коричневый суглинок (ископаемая почва) с неровной верхней и нижней границей	6,7—7,5 м
7. Серовато-желтый суглинок	7,5—8,7 м
8. «Сажистый» прослой	8,7—8,75 м
9. Желтый суглинок с неровными голубовато-серыми прослоями и пятнами	8,75—9,2 м
10. Светло-серый суглинок; со слоем 11б (мустье)	9,2—9,4 м
11. Серовато-желтый суглинок с 11 культурным слоем (мустье)	9,4—9,85 м
12. Светло-серый суглинок; со слоем 12а (мустье)	9,85—10,25 м
13. Серовато-желтый суглинок с 12 культурным слоем (мустье)	10,25—10,65 м

Этот разрез свидетельствует, что на стоянке Молодова V, как и на стоянке Молодова I, наблюдался сажистый прослой, но здесь не было обнаружено мерзлотных клиньев, ископаемая почва не размывта, и все слои залегают более спокойно. В результате работ 1958 г. были открыты остатки двух мустьерских поселений (одиннадцатый и двенадцатый слои) \*.

Залегание мустьерских слоев на определенной глубине по отношению к уровню залегания сажистого прослоя, сходство геологических условий залегания мустьерских слоев стоянок Молодова V и Молодова I позволяют сопоставить мустьерские слои между собой на стратиграфическом основании.

Дальнейшие стратиграфические наблюдения были получены во время раскопок Молодова V в 1960—1962 гг.

В 1960 г. изучался новый участок площадью в 90 м<sup>2</sup> с остатками мустьерских поселений. Этот участок примыкал к раскопу 1958 г. Исследование нового участка дало возможность не только проследить сложную картину в характере размещения культурных остатков мус-

\* Верхние 10 культурных слоев — позднелолитические.

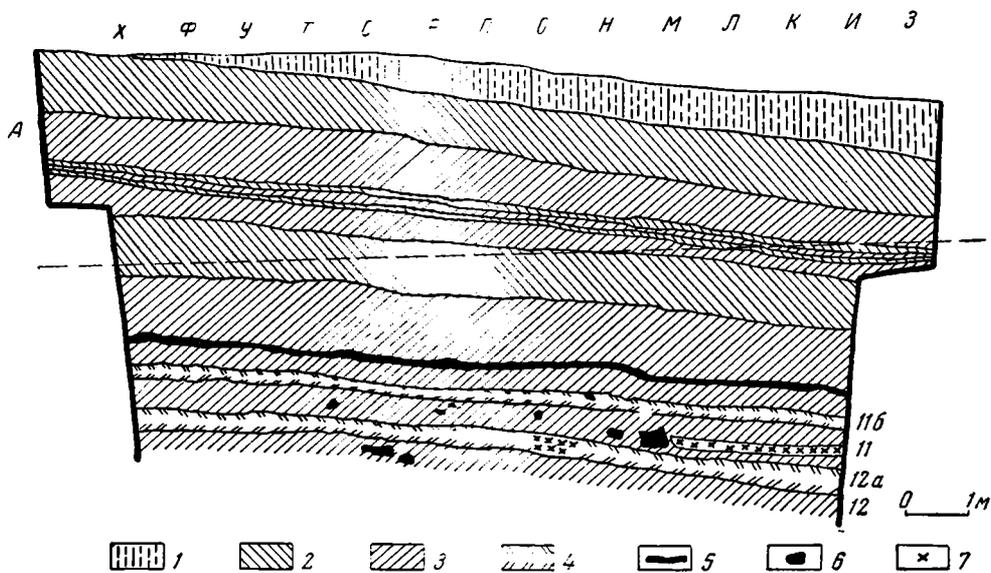


Рис. 48. Стоянка Молодова V. Разрез нижней части стенки раскопа 1960 г.

Условные знаки: 1 — желтовато-сероватый лёссовидный суглинок; 2 — темно-коричневый суглинок (ископаемая почва); 3 — желтоватый суглинок, в котором книзу появляются серо-синие неровные пятна и полосы; 4 — светло-серый суглинок; 5 — «сажистый» прослой; 6 — остатки фауны; 7 — кремневые изделия; 11б, 11, 12 а, 12 — мустьерские культурные слои

тьерского времени, но и обнаружить следы нового мустьерского культурного слоя, который находился между одиннадцатым и двенадцатым слоями. Новый слой был условно обозначен, как слой 12а.

В 1960 г. в одиннадцатом слое была прослежена часть интенсивного скопления культурных остатков мустьерского времени, распространявшегося в северо-западном направлении от исследованной площади. В 1961 г. к раскопу предыдущего года с северо-западной стороны был прирезан новый участок с целью изучения дальнейшей части скопления. Однако уровень залегания мустьерских культурных слоев был достигнут лишь в 1962 г. на площади 112 м<sup>2</sup>.

В 1962 г. на стоянке Молодова V были получены новые стратиграфические наблюдения: были открыты остатки нового мустьерского поселения, которое находилось выше поселения одиннадцатого слоя, перекрывая его. Этот новый горизонт был условно обозначен как горизонт 11 б (рис. 48).

Кроме горизонта 11 б, в 1962 г. было продолжено также изучение одиннадцатого слоя.

Работы последних лет дали возможность изучить на многослойной стоянке Молодова V остатки четырех мустьерских поселений, являющихся наиболее глубокими среди известных в настоящее время. Участок, на котором исследовались мустьерские поселения, был расположен в центре площади, где ранее изучались позднепалеолитические слои.

#### ПОСЕЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОГО СЛОЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА V

Этот наиболее глубокий культурный слой стоянки Молодова V обнаружен на глубине 10,25—10,35 м от уровня поверхности по данным юго-западного угла раскопа 1958 г., и на глубине 7,9—8,05 м от уровня нулевой линии по уровню залегания в юго-западном углу раскопа 1960 г. Он располагается в светло-желтых суглинках, ниже второго прослоя серых

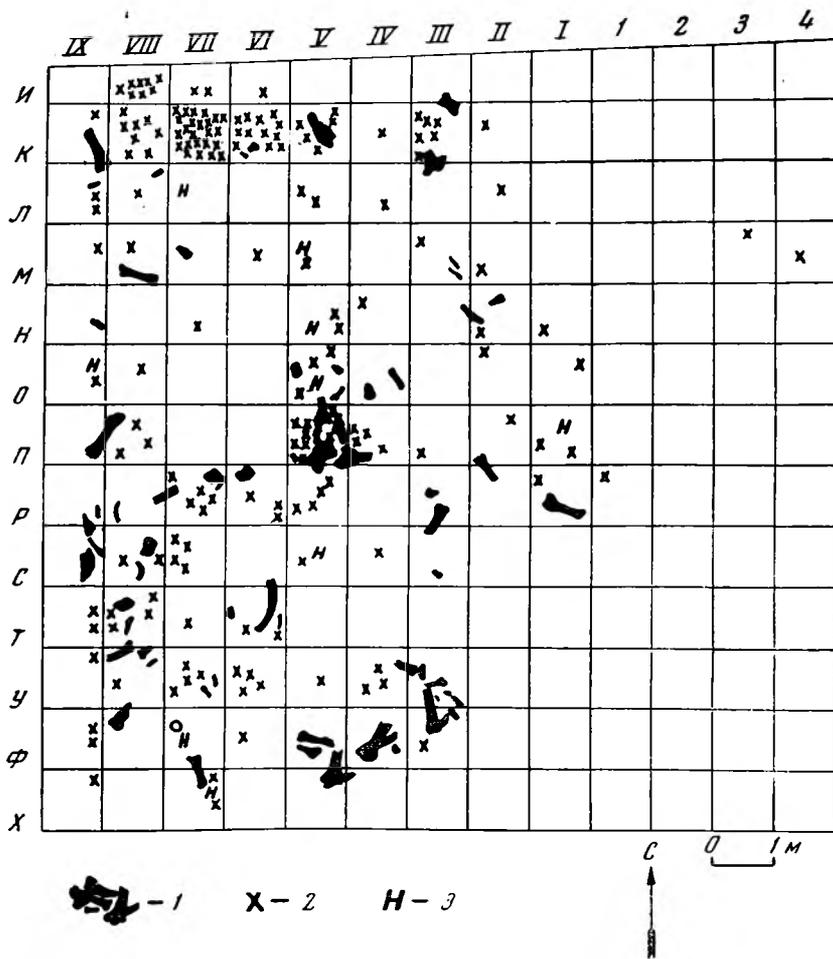


Рис. 49. Стоянка Молодова V. Горизонтальный план расположения культурных остатков в двенадцатом слое мустье

Условные знаки: 1 — остатки фауны; 2 — кремневые изделия; 3 — нуклеусы

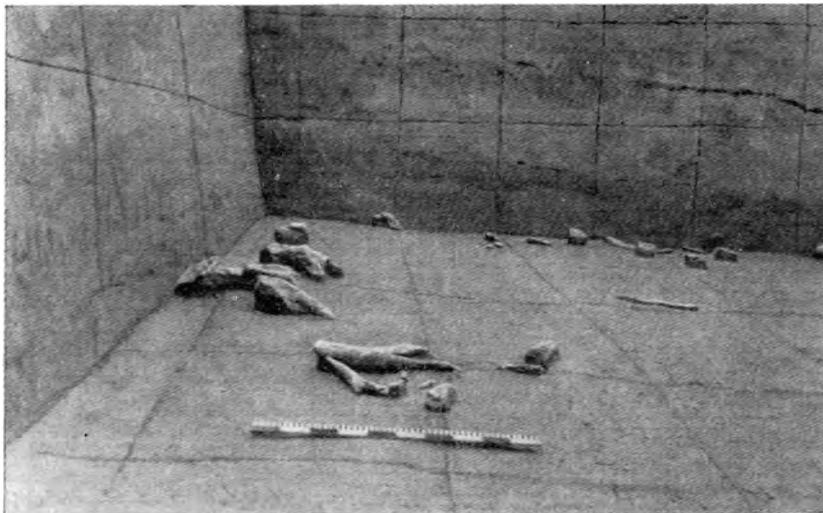


Рис. 50. Стоянка Молодова V. Фотография залегания культурных остатков в двенадцатом слое мустье

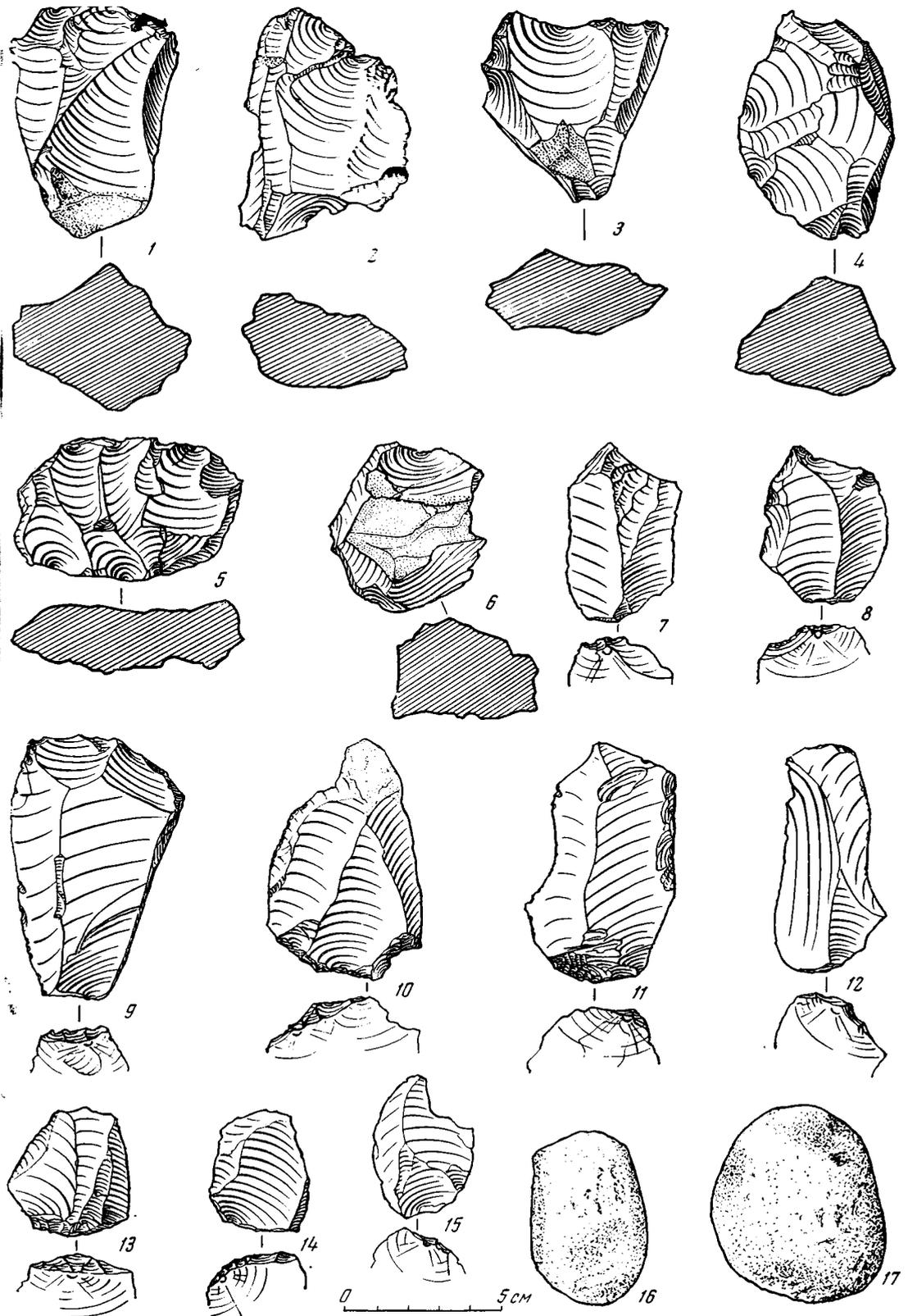


Рис. 51. Стоянка Молодова V. Изделия двенадцатого слоя мустье

Условные знаки: 1 — 6 — нуклеусы; 7 — 10, 13 — 15 — отщепы; 11 — ножевидное орудие; 12 — пластина; 16 — 17 — отбойники из галек

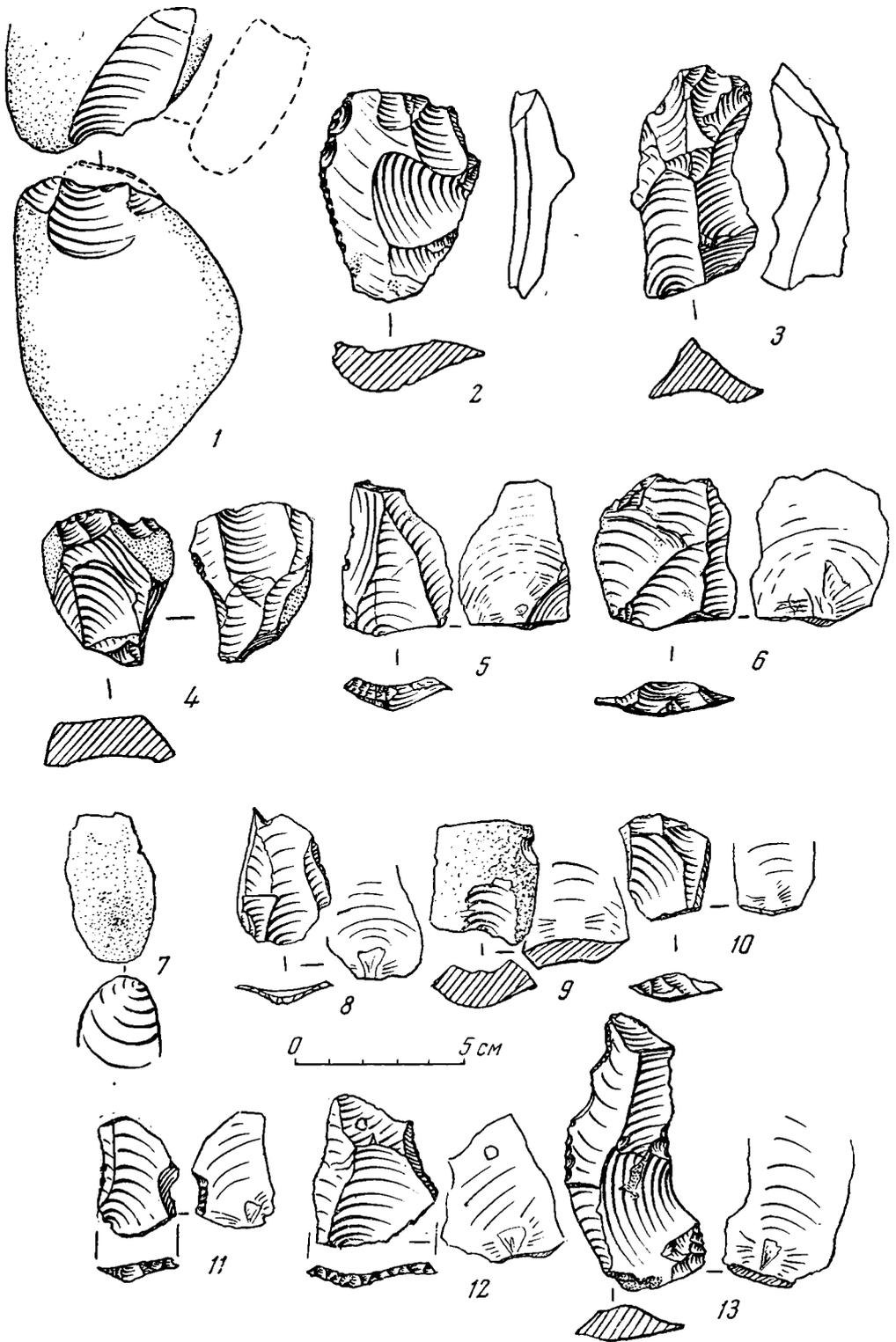


Рис. 52. Стоянка Молодова V. Изделия двенадцатого слоя  
1 — 4 — нуклеусы; 5 — 13 — отщепы

суглинков, на глубине 1,6—1,75 м от уровня залегания сажистого про-  
слоя.

На исследованной части поселения культурные остатки наблюдались в виде отдельных обломков костей ископаемых животных и кремневых изделий, преимущественно в западной половине исследованной площади, но интенсивных скоплений их не было обнаружено (рис. 49—50).

Так, обломки конечностей мамонта были обнаружены в квадратах III у, III ф, IV ф, V ф, VII х, VIII у, VIII п, VIII м, IX к; лопатки мамонта — в кв. IX с, IX р, V о. и. п.; тазовые кости мамонта — в кв. VIII ф, V к; зубы мамонта — в кв. VIII т, VII р, VI р.

Кроме того, в ряде квадратов были найдены позвонки, обломки ребер. Отдельные кремневые изделия находились обычно на пространстве между костями. Наиболее насыщены культурными остатками северо-западные квадраты, где на 1 м<sup>2</sup> площади наблюдалось по 15—20 экз. На остальной же площади встретилось всего по три-четыре экземпляра кремневых изделий, а во многих квадратах вообще не было материалов.

На основании небольшого количества обнаруженных здесь материалов и по характеру расположения культурных остатков на исследованной площади можно заключить, что здесь, как и в пятом, третьем, втором и первом слоях стоянки Молодова I, была изучена периферийная часть мустьерского поселения. Центр этого поселения, возможно, находился где-то северо-западнее участка, изученного в 1958, 1960 гг. Это предположение полностью подтвердилось раскопками 1964 года. Количественно наибольшей категорией культурных остатков двенадцатого слоя являются кремневые изделия (256 экз.). Они состоят из 19 нуклеусов, 43 обломков, 136 отщепов, 49 пластин и 9 орудий (рис. 51—52).

Обитателями поселения двенадцатого слоя стоянки Молодова V для изготовления орудий применялся тот же кремьнь что и на стоянке Молодова I в мустьерских слоях. Здесь использовались серый, светлорыжий и темный меловой и галечный кремьнь, а также яшма и кремнистый песчаник. Большинство кремневых изделий — без патины.

Размеры нуклеусов двенадцатого слоя от 40 до 110 мм. По форме нуклеусы этого слоя относятся к одноплощадочным (6 экз.), двуплощадочным (5 экз.), треугольным (2 экз.), подпризматическим (1 экз.), аморфным (5 экз.). Наиболее многочисленны одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы. Эти нуклеусы давали возможность скалывать отщепы и пластины. С одноплощадочных нуклеусов скалывались отщепы и пластины с одной ударной площадки в направлении к нижнему концу, а у двуплощадочных нуклеусов — с двух ударных площадок, расположенных на противоположных концах нуклеусов.

Среди двуплощадочных нуклеусов двенадцатого слоя три относятся к удлинённому варианту, а два — к поперечным. С треугольных нуклеусов можно было получать отщепы треугольной формы. Нуклеус подпризматической формы давал возможность скалывать пластинчатые отщепы и пластины.

Среди памятников Европейской части СССР одноплощадочные нуклеусы, аналогичные находкам двенадцатого слоя стоянки Молодова V, были обнаружены на таких стоянках, как Шайтан-Коба, Ахштырская пещера (нижний слой), Джрабер VII, Лаше-Балта. Двуплощадочные — в Лаше-Балта, Бахчисарайской, Морго, Яштух, Лысой горе, Ахабиюк, Сатани-Дар, Шайтан-Коба, Ахштырской (верхний мустьерский слой), Джрабер VII. Треугольные нуклеусы были встречены в Сатани-Дар, Морго, Арзни, Шайтан-Кобе. Подпризматические известны в Староселье, Ильской, Шайтан-Кобе, Морго и других памятниках (Любин, 1957, 1960; Формозов, 1958; Замятнин, 1961; Паничкина, 1950; Материалы стоянки Джрабер по коллекции В. П. Любина).

Среди сколотых с нуклеусов заготовок преобладают отщепы. Из всех отщепов двенадцатого слоя 39 имеют подправку ретушью на краях ударных площадок. По форме отщепы этого слоя состоят из треугольных, овальных и листовидных. Большинство отщепов двенадцатого слоя сколоты под прямым углом от ударной площадки; отщепы преимущественно имеют крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Размеры отщепов от 20 до 78 мм. В двенадцатом слое было встречено лишь несколько отщепов, сбитых под тупым углом от ударной площадки. Небольшое количество отщепов этого слоя имеет радиальное ограничение спинок; они были сколоты с дисковидных нуклеусов. Другие отщепы имеют параллельное ограничение спинок и, по-видимому, были сколоты с удлиненных двуплощадочных и одноплощадочных нуклеусов. У третьей группы отщепов наблюдается конвергентное ограничение спинок; они были сколоты с треугольных нуклеусов.

Пластины, обнаруженные на изученной части поселения двенадцатого слоя, имеют длину от 28 до 98 мм. 20 пластин из 49 — с подправкой краев ударных площадок. Пластины двенадцатого слоя составляют 19% от всего кремневого инвентаря этого слоя. Этот процент значительно более высок, чем, например, в мустьерском слое стоянки Молодова I с остатками жилища, где пластины составляли 15% от всех кремневых изделий.

Многие пластины двенадцатого слоя имеют крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Часть пластин с параллельным ограничением спинок имеют правильные очертания, чем они напоминают позднепалеолитические пластины. Пластины сколоты преимущественно под прямым углом от плоскости ударных площадок. Часть пластин двенадцатого слоя имеет неправильное ограничение спинок.

Среди кремневых изделий двенадцатого слоя выделяются: 4 ножеобразных орудия на пластинах, 3 ножеобразных орудия на отщепах, резцеобразное орудие на массивном сколе и ножеобразное орудие на массивном треугольном отщепе размером 75×47×7 мм. Последнее орудие имеет крупный ударный бугорок, расположенный наискось по отношению к оси отщепа. Орудие по форме напоминает остроконечник, но оно имеет лишь частичную ретушь на левом крае. Следы подправки края ударной площадки и характер ограничения спинок этого орудия позволяют заключить, что данный отщеп был сколот с треугольного нуклеуса в его веерообразном варианте. Как мы видим, среди орудий двенадцатого слоя преобладают ножеобразные орудия.

Среди других материалов отметим обломки пяти галек песчаника, имеющих овальную и округлую форму. Размеры этих галек от 55 до 100 мм. Две гальки из красного девонского песчаника имеют следы многочисленных ударов, что говорит о их использовании в качестве отбойников.

Кухонные остатки состоят из обломков костей мамонта (определение Э. А. Вангенгейм). Здесь были обнаружены кости конечностей, ребра, позвонки, зубы, тазовые кости, лопатки. Многие трубчатые кости были расколоты.

Фаунистические остатки позволяют заключить, что мамонт был основным видом охотничьей добычи обитателей поселения.

Мы уже отмечали, что по характеру расположения культурных остатков изученная часть поселения двенадцатого слоя являлась периферийной. Она аналогична тем участкам поселения четвертого слоя стоянки Молодова I, которые находились в стороне от скопления культурных остатков.

Стратиграфически двенадцатый слой стоянки Молодова V по сравнению с четвертым слоем стоянки Молодова I, находится выше по отношению к уровню залегания сажистого прослоя (1,6—1,8 м для две-

надцатого слоя и 1,8—2 м для четвертого слоя). Это, а также наличие в комплексе значительно большего количества пластин сравнительно с четвертым слоем, дает основание считать, что мустьерское поселение 12-го слоя является несколько более поздним позднемустьерским поселением, чем четвертый слой стоянки Молодова I. Дальнейшие исследования дадут возможность получить более полное представление о данном поселении.

Остатки поселения двенадцатого слоя на стоянке Молодова V стратиграфически перекрываются остатками поселения слоя 12 а.

### МУСТЬЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СЛОЯ 12 а

Остатки следующего мустьерского поселения на стоянке Молодова V — слоя 12 а — от нижележащего двенадцатого отделялись стерильной прослойкой суглинка толщиной в 20—25 см. Слой 12 а был прослежен во втором простое серых суглинков, находившихся ниже сажистого простоя. Эта прослойка серых суглинков наблюдалась на глубине 9,85—10,05 м от поверхности по данным юго-западного угла раскопа 1960 г.

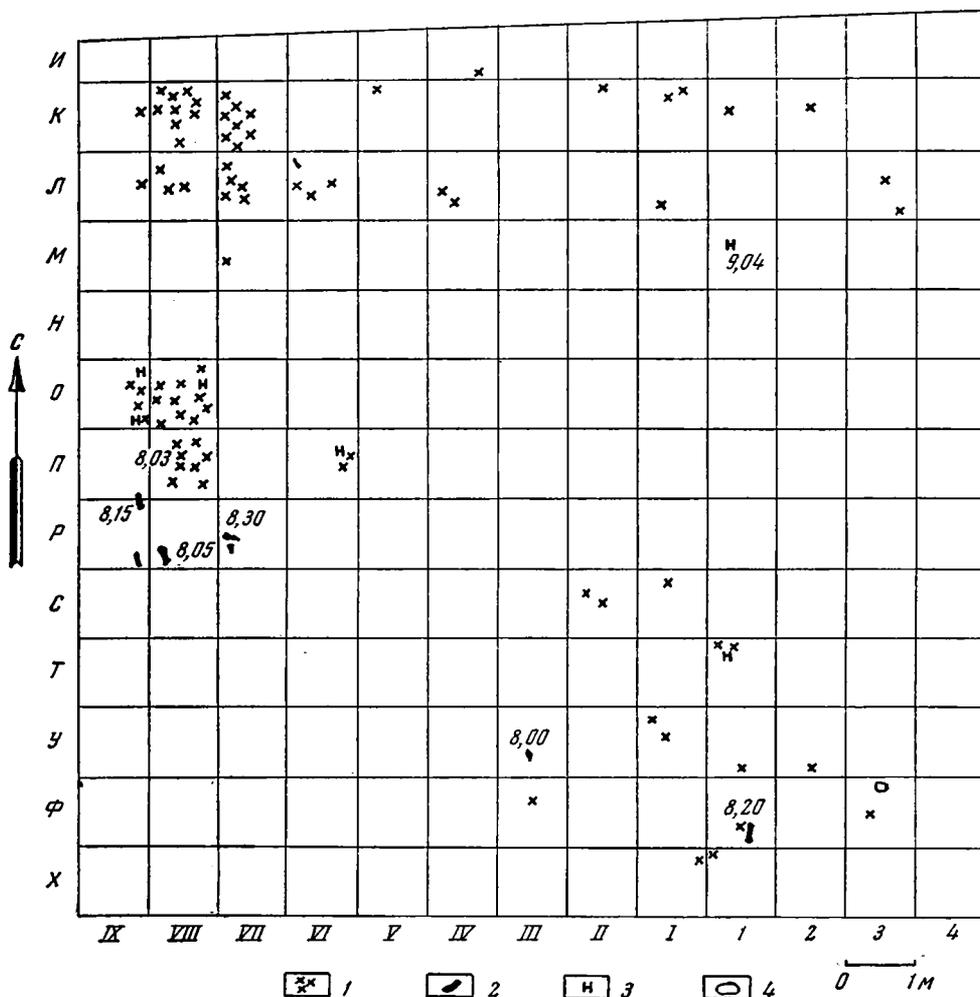


Рис. 53. Стоянка Молодова V. Горизонтальный план расположения культурных остатков в мустьерском слое 12а

1 — кремневые изделия; 2 — остатки фауны; 3 — нуклеусы; 4 — камни

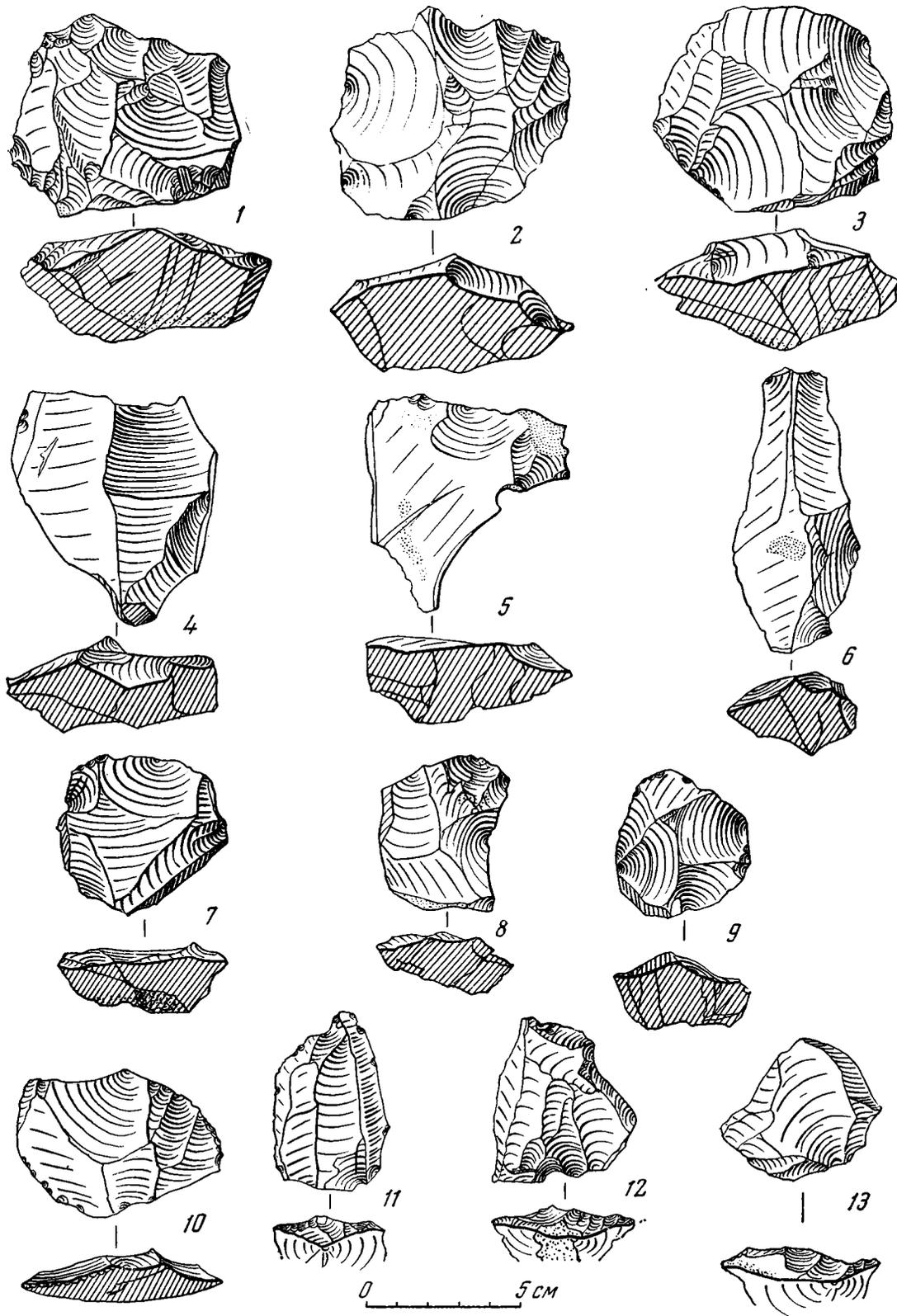


Рис. 54. Кремневые изделия слоя 12а. Стоянка Молодова V  
 1 — 10 — нуклеусы; 11 — 13 — отщепы

По геологическим условиям залегания слой 12 *a* соответствовал второму мустьерскому слою стоянки Молодова I, также залегавшему во втором прослое серых суглинков.

На исследованной площади поселения слоя 12 *a* были встречены кремневые изделия и обломки костей ископаемых животных. На изученном участке поселения этого слоя не прослеживались скопления культурных остатков, но все же следует отметить, что собранные здесь материалы больше всего встречались в северо-западной и юго-восточной частях изученной площади. Только в кв. IX—VIII—VII о — п обнаружено было небольшое скопление кремневых изделий (около 70 экз.). Ряд квадратов исследованного участка не дал культурных остатков, или же они встречались в виде отдельных предметов (рис. 53).

Среди собранных на площади поселения слоя 12 *a* материалов преобладают кремневые изделия (281 экз.), состоящие из одиннадцати нуклеусов, 194 отщепов, 46 пластин, 1 орудия и отбросов производства (рис. 54).

Для изготовления орудий в этом слое употреблялся серый и темный кремль, а также кремнистый песчаник, т. е. те же породы, что и в нижележащем слое (кроме яшмы).

Нуклеусы слоя 12 *a* имеют размеры от 48 до 88 мм. По форме они относятся к двуплощадочным, одноплощадочным и дисковидным. Среди двуплощадочных нуклеусов преобладают поперечные. Лишь в одном экземпляре был встречен продольный двуплощадочный нуклеус. Часть нуклеусов, как и в четвертом слое стоянки Молодова I, плоские в сечении. Нуклеусы слоя 12 *a* позволяли скалывать отщепы, а с удлинненных можно было скалывать пластины. Они аналогичны нуклеусам нижележащего двенадцатого слоя.

Собранные в слое 12 *a* отщепы по форме относятся к треугольным, овальным, трапецеобразным. Форма ограничения спинок, в зависимости от использованных типов нуклеусов, различна. Так, были встречены отщепы с радиальным, конвергентным и параллельным ограничением. Часть отщепов слоя 12 *a* имеет подправку краев ударных площадок (35 экз.). На изученном участке слоя 12 *a* были встречены отщепы типа чешуек и крупные отщепы. Пластины имеют преимущественно двугранные спинки. Ряд пластин с неправильным ограничением спинок. Большинство пластин имеют крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Некоторые пластины имеют подправку на краях ударных площадок (9 экз.). Пластины слоя 12 *a* составляют 16% от всех кремневых изделий этого слоя.

Единственным орудием из кремня, которое было здесь найдено, является обломок пластины размерами 35×22×3 мм со следами ретуши по краю.

Палеонтологические остатки слоя 12 *a* состоят из обломков костей мамонта. Очевидно, мамонт являлся основной охотничьей добычей обитателей поселения этого слоя.

Кремневый инвентарь слоя 12 *a* позволяет датировать его позднемустьерским временем. Небольшое количество культурных остатков в этом слое, отсутствие здесь пятен скоплений культурных остатков, залегание материалов в виде отдельных предметов (кроме участка с гнездом кремневых изделий), наличие ряда участков без культурных остатков — все это свидетельствует о том, что здесь была исследована только периферийная часть мустьерского поселения.

**ПОСЕЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ  
СТОЯНКИ МОЛОДОВА V**

Остатки поселения одиннадцатого культурного слоя стоянки Молодова V были зафиксированы в прослое светло-желтых суглинков на глубине 9,5—9,65 м от уровня поверхности в северо-западном углу раскопа 1960 г. От уровня залегания сажистого прослоя этот культурный слой наблюдался на глубине 0,8—0,95 м. Уровень залегания культурных остатков соответственно рельефу снижался в северном и северо-восточном направлениях и повышался в сторону высокого берега Днестра в северо-западном направлении. Одиннадцатый культурный слой отделялся от нижележащего слоя 12 *a* стерильной прослойкой суглинка толщиной в 20 см.

На исследованной части поселения одиннадцатого слоя наблюдалась сложная картина в расположении культурных остатков \*. Так, с одной стороны, здесь было обнаружено интенсивное центральное скопление культурных остатков и менее интенсивное юго-восточное, а, с другой стороны, в северо-западной, южной, юго-западной и северо-восточной частях участка были обнаружены участки без культурных остатков или же с небольшим количеством отдельных предметов (рис. 55).

Центральное скопление культурных остатков, имеющее овальную форму, находится в кв. XI—VI ж, XI—IV з, и, к, л, м, н IV—VIII о, н, VI—VIII р. Площадь этого скопления в исследованных границах 9×7 м. В пределах этого скопления были прослежены участки, интенсивно насыщенные кремневыми изделиями (например, в северо-западном углу раскопа 1960 г.), где наблюдалось по 200—300 экз. изделий на 1 м<sup>2</sup> площади, и участки со слабым насыщением, имеющие в основном углистые пятна, кухонные остатки и крупные кости мамонта.

Крупные кости мамонта ограничивали наиболее насыщенную часть центрального скопления. Здесь толщина линзы культурных остатков достигала 15—20 см.

Крупные кости животных (преимущественно кости мамонта) в границах центрального скопления были встречены в следующих квадратах: в кв. IX—VIII к горизонтально залегал бивень мамонта длиной в 1,5 м. Вершиной дуги бивень был ориентирован на юг. В кв. VII м горизонтально была расположена челюсть мамонта, зубами ориентированная вверх; в кв. VIII м — н находилась верхняя часть черепной крышки мамонта и часть лопатки; в кв. VIII—VII н — о был найден обломок черепа мамонта, лопатка мамонта (она перекрывала бедренную кость, таз, вторую и третью бедренную кость, плечевую кость, лежавшую под тазовой костью). В кв. VIII о — п находился бивень мамонта длиной в 1,6 м; в кв. VIII р лежала лопатка, в кв. VI—V е наблюдался бивень, тазовая кость; в кв. IV м — н, III м находились обломки двух тазовых костей, обломки двух лопаток, берцовая кость. В кв. V—IV л залегали бивень, обломок тазовой кости, две кости конечностей и лопатка небольшого мамонта. В кв. IV—III з горизонтально лежала крупная тазовая кость мамонта; в кв. I з находилась еще одна тазовая кость; в кв. VI а — и находились тазовая кость и лопатка, которые перекрывали верхнюю часть черепа мамонта с остатками зубов. В кв. VI з горизонтально залегала трубчатая кость длиной в 80 см; в кв. VII з была расположена еще одна такая же кость длиной 90 см; в кв. VII—VI ж горизонтально залегали верхние части черепных крышек; в кв. VIII—VII ж находились обломок кости конечности длиной 65 см, тазовая кость и лопатка мамонта и кости конечности носорога; в кв. VIII е были обнаружены череп мамонта, бивень длиной в 1,5 м (толщина бивня 12 см), вершиной дуги

\* Поселение одиннадцатого слоя на стоянке Молодова V было изучено на площади около 256 м<sup>2</sup>.

## ПОСЕЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА V

Остатки поселения одиннадцатого культурного слоя стоянки Молодова V были зафиксированы в прослое светло-желтых суглинков на глубине 9,5—9,65 м от уровня поверхности в северо-западном углу раскопа 1960 г. От уровня залегания сажистого прослоя этот культурный слой наблюдался на глубине 0,8—0,95 м. Уровень залегания культурных остатков соответственно рельефу снижался в северном и северо-восточном направлениях и повышался в сторону высокого берега Днестра в северо-западном направлении. Одиннадцатый культурный слой отделялся от нижележащего слоя 12 *a* стерильной прослойкой суглинка толщиной в 20 см.

На исследованной части поселения одиннадцатого слоя наблюдалась сложная картина в расположении культурных остатков \*. Так, с одной стороны, здесь было обнаружено интенсивное центральное скопление культурных остатков и менее интенсивное юго-восточное, а, с другой стороны, в северо-западной, южной, юго-западной и северо-восточной частях участка были обнаружены участки без культурных остатков или же с небольшим количеством отдельных предметов (рис. 55).

Центральное скопление культурных остатков, имеющее овальную форму, находится в кв. XI—VI ж, XI—IV з, и, к, л, м, и IV—VIII о, н, VI—VIII р. Площадь этого скопления в исследованных границах 9×7 м. В пределах этого скопления были прослежены участки, интенсивно насыщенные кремневыми изделиями (например, в северо-западном углу раскопа 1960 г.), где наблюдалось по 200—300 экз. изделий на 1 м<sup>2</sup> площади, и участки со слабым насыщением, имеющие в основном углистые пятна, кухонные остатки и крупные кости мамонта.

Крупные кости мамонта ограничивали наиболее насыщенную часть центрального скопления. Здесь толщина линзы культурных остатков достигала 15—20 см.

Крупные кости животных (преимущественно кости мамонта) в границах центрального скопления были встречены в следующих квадратах: в кв. IX—VIII к горизонтально залегал бивень мамонта длиной в 1,5 м. Вершиной дуги бивень был ориентирован на юг. В кв. VII м горизонтально была расположена челюсть мамонта, зубами ориентированная вверх; в кв. VIII м — н находилась верхняя часть черепной крышки мамонта и часть лопатки; в кв. VIII—VII н — о был найден обломок черепа мамонта, лопатка мамонта (она перекрывала бедренную кость, таз, вторую и третью бедренную кость, плечевую кость, лежавшую под тазовой костью). В кв. VIII о — п находился бивень мамонта длиной в 1,6 м; в кв. VIII р лежала лопатка, в кв. VI—V е наблюдался бивень, тазовая кость; в кв. IV м — н, III м находились обломки двух тазовых костей, обломки двух лопаток, берцовая кость. В кв. V—IV л залегали бивень, обломок тазовой кости, две кости конечностей и лопатка небольшого мамонта. В кв. IV—III з горизонтально лежала крупная тазовая кость мамонта; в кв. I з находилась еще одна тазовая кость; в кв. VI а — и находились тазовая кость и лопатка, которые перекрывали верхнюю часть черепа мамонта с остатками зубов. В кв. VI з горизонтально залегала трубчатая кость длиной в 80 см; в кв. VII з была расположена еще одна такая же кость длиной 90 см; в кв. VII—VI ж горизонтально залегали верхние части черепных крышек; в кв. VIII—VII ж находились обломок кости конечности длиной 65 см, тазовая кость и лопатка мамонта и кости конечности носорога; в кв. VIII е были обнаружены череп мамонта, бивень длиной в 1,5 м (толщина бивня 12 см), вершиной дуги

\* Поселение одиннадцатого слоя на стоянке Молодова V было изучено на площади около 256 м<sup>2</sup>.



ориентированный к центру. В кв. IX е — ж были прослежены две кости конечностей мамонта длиной в 80 и 65 см. Второй череп мамонта находился в кв. IX з. С южной стороны череп окружался бивнем, имеющим длину 1,6 м (толщина 10 см). Верхним концом бивень был ориентирован на запад, а вершиной дуги — на юг.

Дальше в расположении крупных костей наблюдался разрыв в 3,5 м. Южнее этого разрыва кости мамонта найдены в кв. XI м (челюсть), X м (кость конечности), IX м (лопатка), IX н (обломок кости конечности). В кв. X н найдена лопатка носорога, в кв. X—IX н и XII о кости конечностей мамонта.

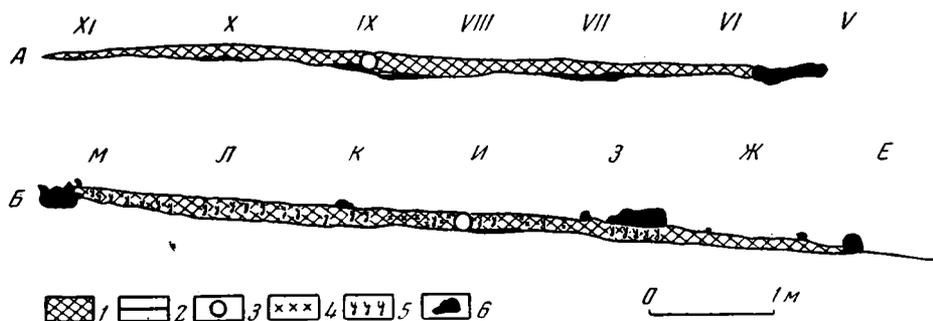


Рис. 56. Стоянка Молодова V, одиннадцатый слой

А — разрез через основание жилища в направлении с запада на восток к центру; Б — разрез через основание жилища в направлении с юга на север; 1 — заполнение линзы основания жилища; 2 — обожженный суглинок; 3 — камни; 4 — кремневые изделия; 5 — уголь; 6 — кости животных

Таким образом, по краям центрального скопления культурных остатков одиннадцатого слоя были обнаружены следующие крупные кости мамонта: 6 бивней, 11 тазовых костей, 7 черепов, 2 челюсти, 8 лопаток, 16 костей конечностей. Кроме того, найдены кости конечностей и лопатка носорога. Всего здесь было обнаружено 52 крупные кости.

В границах центрального скопления были также обнаружены остатки нескольких кострищ. Остатки кострища находились в кв. V—IV о, где очажное пятно имело округлую форму с диаметром в 60 см. В границах очажного пятна наблюдались мелкие кусочки древесного угля, зольная почва. Вокруг залегали кремневые изделия и обломки костей.

Следы плохо сохранившихся очажных пятен в виде мелких вкраплений древесного угля, смешанных с кремневыми изделиями и мелкими обломками косточек, были обнаружены в кв. VII—VI—VIII к, VIII е — ж, X—XI ж — з.

Лучше сохранились остатки кострища овальной формы, открытые в кв. X—XI и. Это очажное пятно имело размеры 70 × 29 см. Оно было вытянуто с запада на восток. Вокруг очажного пятна было встречено много кремневых изделий, в 60 см южнее кострища находился зуб мамонта.

Кроме остатков кострищ, на площади центрального скопления были встречены кремневые изделия, нуклеусы, отщепы, пластины, орудия труда, кухонные остатки, камни. Особенно много материалов находилось в северо-западной части скопления.

Учитывая значительное сходство площади центрального скопления культурных остатков одиннадцатого слоя стоянки Молодова V с остатками постоянного жилища четвертого слоя стоянки Молодова I, имеется основание рассматривать центральное скопление в качестве остатков долговременного жилища мустьерского времени (рис. 56—59).



Рис. 57. Стоянка Молодова V. Фотография расположения культурных остатков одиннадцатого слоя. Раскопки 1960 г.



Рис. 58. Стоянка Молодова V. Фотография участка раскопок 1962 г. Одиннадцатый слой.



Рис. 59. Стоянка Молодова V. Фотография расположения культурных остатков одиннадцатого слоя на участке раскопа 1962 г.

Остатки долговременного жилища одиннадцатого слоя имели некоторые отличия от жилища четвертого слоя Молодова I. Хотя крупные кости животных и были использованы для сооружения основания стен, но здесь в северо-западной части имеется значительный промежуток между ними шириной в 3,5 м. что не наблюдалось в четвертом слое Молодова I, где промежутки между костями были небольшими.

Этот промежуток между костями в одиннадцатом слое стоянки Молодова V можно рассматривать в качестве входа в жилище, закрывавшегося шкурами животных. о чем можно судить по этнографическим данным.

Характер расположения бивней мамонта, обнаруженных на площади центрального скопления. позволяет предположить, что они со всех сторон перекрывали центральную часть сооружения для жилья, каркас которого состоял, очевидно, из жердей. Бивнями могли придавливать шкуры животных, покрывавшие каркас.

Площадь другого, юго-восточного, скопления имела размеры около 35 м<sup>2</sup> (7 × 5 м). Это скопление было менее богато культурными остатками, чем центральное. Юго-восточное скопление наблюдалось в кв. 1—2 о — н — п — р — с — т — у. Здесь найдены нижняя челюсть мамонта, три бивня, кости конечностей, обломки ребер, позвонки, несколько лопаток. Возле них прослеживалось небольшое количество мелких обломков костей и кремневых изделий.

Вне участков с описанными скоплениями на остальных квадратах исследованной площади поселения одиннадцатого слоя наблюдались лишь отдельные предметы, многие квадраты вообще были лишены культурных остатков.

Среди участков с небольшим количеством материалов отметим северо-восточную часть раскопа, где были прослежены остатки небольшого кострища. Очажное пятно овальной формы, размерами 40 × 25 см, было открыто в кв. XIV—XIII з. Толщина углистой линзы кострища около 3 см. Кострище со всех сторон окружалось обломками костей и кремневыми изделиями. Подобная неравномерность в расположении остатков наблюдалась также в четвертом слое Молодова I, где мустьерское поселение было изучено на значительно большей площади. Та же примерно картина наблюдалась на исследованной мустьерской стоянке открытого типа у Волгограда, хотя там С. Н. Замятниным была прослежена значительно менее сложная картина в расположении культурных остатков.

Результаты исследования поселений Молодова I и Молодова V дают представление о сложном характере мустьерских поселений открытого типа. Поселения состояли из центральных участков с остатками долговременных жилищ, мест со следами менее продолжительного пребывания и участков периферийного характера.

На изученной части поселения одиннадцатого слоя было обнаружено значительное количество кремневых изделий (6047 экз.), состоящих из 168 нуклеусов, 3700 отщепов, 1184 пластин, отбросов производства и 79 орудий (рис. 60—63).

Обитателями поселения одиннадцатого слоя для изготовления орудий применялось то же сырье, что и в четвертом слое Молодова I: серый, светло-коричневый и темный меловой и галечный кремль, а также кремнистый песчаник и яшма. Большинство кремневых изделий без патины.

Среди нуклеусов одиннадцатого слоя выделяются следующие формы: одноплощадочные (62 экз.), двуплощадочные (46 экз.), дисковидные (34 экз.), треугольные (6 экз.), подпризматические (3 экз.) и аморфные 16 (экз.). Среди них преобладают одноплощадочные. Размеры одноплощадочных нуклеусов от 25 до 90 мм.

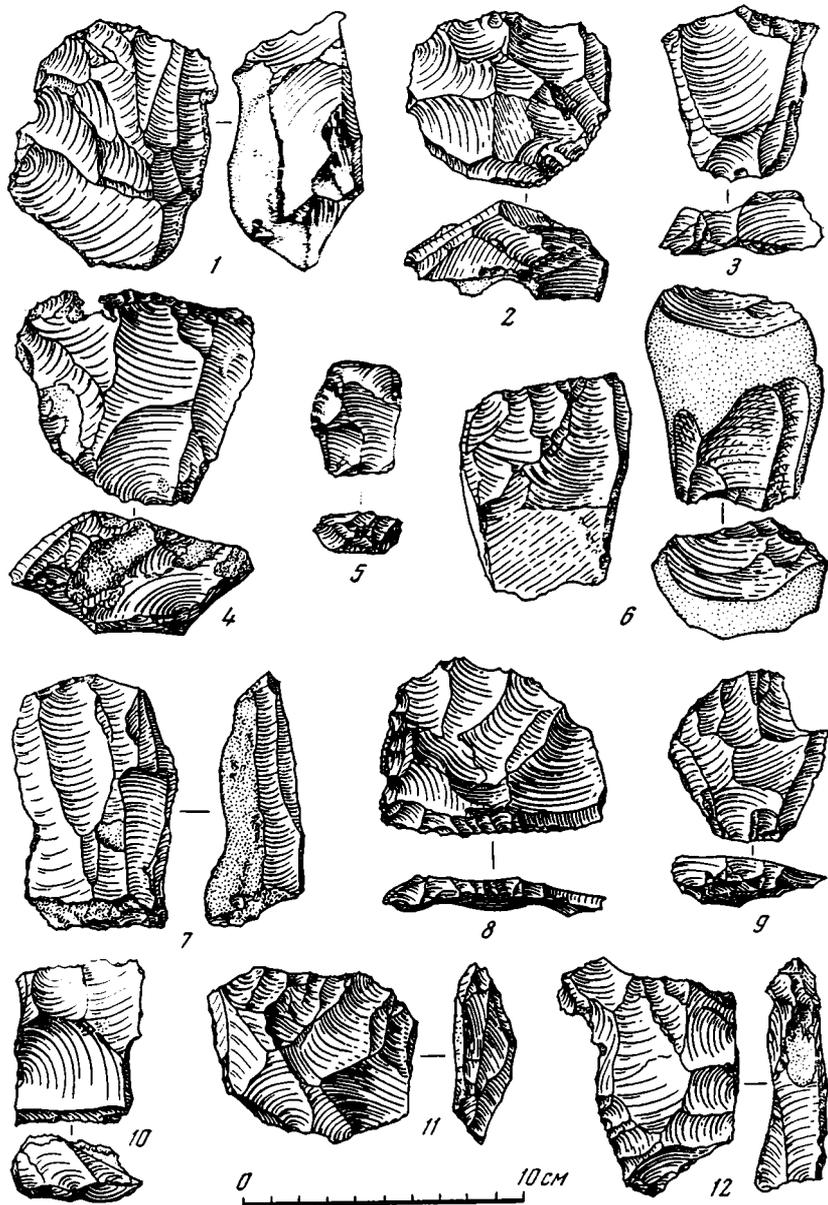


Рис. 60. Нуклеусы одиннадцатого слоя стоянки Молодова V. Раскопки 1962 г.

В свою очередь одноплощадочные нуклеусы разделяются на овальные, квадратные, удлинённые. Некоторые одноплощадочные нуклеусы были подготовлены для скалывания лишь одного отщепа. По форме они напоминают черепахообразные нуклеусы. Характерной чертой одноплощадочных нуклеусов является скалывание отщепов с одной ударной площадкой в направлении к нижнему концу. С удлинённых одноплощадочных нуклеусов можно было скалывать пластинчатые отщепы и пластины.

Среди одноплощадочных нуклеусов опишем нуклеус № 483 размера-ми  $60 \times 58 \times 25$  мм, относящийся к нуклеусам, близким к квадратной форме. Широкая ударная площадка, которая наблюдается на одном

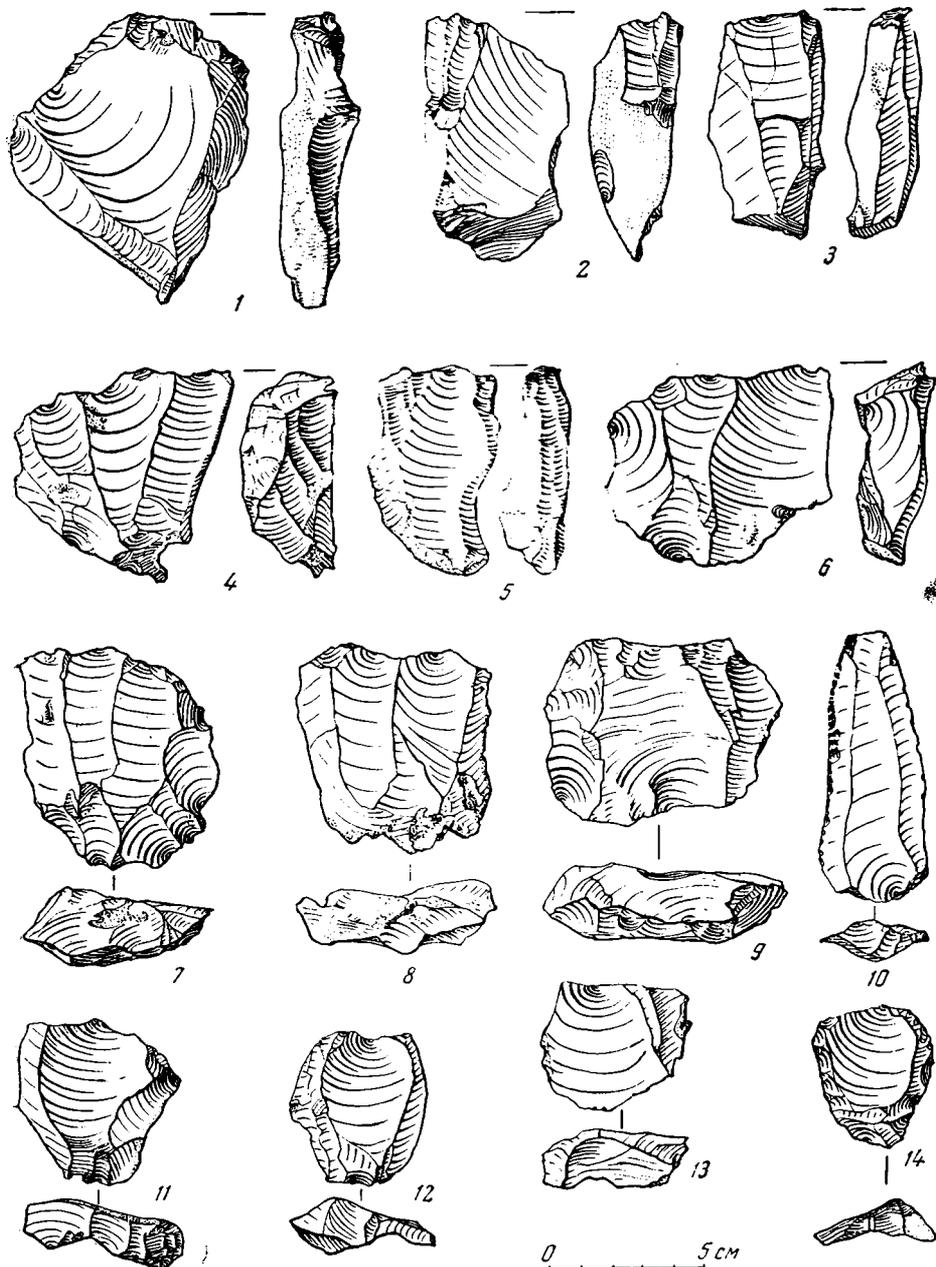


Рис. 61. Кремневые изделия одиннадцатого слоя мустье стоянки Молодова V  
1— 9, 11—14 — нуклеусы; 10— ножевидное орудие

из концов, была образована серия сколов, направленных поперечно по отношению к оси нуклеусов. С этой ударной площадкой под острым углом было сбито два отщепы, так как на поверхности наблюдаются негативы от двух сколов. На противоположной стороне этого массивного, плоского в сечении нуклеуса сохранилась корка. Одноплощадочные нуклеусы одиннадцатого слоя аналогичны одноплощадочным нуклеусам четвертого слоя Молодовы I.

Следующей группой нуклеусов являются двухплощадочные. Их раз-

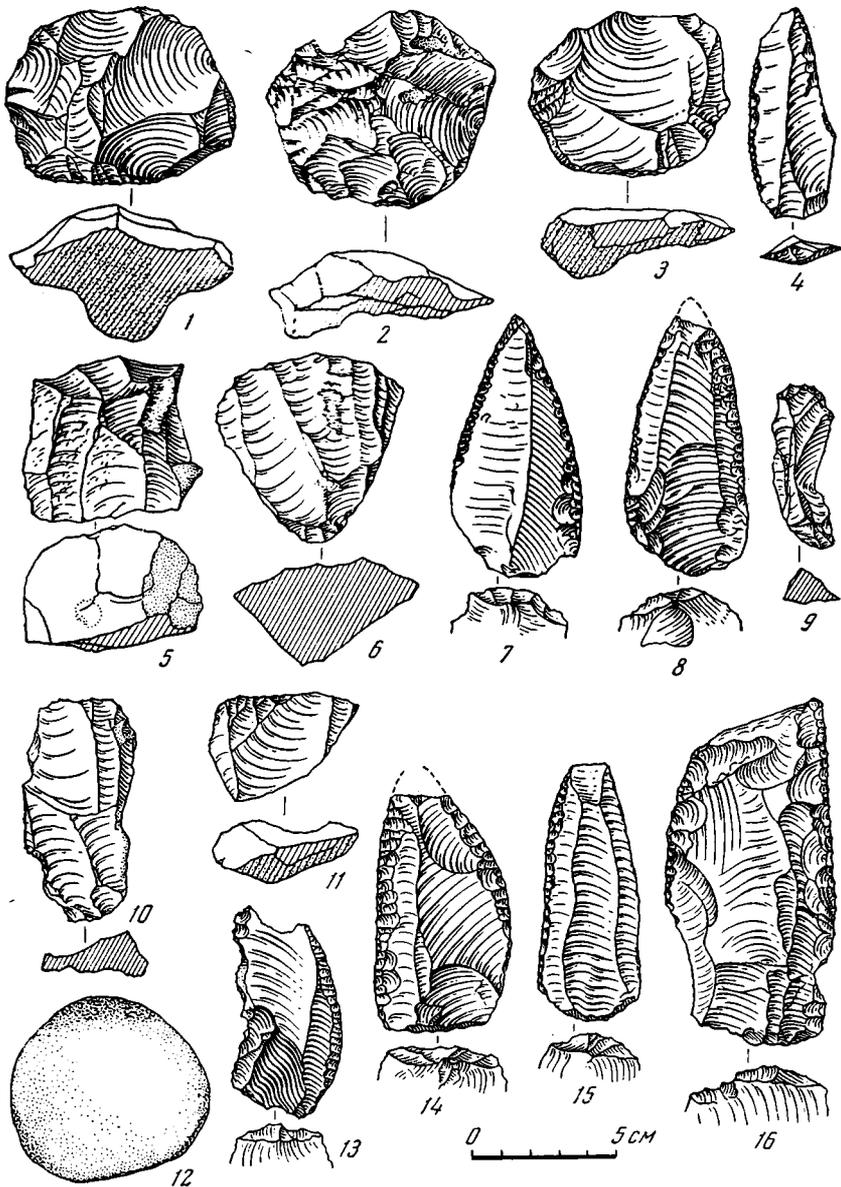


Рис. 62. Изделия одиннадцатого слоя мустье стоянки Молодова V

1 — 3, 5, 6, 10, 11 — нуклеусы; 4, 15 — ножевидные орудия; 7, 8, 14 — остроконечники; 9 — скребкообразное орудие; 12 — отбойник; 13, 16 — скребла

меры от 32 до 75 мм. Как и одноплощадочные нуклеусы, они были прослежены в нескольких вариантах: поперечные, продольные, овальные, квадратные и даже кубообразные. Большинство двуплощадочных нуклеусов плоские в сечении. Продольные двуплощадочные нуклеусы давали возможность скалывать пластины.

Среди двуплощадочных нуклеусов опишем поперечный нуклеус из кв. VIII м, имеющий размеры  $67 \times 58 \times 20$  мм. Одна ударная площадка сформирована несколькими сколами на одном конце нуклеуса, другая на втором. С этих ударных площадок на одной стороне нуклеуса скалывались пластинчатые и другие отщепы.

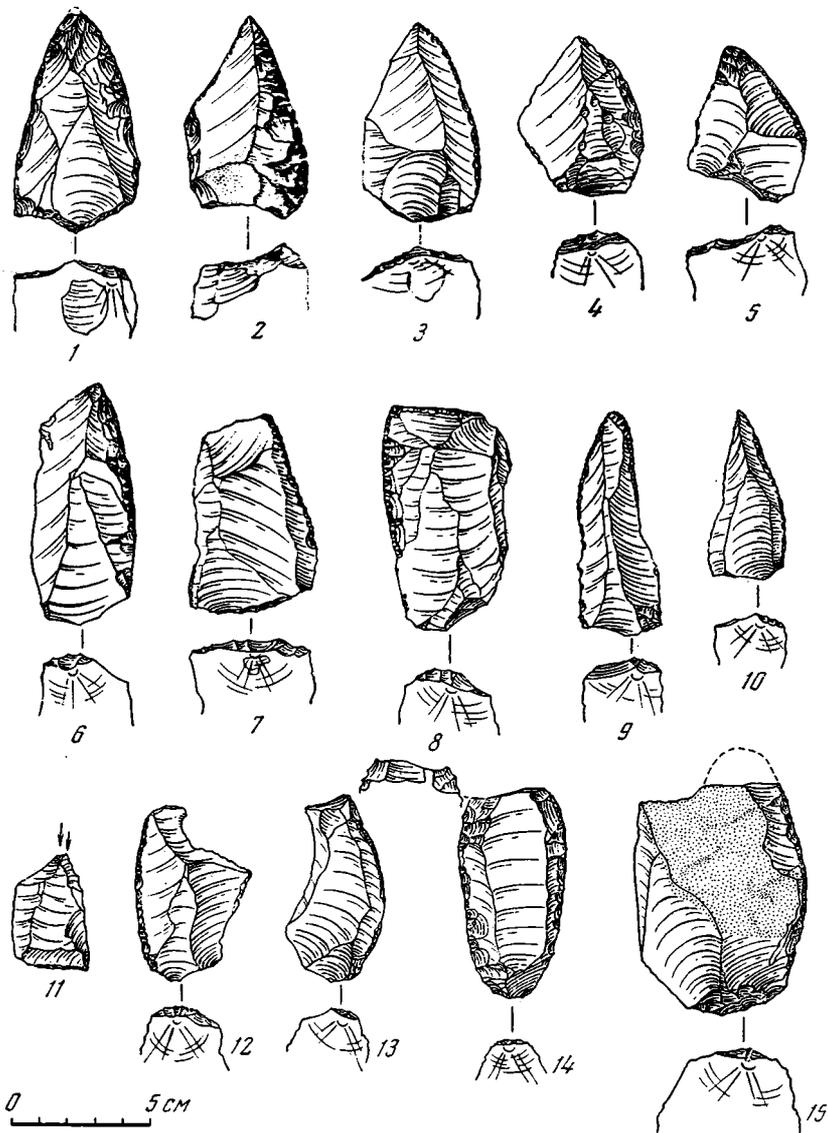


Рис. 63. Стоянка Молодова V. Раскопки 1962 г. Кремневые изделия одиннадцатого слоя

1 — 3, 5, 9 — остроконечники; 4, 6, 15 — скребла; 11 — резец; 7, 8, 10, 12, 13, 14 — ножевидные орудия

Следующей группой нуклеусов являются дисковидные. Размеры их от 36 до 80 мм. Среди тринадцати дискообразных нуклеусов два являются двусторонними. Скалывание отщепов с них производилось с двух сторон. С односторонних дисковидных нуклеусов скалывание производилось с одной стороны, а на второй были подготовлены ударные площадки. Один дисковидный односторонний нуклеус по форме приближается к пирамиде. Такие нуклеусы мы отмечали в четвертом слое стоянки Молодова I.

Среди дисковидных нуклеусов опишем односторонний нуклеус из светло-коричневого кремня размерами  $50 \times 54 \times 10$  мм, найденный в

кв. III к. По краям этого нуклеуса с одной стороны наблюдаются ударные площадки и остатки корки на остальной поверхности. На второй стороне прослеживаются негативы от серии сколов, ориентированных от краев к центру.

Следующей группой нуклеусов одиннадцатого слоя являются треугольные. Размеры их от 50 до 92 мм. У этих нуклеусов отщепы скальвались от нескольких ударных площадок, расположенных в виде ступенек на верхнем конце, более широко по сравнению с нижним концом. На некоторых треугольных нуклеусах наблюдаются следы от скальвания одного отщепа, а на большинстве — следы от нескольких сколов. Этот вариант треугольных нуклеусов по форме напоминает веер: отщепы скальвались с широкого верхнего конца в направлении к нижнему концу, более узкому. Большинство треугольных нуклеусов плоские в разрезе.

Одним из характерных является треугольный нуклеус из квадрата III к, имеющий размеры  $94 \times 70 \times 20$  мм. Ударная площадка на широком верхнем крае сформирована серией сколов, направленных поперечно по отношению к оси нуклеуса. С этой широкой стороны в направлении к сужающемуся нижнему концу был сколот удлиненный отщеп овальной формы и массивный широкий треугольный отщеп (ширина негатива скола 55 мм). Нуклеус плоский в сечении, на противоположной стороне его сохранилась известковая корка. Три нуклеуса составляют группу подпризматических; размеры их от 65 до 75 мм. Все они двуплощадочные, два из них плоские удлиненные, а третий — массивный кубообразный.

Среди нуклеусов одиннадцатого слоя выделяется группа аморфных, отмеченная и в четвертом слое Молодова I.

Следует указать, что в одиннадцатом слое, как и в четвертом слое стоянки Молодова I, между описанными группами нуклеусов наблюдались переходные формы.

Нуклеусы одиннадцатого слоя аналогичны нуклеусам четвертого слоя стоянки Молодова I, а также стоянок Бахчисарайской, Староселье, Морго, Лысой горы, Ахабьюка, Ахштырской пещеры, Ильской, Шайтан-Коба, Джрабер VII\*.

Нуклеусы одиннадцатого слоя были предназначены для скальвания широких отщепов, пластинчатых отщепов и пластин. Ряд нуклеусов имеет подправку краев ударных площадок. Любопытно отметить, что сравнительно с четвертым слоем стоянки Молодова I в одиннадцатом слое увеличился процент одноплощадочных нуклеусов и уменьшилось количество дисковидных нуклеусов, что, на наш взгляд, является определенным хронологическим показателем. Последнее подтверждается также более высоким стратиграфическим положением культурных остатков одиннадцатого слоя по сравнению с четвертым Молодова I, учитывая уровень залегания по отношению к сажистому прослою.

Как и в четвертом слое стоянки Молодова I, в одиннадцатом слое наиболее многочисленной категорией кремневых изделий являются отщепы. Собранные здесь отщепы по своей форме соответствуют типам прослеженных здесь нуклеусов. Это заключение вытекает на основании изучения их формы, характера огранения спинок и особенностей ударных площадок.

Следует указать, что из 1706 отщепов 304 имеют подправку краев ударных площадок. Отщепы одиннадцатого слоя по форме относятся к овальным, треугольным, листообразным, квадратообразным. Форма отщепов полностью зависела от формы применяемых нуклеусов. Большин-

\* Коллекции Государственного исторического музея в Москве, Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

ство отщепов было сколото под прямым углом к ударной площадке. Отщепы, сколотые под тупым углом, были найдены лишь в нескольких экземплярах. Подобно четвертому слою стоянки Молодова I, здесь были встречены отщепы с остатками ступенчатой ударной площадки, сколотые с веерообразных треугольных нуклеусов.

По форме ограничения спиннок в одиннадцатом слое стоянки Молодова V были обнаружены следующие типы отщепов: отщепы с радиальным ограничением спиннок, сколотые с дисковидных нуклеусов; отщепы с конвергентным ограничением, сколотые с треугольных нуклеусов; отщепы с параллельным ограничением спиннок, сколотые с одноплощадочных, двухплощадочных и подпризматических нуклеусов.

Большинство отщепов одиннадцатого слоя имеет крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Среди отщепов с подправкой краев ударных площадок многие относятся к категории типа «жандармских шапок». Такие отщепы имеют округлую, выпуклую к низу центральную часть ударных площадок.

На исследованной части поселения одиннадцатого слоя были обнаружены как крупные массивные отщепы, так и мелкие отщепы типа чешуек, что свидетельствует об обработке орудий на месте.

Пластины одиннадцатого слоя либо имеют подправку края ударных площадок (219 экз.), либо обнаружены без такой подправки. По форме оба эти вида относятся к удлинненным, листообразным, овальным и прямоугольным. В одиннадцатом слое Молодова V пластин позднепалеолитического облика было обнаружено больше, чем в четвертом слое стоянки Молодова I. Процент пластин по отношению к общему количеству кремневого инвентаря здесь более высокий (20%), чем в четвертом слое стоянки Молодова I, где пластины составляли лишь 15%.

Пластины одиннадцатого слоя по своим размерам разнообразны. Здесь были обнаружены пластины длиной по 30—35 мм и пластины длиной по 100—110 мм. Спинки пластин имеют преимущественно параллельное ограничение. Здесь были найдены как пластины с двумя гранями на спинке, так и пластины с трехгранными спинками. Большая часть их имеет ударные бугорки, часто расположенные наискось по отношению к их оси. Значительное количество пластин имеют по краям следы использования в качестве орудий для резания. У ряда пластин край ударных площадок извилистый. Многие пластины достигают ширины 40—45 мм.

Кремневые орудия одиннадцатого слоя состоят из 1 рубила, 4 резцов, 1 скребкообразного орудия, 1 остря, 11 остроконечников, 9 скребел, 51 ножевидного орудия, 1 скобеля.

Рубило одиннадцатого слоя является небольшим орудием размерами 68 × 44 × 20 мм. Оно изготовлено из обломка кремневой конкреции. По форме изделие приближается к треугольным рубилам. Зигзагообразный рабочий край сформирован путем двусторонней обработки. Пятки рубила не имеет. Рабочий край орудия был приспособлен для режущих функций, а нижний острый конец можно было использовать также и в качестве ударного орудия (рис. 64).

Рубило одиннадцатого слоя стоянки Молодова V сходно с рубильцем четвертого слоя стоянки Молодова I, а также аналогично миниатюрным рубильцам из Староселья, Киик-Кобы, Чокурчи, Бахчисарайской стоянки, Кабази, Волчьего грота, Ильской и т. д. (Формозов, 1958, рис. 43, 3; рис. 44, 2; Бонч-Осмоловский, 1940; Эрнст, 1934; Бадер, 1939; Крайнов, 1947).

Группа орудий типа остроконечников состоит из изделий на удлиненных пластинах (4 экз.), отщепях (3 экз.) и сколах (1 экз.). Наиболее выразительными среди этих орудий являются следующие остроконечники. В кв. VIII л был обнаружен симметричный остроконечник на

листовидной пластине, размерами  $90 \times 42,9$  мм. Край ударной площадки этого изделия подправлен ретушью, на брюшке наблюдается крупный ударный бугорок с изъятиями. Рабочий край образован ретушью, нанесенной на двух краях: ретушь на правом крае является более крутой, чем на левом.

Следующим интересным остроконечником является изделие на пластине размерами  $90 \times 35 \times 7$  мм ( кв. X е). Это остроконечник изготовлен из темного кремня с белыми точками. На брюшке прослеживается крупный ударный бугорок, расположенный наискось по отношению к оси пластины, и следы изъятия. Этот остроконечник относится к листовидным асимметричным остроконечникам. Правый край остроконечника несколько притуплен ретушью. Это изделие (рис. 63, 2) приближается

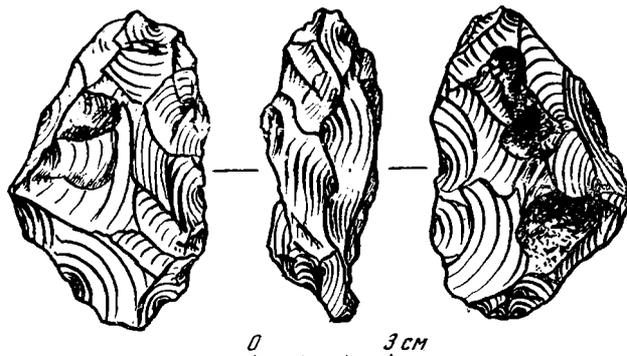


Рис. 64. Рисунок рубильца одиннадцатого слоя стоянки Молодова V

к остриям типа шательперрон. Такие остроконечники были встречены в четвертом слое Молодовы I, в Старосельской стоянке и других памятниках.

Следующий остроконечник на пластине длиной в 85 мм повторяет эту же форму, но у него сломан верхний конец.

Четвертый остроконечник на широкой пластине из темного кремня, размерами  $80 \times 46 \times 10$  мм, также имеет сломанный конец. Остроконечник асимметричный. Край ударной площадки подправлен ретушью, массивный ударный бугорок с изъятием расположен наискось по отношению к оси орудия; края этого орудия обработаны ступенчатой широкофасеточной ретушью. Правый край остроконечника более притуплен, чем левый. Это изделие также несколько напоминает орудия типа острий шательперрон.

Подобные остроконечники на пластинах были обнаружены в четвертом слое стоянки Молодова I, а также на стоянках Шайтан-Коба, Староселье, Холодная Балка, Ильская, Волгоградская, Бахчисарайская, в третьем слое Кударо I (раскопки В. П. Любина), в четвертом слое Кударо III (разведки В. П. Любина) \*.

Остроконечники на отщепе имеют несколько более мелкие размеры по сравнению с предыдущими: один из них изготовлен на треугольном отщепе длиной в 60 мм с одним отретушированным краем, а второй имеет незначительные следы ретуши на краях отщепе и следы употребления в качестве режущего орудия — заполированность рабочего края треугольного отщепе.

Среди остроконечников на отщепе прекрасным образцом орудий этого типа является орудие на широком массивном треугольном отщепе

\* Автор выражает глубокую благодарность В. П. Любину за любезное разрешение ознакомиться с неопубликованными материалами Кударо I и Кударо III.

размерами  $73 \times 47 \times 8$  мм. обнаруженное в кв. IX з. Плоской ретушью обработаны два края и вершина орудия, на вершине плоская ретушь частично заходит на спинку изделия (рис. 65, 1).

Наконец последний остроконечник является орудием на треугольном сколе с нуклеуса. Противоположные края верхней части треугольного скола обработаны ретушью. Размеры этого изделия  $65 \times 45 \times 20$  мм.

Следующей группой орудий являются скребла. Скребла изготовлены как на отщепе, так и на пластинках. К скреблам с дугообразным рабочим краем относятся два орудия. Первое из них изготовлено на отщепе размерами  $76 \times 52 \times 8$  мм. Ударный бугорок на брюшке сбит. Второе скребло с дугообразным рабочим краем является орудием на пластине размерами  $72 \times 34 \times 7$  мм.

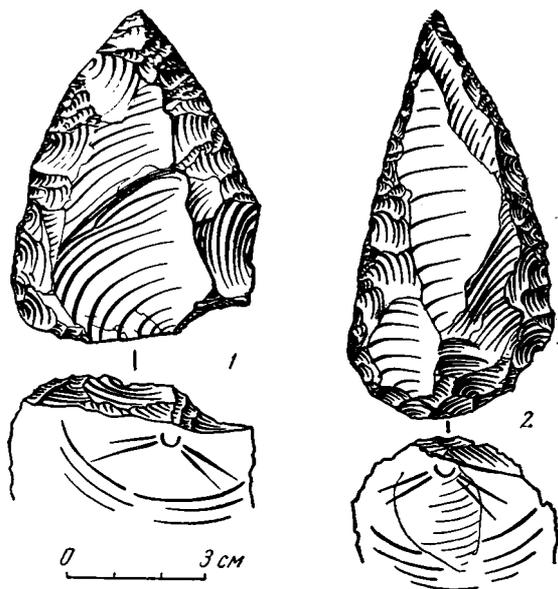


Рис. 65 Одиннадцатый слой стоянки Молодова V. Остроконечники

Скребла с прямым рабочим краем более крупные. Так, первое среди этих орудий является орудием на массивной широкой пластине размерами  $110 \times 58 \times 16$  мм. Рабочий край образован ступенчатой ретушью. Второе скребло изготовлено на отщепе, имеющем размеры  $120 \times 80 \times 23$  мм. Рабочим является один край, подправленный ретушью.

Скребла с прямым рабочим краем часто встречаются среди материалов памятников мустьерского времени. Мы их отмечали среди инвентаря четвертого мустьерского слоя стоянки Молодова I, они были обнаружены также на Старосельской стоянке, в Шайтан-Коба, в Бахчисарайской стоянке, в Ильской стоянке и в ряде других стоянок Европы.

Как и в четвертом слое стоянки Молодова I, в одиннадцатом слое стоянки Молодова V наиболее многочисленной группой являются ножевидные орудия. Они состоят из 18 орудий на пластинках и 8 орудий на отщепе. Длина ножевидных орудий от 45 до 111 мм. Из 26 ножевидных орудий 12 имеют ретушь по краям, а на остальных наблюдаются следы от утилизации (мелкая ретушь от употребления, выщербины по краю). Один отщеп имеет на конце следы заполированности.

Среди орудий позднепалеолитических типов отметим: острие на пластине длиной в 74 мм, мало выразительное орудие типа скребла на конце ребристого скола длиной 60 мм, угловой резец на пластине длиной в 72 мм, атипичный срединный резец на массивной пластине и атипичный срединный резец на трехгранном массивном сколе (рис. 66, 9—10).

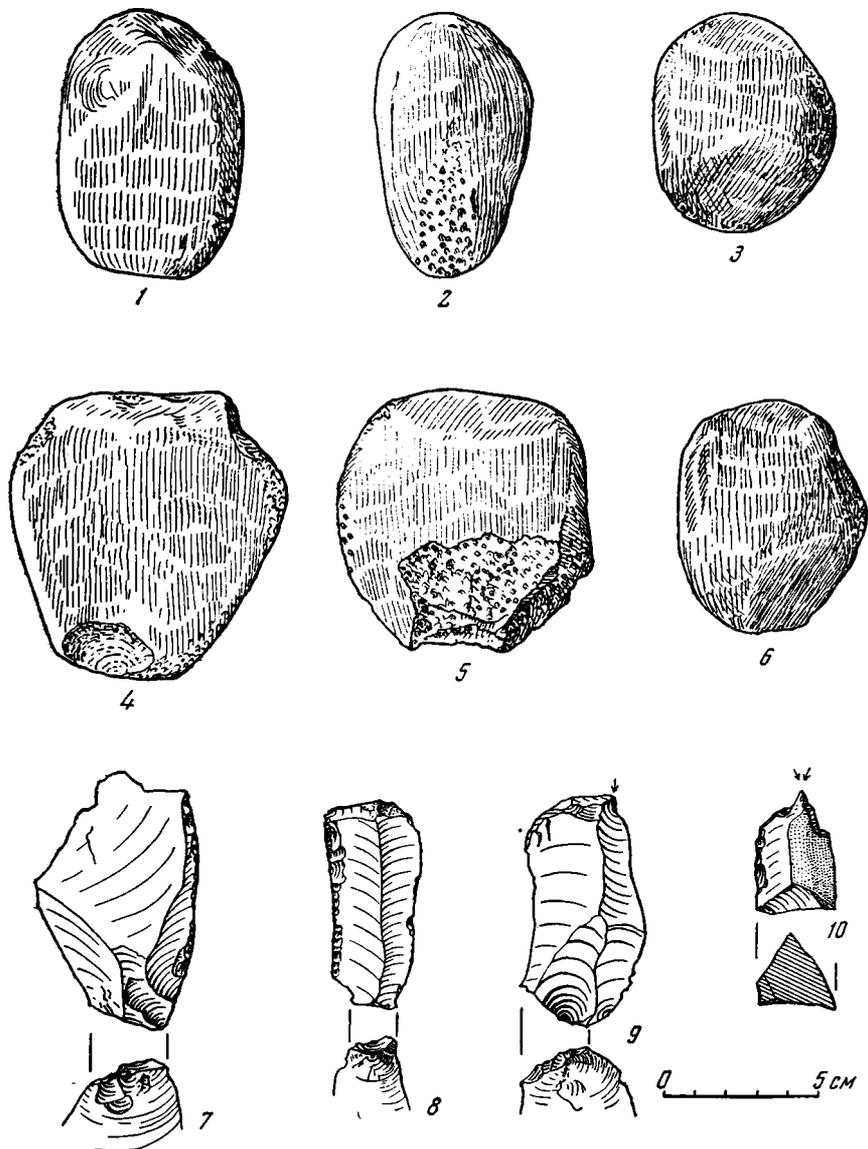


Рис. 66. Изделия одиннадцатого слоя стоянки Молодова V  
1 — 6 — терки, песты и отбойники; 7 — скребло; 8 — ножевидное орудие; 9 — 10 — резцы

Отдельные орудия позднепалеолитических типов, как известно, встречаются среди материалов мустьерских стоянок. Так, острия были встречены в Молодове I, Бахчисарайской стоянке, в нижнем слое Ахштырской стоянки; скребки были обнаружены в четвертом слое Молодова I, в Ильской стоянке, Староселье, Волчьем гроте, Шайтан-Коба, Бахчисарайской стоянке, а резцы известны среди материалов большинства мустьерских стоянок.

В данном случае мы естественно указываем лишь наиболее близкие к Днестру мустьерские стоянки Европейской части Советского Союза, но позднепалеолитические типы орудий были встречены и на стоянках мустьерского времени других территорий.

Кроме кремневых изделий, на поселении одиннадцатого слоя стоянки Молодова V были обнаружены также орудия из менее твердых пород (рис. 66, 1—6).

Здесь было встречено 15 округлых, треугольных и овальных галек песчаника и известняка и 5 обломков таких галек. Размеры этих предметов от 70 до 90 мм. 11 галек имеют следы их использования в качестве терок, пестов, отбойников. с чем свидетельствуют их стертые грани или участки со следами многочисленных ударов.

Одним из наиболее выразительных отбойников является галька песчаника размерами  $90 \times 80 \times 40$  мм. На этом орудии на трех концах гальки наблюдаются следы многочисленных ударов. Особенно много таких точек-звездочек от ударов на вершине этой треугольной гальки.

Следующим отбойником является овальная галька песчаника размерами  $85 \times 80 \times 45$  мм. Нижний конец гальки, бывший рабочим концом, уплощен. С двух сторон на этом конце наблюдаются следы крупных сколов, являющихся результатами нанесения этим отбойником сильных ударов. Орудия типа отбойников из галек, кроме обработки кремня, могли также употребляться для раскалывания костей.

Помимо орудий, на изученной площади поселения одиннадцатого слоя были обнаружены остатки угля пихты (определение Г. В. Козия) и остатки фауны.

По определению З. А. Вангенгейм (1958 г.), В. И. Громова (1960 г.) и Л. И. Алексеевой (1962 г.) \* фауна одиннадцатого слоя стоянки Молодова V состоит из таких видов животных: *Mammuthus primigenius* Blum., *Ursus arctos* L., *Felis spelaea* L., *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach).

Здесь так же, как и на стоянке Молодова I, были обнаружены остатки *Dicrostonyx torquatus* Pall. и сопутствующей ему фауны мелких грызунов (определение В. И. Громова).

Среди палеонтологических остатков резко преобладали кости мамонта, который являлся главным видом охотничьей добычи обитателей поселения одиннадцатого слоя стоянки. Остатки других видов были единичными.

При характеристике кремневых изделий одиннадцатого слоя Молодова V мы отмечали сходство его материалов с материалами четвертого слоя стоянки Молодова I, а также с материалами таких позднемустьерских стоянок, как Ильская, Староселье, Бахчисарайская, Шайтан-Коба, Чокурча и т. д.

Это позволяет утверждать, что поселение охотников на мамонтов, изученное на стоянке Молодова V, является позднемустьерским. Однако несколько более высокое стратиграфическое расположение одиннадцатого слоя по отношению к уровню залегания сажистого прослоя и несколько большее количество пластин по сравнению с инвентарем четвертого слоя Молодова I, позволяют считать позднемустьерское поселение одиннадцатого слоя несколько более поздним, чем четвертый слой Молодова I. Окончательно этот вывод могут подтвердить данные анализа угля по  $C^{14}$ .

Поселение одиннадцатого слоя является более древним и по отношению к таким позднемустьерским стоянкам, как Ильская, Бахчисарайская, Староселье, поскольку в нем не были обнаружены наконечники копий с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Такие наконечники среди материалов одиннадцатого слоя Молодова V отсутствуют. Следовательно, в группе позднемустьерских памятников Европейской части СССР поселение одиннадцатого слоя стоянки Молодова V занимает хронологически промежуточное место между памятниками четвертого слоя стоянки Молодова I и стоянками типа Староселье-Ильская, хронологически замыкающими мустьерское время.

\* Определение фауны в 1960 г. В. И. Громов производил на месте раскопок. В это время на всей площади раскопа были расчищены культурные остатки одиннадцатого слоя. Л. И. Алексеева также определяла фауну на месте раскопок в 1962 г.

МУСТЬЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГОРИЗОНТА 11 б  
СТОЯНКИ МОЛОДОВА V

Следующее поселение мустьерского времени на стоянке Молодова V было прослежено в первой от сажистого прослоя полосе серых суглинков. Этот горизонт условно был обозначен как горизонт 11 б. По геологическим условиям залегания он соответствовал первому слою мустье стоянки Молодова I. Горизонт 11 б наблюдался на глубине 9,3—9,5 м от поверхности по уровню залегания в юго-западной части раскопа 1962 г.

На исследованной площади в горизонте 11 б культурные остатки концентрировались преимущественно в северо-восточной части в виде отдельных находок кремневых изделий и остатков фауны. Кремневый

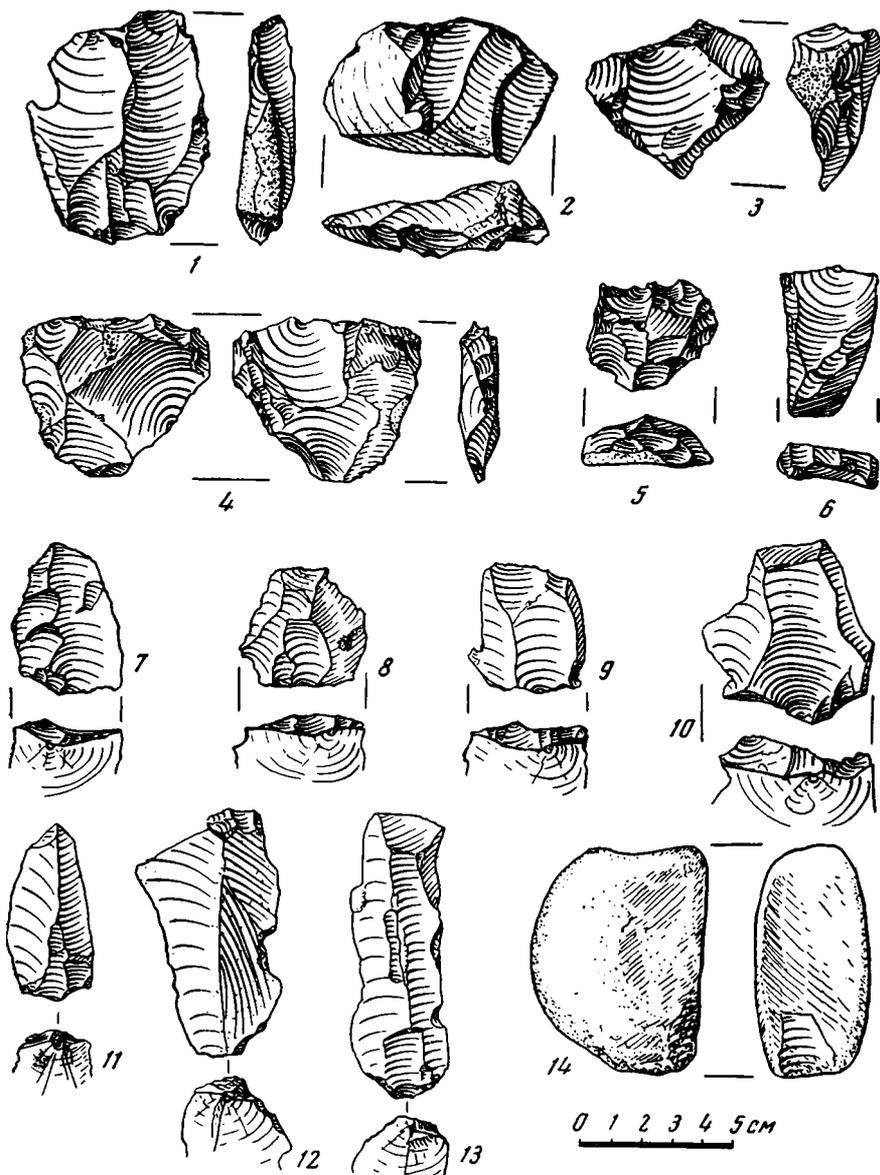


Рис. 67. Стоянка Молодова V. Раскопки 1962 г. Изделия горизонта 11 б  
1 — 6 — нуклеусы; 7 — 10 — отщепы; 11 — 13 — пластины; 14 — отбойник

инвентарь этого горизонта состоит из 9 нуклеусов, 28 пластин и отбросов производства. Для обработки применялся тот же кремний, что и в предшествующем слое (рис. 67).

Обнаруженные здесь нуклеусы имеют размеры от 35 до 75 мм и по форме относятся к одноплощадочным (3 экз.), двуплощадочным (2 экз.) и аморфным (4 экз.). Многие нуклеусы плоские в разрезе. Отщепы горизонта 11 б по форме относятся к треугольным и овальным. Они имеют крупные ударные бугорки, которые обычно расположены наискось по отношению к оси отщепов. Спинки отщепов имеют радиальное или конвергентное очертание. 23% отщепов имеют подправку краев ударных площадок. Некоторые отщепы относятся к отщепам типа «жандармских шапок».

Пластины горизонта 11 б имеют размеры от 22 до 95 мм. Спинки пластин преимущественно двугранные, на брюшке обычно наблюдаются крупные ударные бугорки, которые на многих пластинах расположены наискось по отношению к оси. Некоторые пластины имеют подправку краев ударных площадок.

Кроме кремневых изделий, на исследованной площади поселения горизонта 11 б была обнаружена галька девонского песчаника со следами употребления в качестве терки.

Фаунистические находки горизонта 11 б состоят из остатков костей мамонта, пещерного льва и обыкновенной полевки (определение Л. И. Алексеевой). Полевка была обнаружена при промывке образцов породы.

Собранные в горизонте 11 б материалы также позволяют считать это поселение позднемустьерским. Характер расположения культурных остатков на исследованной площади позволяет сделать вывод, что изученный участок является периферийной частью мустьерского поселения, которое распространяется в северном направлении. Горизонт 11 б перекрывает остатки поселения одиннадцатого слоя. Это дает основание для заключения, что горизонт 11 б также является позднемустьерским.

### ВЫХВАТИНСКИЙ НАВЕС

Следующим среднепалеолитическим памятником Приднестровья, где были осуществлены раскопки, является навес в овраге Рипа Мафтея у с. Выхватинцы Рыбницкого р-на Молдавской ССР, на левом берегу Днестра.

Выхватинский навес расположен на правом склоне оврага Рипа Мафтея, прорезающем площадку третьей надпойменной террасы Днестра. Цоколь этой террасы в данном районе образуют сарматские известняки.

Честь открытия культурных остатков в Выхватинском навесе принадлежит жителю с. Выхватинцы А. Г. Кутасевичу, который еще в 1901 г. обнаружил здесь кости ископаемых животных и сообщил о находках в Российскую Академию наук. Это сообщение осталось без внимания. И лишь в 1946 г. здесь были произведены исследования археологической экспедицией Кишиневского республиканского краеведческого музея, работавшей под руководством Г. П. Сергеева (Сергеев, 1950, стр. 202—212).

Несколько позднее (осенью 1946 г.) автор настоящей работы по поручению Молдавского филиала АН СССР совместно с Г. П. Сергеевым провел работы по консервации Выхватинского навеса. В 1947 г. в районе навеса М. В. Воеводский сделал ряд зачисток, но не обнаружил палеолитических культурных остатков. В последующие годы (1948, 1952, 1959) автор неоднократно производил разведки в этом районе. Занимались его исследованием и другие археологи (П. И. Борисковский и Н. А. Кетрару в 1961 г.). Навес посещали также геологи (И. К. Иванова, А. И. Имше-

нецкий, Н. А. Константинова, К. В. Никифорова, А. И. Москвитин). Наибольший интерес представляют работы Г. П. Сергеева.

До 1946 г. находки костей в Выхватинском навесе наблюдались на площади длиной около 15 м. Больше всего их было обнаружено под скалистым навесом (ширина 3 м, длина 4 м, высота возле входа 2 м, высота в глубине 60 см). Расстояние между плитами известняка было заполнено илистой почвой болотного происхождения (определение кишиневского геолога Ф. Поручика, 1946 г.). Мощность слоя с остатками костей и кремневыми изделиями составляла около 40 см. В нижней части этого слоя наблюдалась почва серого цвета с раковинами наземных моллюсков из рода *Helix*. Недалеко от скалистого навеса, образованного отложениями известняка, залегали две плиты размерами  $1,2 \times 2$  и  $1,4 \times 1,3$  м.

Проведенные в 1946 г. Г. П. Сергеевым раскопки охватили площадь около 17 м. Под навесом было раскопано  $5 \text{ м}^2$ , а остальная площадь была исследована возле навеса. Во время раскопок были найдены лишь обломки костей и в небольшом количестве — кремневые изделия. Культурные остатки наблюдались в прослое шоколадной илистой почвы, которая, по нашим наблюдениям, иногда наполняла также тонкие узкие щели между плитами известняка в глубине навеса (ширина этих щелей 5—10 см). В этих узких щелях также встречались обломки костей животных.

Собранные здесь кремневые изделия изготовлены из мелового и галечного кремня. Коллекция Г. П. Сергеева состоит из нескольких нуклеусов, трех орудий с двусторонней обработкой типа рубил Ля Микок, орудия типа остроконечника, серии отщепов, в том числе пластинчатых (Сергеев, 1950, рис. 7, 8), а также двух односторонних уплощенных дисковидных нуклеуса со следами сколов, направленных от краев к центру.

Во время работ по консервации навеса нами были обнаружены удлиненный одноплощадочный нуклеус подпризматической формы размерами  $66 \times 36 \times 20$  мм, изготовленный из мелового кремня. Нуклеус имеет белую патину. С такого нуклеуса можно было скалывать удлиненные пластинчатые отщепы.

Отщепы из Выхватинского навеса сколоты преимущественно под прямым углом к ударным площадкам, но были также обнаружены и отщепы, сколотые под тупым углом. Ряд отщепов имеет подправку краев ударных площадок. Кремневые изделия имеют следы окатанности.

Фаунистические остатки, обнаруженные в Выхватинском навесе, по определению В. Н. Бибиковой, относятся к следующим видам: мамонт (ранняя форма, *Elephas trogontherii primigenius*), шерстистый носорог, дикая массивная лошадь, зубр, козлы (в широком понимании), гигантский олень, северный олень, пещерные медведь, гиена, лев, волк, лисица (Зубарева, 1949). Преобладают пещерный медведь и лошадь. Далее следуют — пещерная гиена, благородный олень и мамонт. Собранные под навесом фаунистические остатки имеют следы окатанности, а часть костей имеет следы зубов хищников.

По мнению Г. П. Сергеева, навес не был местом постоянной стоянки, а скорее являлся кратковременным укрытием для людей в наиболее холодную часть года (Сергеев, 1950, стр. 210). П. И. Борисковский полностью согласен с этой мыслью (Борисковский, 1953, стр. 82).

По нашему мнению, учитывая окатанность кремневых изделий и фаунистических остатков, залегание культурных остатков в илистой почве шоколадного цвета, наличие костей в узких щелях между плитами известняка во внутренней части навеса и немногочисленность кремневых изделий с вторичной обработкой в границах навеса, можно предположить, что культурные остатки переотложены с более высоких точек, возможно, с поверхности третьей террасы. Такое предположение тем

более вероятно, что на склонах террасы выше навеса и сейчас иногда наблюдаются как кремневые изделия, так и фаунистические остатки.

Фауна из Выхватинец имеет смешанный характер, свидетельствующий о степном ландшафте, перемежающемся с кустарниковыми и древесными зарослями. По мнению В. И. Бибиковой, она относится к концу межледниковья или самому началу холодного времени.

Г. П. Сергеев, базируясь на находках рубил типа Ля Микок, датировал коллекцию кремневых изделий ашельским временем (Сергеев, 1950, стр. 212). П. И. Борисковский тоже коллекцию датировал мустьерским временем (Борисковский, 1953, стр. 82), а П. П. Ефименко относил материалы из Выхватинец к заключительной фазе ашеля (Ефименко, 1953, стр. 68, 226). По мнению М. Э. Паничкиной, материалы из Выхватинец относятся к раннемустьерскому времени (Паничкина, 1950, стр. 100). В. П. Любин и А. А. Формозов материалы из Выхватинец относят к концу ашеля — началу мустьерского времени (Любин, Формозов, 1956).

По нашему мнению, датировка коллекции из Выхватинского навеса раннемустьерским временем является наиболее верной, так как она имеет выразительные мустьерские черты (дисковидные нуклеусы; отщепы, сколотые под прямым углом от ударных площадок; остроконечники; одноплощадочный нуклеус). Сравнение материалов навеса с материалами четвертого слоя мустье стоянок Молодова I и одиннадцатого слоя Молодова V свидетельствует о более раннем времени выхватинской коллекции.

### КАСПЕРОВЦЫ

Эта стоянка является одним из наиболее известных мустьерских памятников Приднестровья. Стоянка расположена у с. Касперовцы Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР. Она была открыта в конце 20-х годов нашего века львовскими геологами. Стоянка расположена в глубоком овраге, который прорезает лёссовый склон правого берега р. Серет (урочище Мандатория) (Полянський, 1929, стр. 45—53; Борисковский, 1953, стр. 65—66, рис. 18).

В 20-х годах в Касперовцах были произведены небольшие раскопки. Культурные остатки (изделия из кварцита, отдельные кремневые изделия и кости животных) были обнаружены в полосе ископаемого гумуса, которая разделяла «молодой лес I» от «молодого леса II»\*. Они частично были размыты и переотложены. Кроме каменных изделий, здесь были встречены преимущественно разбитые кости животных. Некоторые кости, на которых заметны следы ударов, возможно были использованы в качестве наковален.

Для изготовления орудий применялся преимущественно подольский кварцит из сеноманских песчаников и карпатский кварцит из галечников пятой террасы. Кремнь употреблялся галечный.

Обнаруженные в Касперовцах изделия состоят из дисковидного нуклеуса; нескольких аморфных нуклеусов; отщепов, имеющих подправку краев ударных площадок; пластин; скребел с прямым и овальным рабочим краем; сверла; двух атипичных резцов; двух скребков. Некоторые скребла имели двустороннюю обработку. Ряд отщепов имел на спинке следы от радиальных сколов, они были сколоты с дисковидных нуклеусов.

Фауна Касперовской стоянки состоит из остатков костей мамонта, шерстистого носорога, бизона, ископаемой лошади, благородного оленя и волка.

В связи с тем, что «молодой лёсс II» рядом геологов датировался временем вюрма 2, а «молодой лёсс I» — вюрмом 1, некоторыми исследователями была высказана мысль, что материалы Касперовской стоянки,

\* Терминология Зергеля, применяемая Ю. Полянским.

которые были обнаружены в толще ископаемой почвы, разделявшей указанные лёссы I и II, относятся ко времени теплого интерстадиала вюрм I — вюрм 2 (Полянский, 1929, стр. 51; Kozlowski, 1939).

На основании наличия в комплексе материалов из Касперовец удлиненных пластин и орудий позднепалеолитических типов (скребки, резцы) материалы этого памятника можно сблизить с инвентарем четвертого слоя стоянки Молодова I, одиннадцатого слоя стоянки Молодова V и материалами соответствующей группы позднемустьерских памятников, что позволяет датировать этот пункт позднемустьерским временем.

#### **ИВАНОВКА (ЯНОВ)**

Мустьерское местонахождение у с. Ивановка (Янов) Тербовлянского р-на Тернопольской обл. УССР является значительно более бедным пунктом по сравнению с предшествующим памятником.

В 1926 г. здесь, на левом берегу р. Серет, возле железнодорожного моста, на глубине 4—5 м от поверхности в верхнем или «молодом лёссе I» были обнаружены обломок длинной кости молодого мамонта и отщеп из кварцита, аналогичный грубым мустьерским отщепам. Кость мамонта была покрыта многочисленными углублениями и черточками, что свидетельствует об использовании кости в качестве наковальни (Полянский, 1929, стр. 104).

В связи с тем, что «молодой лёсс I» датировался временем вюрма I, имеются основания считать, что материалы из Ивановки геологически несколько более древние, чем материалы из Касперовцев.

#### **БУКИВНА**

Это мустьерское местонахождение также было открыто в 20-х годах. Оно расположено возле с. Букивна Городенковского р-на Ивано-Франковской обл. УССР.

Здесь в 1927 г. были собраны кремневые изделия палеолитического времени. Они залегали на поверхности гумифицированного лёсса, на лёссовом склоне. К мустьерскому времени относятся три предмета: остроконечник на отщепе из желтого кремня со сбитым ударным бугорком, нож-скребло с плоской ретушью и крупное двустороннее скребло на отщепе. Эти изделия не имели патины в отличие от собранных здесь же позднепалеолитических изделий с белой патиной (Черныш, 1954, стр. 73).

#### **БИЛЬЧЕ ЗОЛОТОЕ**

На следующем мустьерском местонахождении Приднестровья, открытом в 20-х годах львовскими геологами и находящемся у с. Бильче Золотое Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР, на поверхности высокой террасы также было собрано небольшое количество изделий, включая изделия из кварцита. Среди них найдено мустьерское скребло с белой патиной. Это скребло аналогично скреблам из Касперовец (Черныш, 1954, стр. 73).

#### **ПЕЧОРНА**

Этот пункт являлся пятым местонахождением мустьерского времени, открытым в 20-х годах львовскими геологами.

Здесь в окрестностях с. Печорна Борщевского р-на Тернопольской обл. УССР в стенке оврага между Залещиками и Печорной, на поверхности были обнаружены патинизированные изделия из кварцита со следами мустьерской техники обработки. Эти изделия также аналогичны изделиям из Касперовец (Черныш, 1954, стр. 74).

## ХОТИН

Мустьерское местонахождение у г. Хотин Черновицкой обл. было открыто П. И. Борисковским в 1946 г.

Как указывает П. И. Борисковский, в 500 м выше Хотинской крепости на бичевнике правого берега Днестра на площади около 15 000 м<sup>2</sup> (300 × 50 м) было собрано двадцать кремневых изделий (Борисковский, 1949, стр. 112; 1953, стр. 63—64). Эти находки состоят из 6 нуклеусов и 14 отщепов.

Согласно данным, опубликованным П. И. Борисковским, нуклеусы хотинского местонахождения плоские дисковидные, с ударными площадками, обработанными несколькими склонами. Они напоминают мустьерские типы. Опубликованные рисунки двух нуклеусов свидетельствуют о мустьерском времени этих изделий (Борисковский, 1953, стр. 64). Собранные здесь отщепы, по мнению П. И. Борисковского, имеют такие же архаические клетонские черты, как и отщепы из Луки-Врублевецкой, но здесь были подняты также отщепы с небольшой площадкой, расположенной под прямым углом по отношению к плоскости брющка. Материалы Хотинского местонахождения П. И. Борисковский датировал мустьерским временем (Борисковский, 1953, стр. 64).

## СОКОЛ

К мустьерским местонахождениям Приднестровья следует отнести также стоянку Сокол, открытую М. Я. Рудынским в 1931 г. (обследована им же в 1945 г.). В 1947—1948 гг. этот пункт был добавочно обследован нами.

Кремневые изделия здесь были обнаружены на поверхности склона плато над левым берегом Днестра выше кладбища с. Сокол, находящегося в Каменец-Подольском р-не Хмельницкой обл. УССР.

В 1931 г., кроме позднепалеолитических кремневых изделий, М. Я. Рудынский нашел здесь скребло из кварцита, а в 1945 г.— небольшой одно-сторонний диск с густой белой патиной размерами 36 × 30 × 12 мм (Рудынский, 1949). В 1947 г. автор на данном пункте обнаружил небольшой дисковидный нуклеус и несколько треугольных и овальных отщепов архаического вида с густой белой патиной и люстражем (Черныш, 1950 а). Отщепы имеют крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси, а также следы подправки ударных площадок.

Учитывая наличие среди мустьерских материалов из Сокола небольших дисков, которые являются характерными для позднемустьерских стоянок, можно датировать это местонахождение позднемустьерским временем.

## НАГОРЯНЕ

Местонахождение у с. Нагоряне Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР является одним из новых пунктов, открытых нами во время разведок на Днестре в 1948—1959 гг. (Черныш, 1952, стр. 5).

Здесь на высоком правом берегу Днестра, на плато в 1948 г. был найден широкий пластинчатый отщеп с глубокой белой патиной и массивным ударным бугорком (Черныш, 1954, стр. 75). Два края этого отщепа имеют обработку ретушью. Таким образом, этот отщеп не что иное как двойное скребло мустьерского времени (рис. 68, 3).

Аналогии двойному скреблу из Нагорян можно найти среди материалов таких стоянок, как Бахчисарайская, Староселье, Шайтан-Коба, четвертый слой Молодовы I. В Западной Европе такие изделия известны

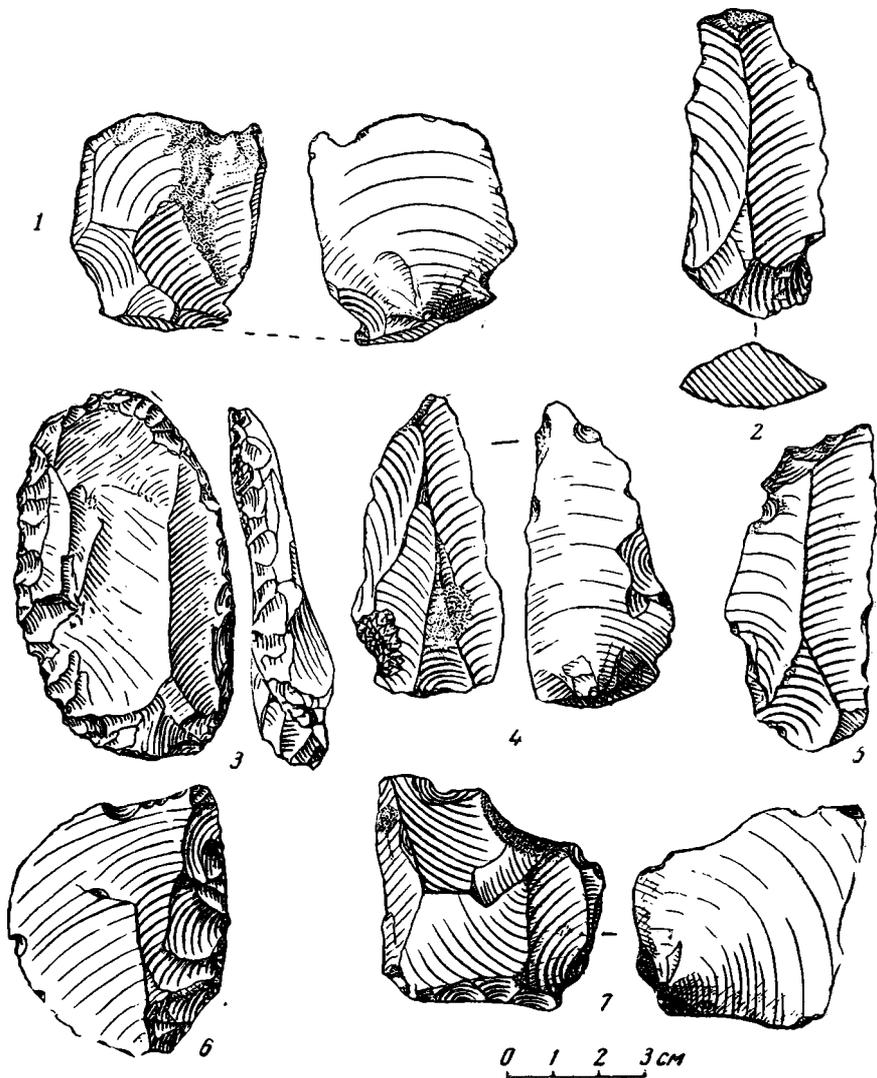


Рис. 68. Кремневые изделия местонахождений Ожево (1, 2, 5, 6, 7),  
Нагоряне (3), Наславча (4)

1, 7 — отщепы; 2, 4, 5 — пластины; 3, 6 — скребла

в комплексе изделий слоя так называемого типичного мустье грота Мустье, где кроме того была обнаружена серия классических мустьерских форм (Реугопу, 1930).

### БАБИН III «МАГАЗИЯ»

Мустьерское местонахождение Бабин III «Магазия» расположено на мысе высокого правого берега Днестра. Здесь на высоте около 120 м над уровнем реки был обнаружен крупный дисковидный нуклеус размерами 89 × 75 × 31 мм, покрытый легкой желтоватой патиной (рис. 69, 1). Здесь же были собраны: нжевидное орудие на пластинчатом отщепе с крупным ударным бугорком, расположенным наискось по отношению к оси изделия; отщепы с радиальным ограничением спинок, сколотые с дисковидных нуклеусов. Отщепы покрыты густой белой патиной, на некоторых наблюдается подправка краев ударных площадок (Черныш, 1950, 1952). Собранные на местонахождении Бабин III «Магазия» изделия имеют несомненные признаки мустьерской техники.

Это местонахождение было открыто нами также во время разведок 40-х годов. Кремневые изделия были собраны на мысе плато над левым склоном оврага «Хлопив». Местонахождение расположено в 2 км от с. Бабин. На поверхности мыса были обнаружены: остроконечник на треугольном отщепе размерами 50 × 33 × 10 мм, обломок дисковидного нуклеуса, несколько отщепов (Черныш, 1954, стр. 74).

Все эти изделия имеют багровую и серо-белую патину. На отщепках наблюдаются крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Остроконечник имеет обработанный ступенчатой ретушью край (рис. 69. 5).

Эти материалы имеют несомненные следы мустьеровской техники обработки, что позволяет включить этот пункт в список мустьерских местонахождений Приднестровья.

### О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МОЛОДОВА III

В работах Н. Моршана имеется указание о находках скребла, отбойника из кремнистого песчаника, остатков костей мамонта и благородного оленя в стенке оврага «Яр позаду церкви» с. Молодова (Могошан, 1938, стр. 96). Этот овраг расположен в 200 м от устьевой части оврага Байловая рипа у с. Молодова, Кельменецкого р-на.

На карте палеолита УССР этот пункт обозначен в качестве местонахождения Молодова III. В настоящее время произведены значительные по изучению площади раскопки стоянки Молодова I. Данные этих раскопок свидетельствуют о распространении мустьерских поселений как в сторону устьевой части оврага Байловая рипа, так и в восточном направлении, к оврагу позади церкви с. Молодова, который находится на небольшом расстоянии от участка раскопок стоянки Молодова I.

Эти данные позволяют заключить, что местонахождение Молодова II не может считаться отдельным местонахождением, а по существу является одним из мустьерских поселений, открытых на стоянке Молодова I.

### СТАРАЯ УШИЦА

В окрестностях Старой Ушицы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. УССР М. Я. Рудыным собрана коллекция, хранящаяся в настоящее время в Киевском историческом музее им. Т. Г. Шевченко.

При изучении этой коллекции кремневых изделий позднепалеолитического времени наше внимание обратил на себя предмет с глубокой белой патиной с коричневыми точками. Это одноплощадочный треугольный нуклеус леваллуазского типа, предназначенный для скалывания пластинчатых отщепов.

Размеры этого изделия, являющегося массивным нуклеусом, у которого отщепы скалывались лишь с одной стороны, следующие: высота 80 мм, ширина 72 мм, толщина 30 мм. Нуклеус имеет негативы от 4 сколотых отщепов. Данный предмет аналогичен нуклеусам четвертого слоя стоянки Молодова I, одиннадцатого слоя стоянки V, а также нуклеусам других мустьерских стоянок, что дает основание датировать этот нуклеус мустьерским временем и включить Старую Ушицу в список мустьерских местонахождений Приднестровья.

### ОЖЕВО

Местонахождение у с. Ожево Сокирянского р-на Черновицкой обл. УССР было открыто нами в конце 40-х годов (Черныш, 1953; Черныш, 1952, стр. 58—59).

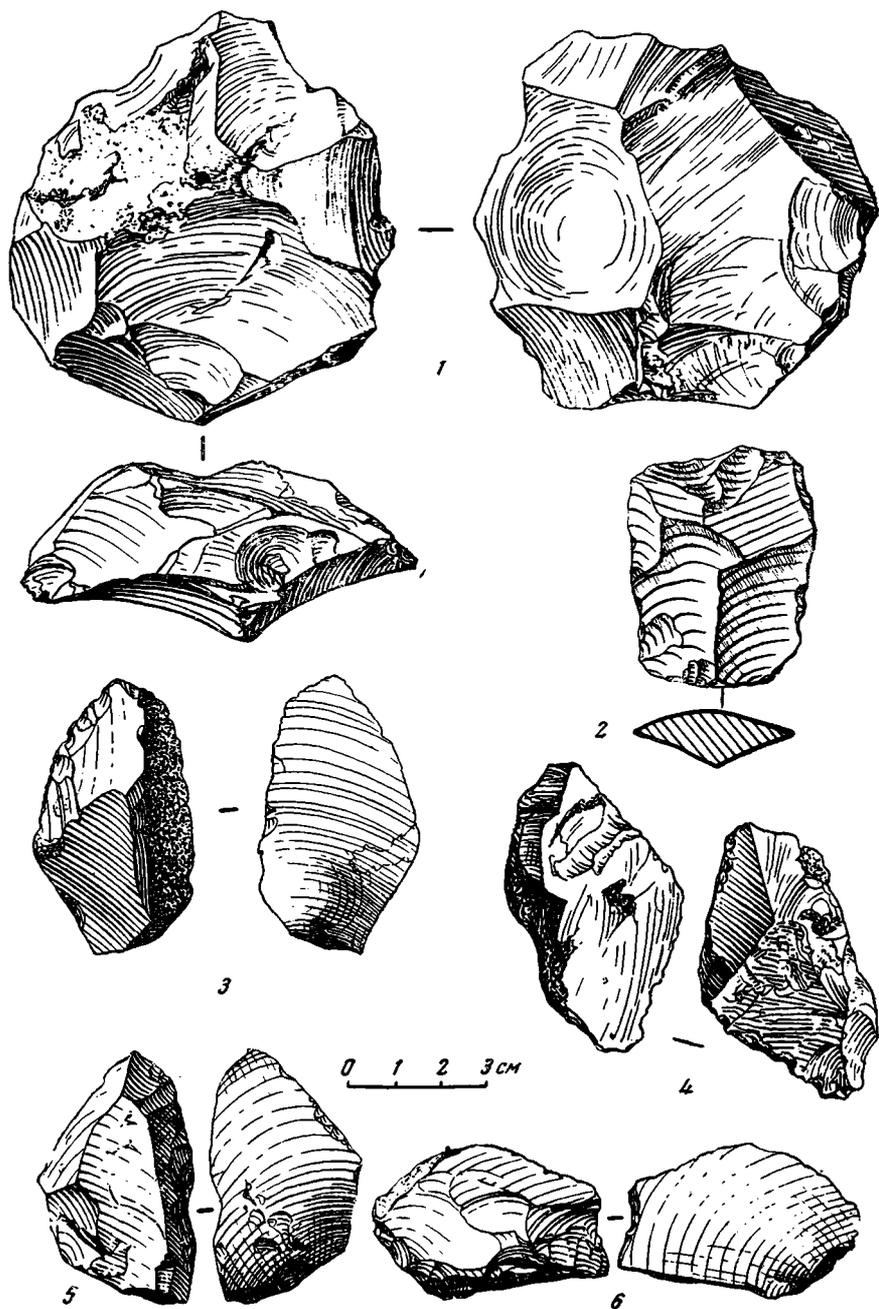


Рис. 69. Кремневые изделия местонахождений Бабин III (1—4) и Бабин VII (5—6)  
 1 — нуклеус; 2 — 4, 6 — отщепы; 5 — остроконечники

Кремневые изделия здесь были обнаружены на правом берегу Днестра, на поверхности третьей террасы, северо-западнее с. Ожево, на ур. Пасиешко и «Вид шляху до пасиешка» (рис. 68, 1, 2, 5, 6, 7).

Собранная на местонахождении коллекция кремневых изделий с глубокой белой патиной состоит из скребла, пяти отщепов, трех пластин и нескольких обломков. Отщепы по форме относятся к овальным и треугольным. Они имеют крупные ударные бугорки. Один отщеп сколот под тупым углом от ударной площадки, остальные отщепы сколоты под прямым углом. Три отщепа имеют ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. Три отщепа имеют радиальное ограничение спинок, что говорит о дискоидной форме нуклеусов, с которых они были сколоты. Один отщеп имеет следы подправки края ударной площадки с параллельным ограничением спинки. Следовательно, этот отщеп был сколот с одноплощадочного нуклеуса.

Поднятые на данном местонахождении пластины имеют обычно двугранные спинки, они массивные и треугольные в сечении. На брюшке пластин наблюдаются крупные ударные бугорки. Одна пластина, размерами  $70 \times 30 \times 6$  мм, имеет следы ретуши на конце. Пластины данного местонахождения аналогичны пластинам четвертого слоя стоянки Молодова I, одиннадцатого слоя Молодова V.

Здесь было найдено скребло. Размеры этого орудия  $62 \times 47 \times 13$  мм. Рабочим краем является правый край отщепа; ретушь частично заходит на вершину и частично на левый край.

Коллекция кремневых изделий местонахождения у с. Ожево аналогична материалам ранее описанных мустьерских местонахождений Сокол, Бабин III, Бабин VII и материалам четвертого слоя стоянки Молодова I, одиннадцатого слоя стоянки Молодова V, что дает основание датировать этот пункт мустьерским временем.

#### НАСЛАВЧА, ПУНКТ Н. МОРОШАНА

Ниже по Днестру от с. Ожево, также на правом берегу Днестра, но в окрестностях с. Наславча Атакского р-на Молдавской ССР, Н. Морошан открыл мустьерское местонахождение.

Здесь, на правом берегу Днестра, на высоте около 60—80 м над уровнем реки, в «овраге сзади железнодорожной будки», этот исследователь собрал палеолитические находки и в том числе скребло мустьерского времени. В отдельных точках этого оврага, на различной высоте Н. Морошан собрал кости мамонта, быка, лошади и оленя. Кремневые изделия были собраны на дне оврага, они имели серо-синюю патину.

Местонахождение у Наславчи Н. Морошан датировал мустьерским временем (Morosan, 1939, стр. 82—83).

В 1949 г. местонахождение добавочно обследовалось автором. Здесь нами обнаружены: зуб мамонта, крупная берцовая кость лошади (определение И. Г. Пидопличко) и удлиненная кремневая ребристая пластина с синей патиной (Черныш, 1953).

#### НАСЛАВЧА, ВТОРАЯ ТЕРРАСА

Во время разведочных работ на Днестре в границах Молдавии в 1949 г. нами была обнаружена пластина архаического облика, аналогичная большинству пластин четвертого слоя стоянки Молодова I, одиннадцатого слоя стоянки Молодова V и других мустьерских памятников Приднестровья. Размеры пластины, обнаруженной возле с. Наславча в галечниках второй надпойменной террасы правого берега Днестра,  $65 \times 27 \times 10$  мм. Пластина имеет листообразную форму, на спинке наблюдается несколько граней, которые у вершины соединяются. На брюшке пластины наблюдается крупный ударный бугорок, расположен-

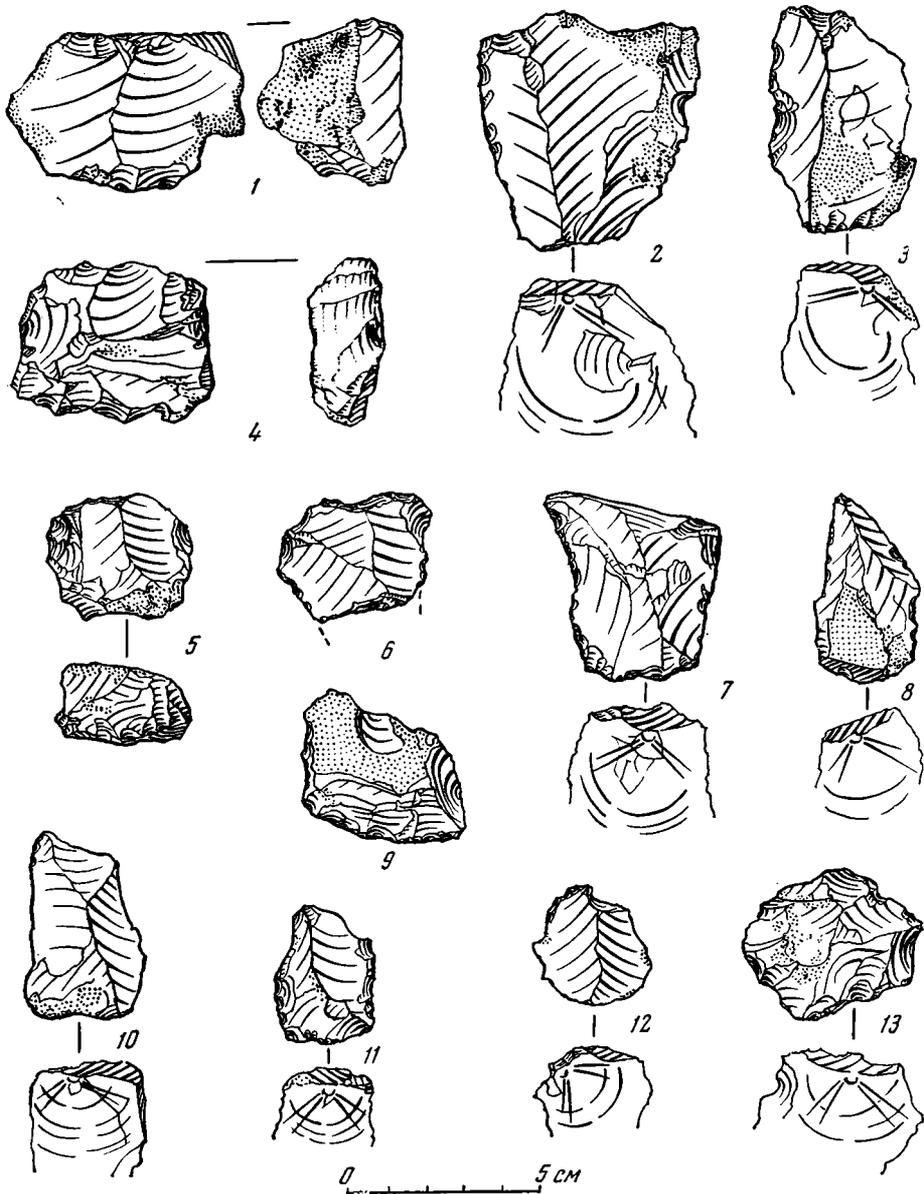


Рис. 70. Кремневые изделия местонахождений Ченуша I (1 — 3, 9 — 11), Варваровка (4—7), Бобулешты (8, 12, 13)

1, 4, 5 — нуклеусы; 2, 3, 6, 7, 8, 10 — 13 — отщепы со следями ретуши; 9 — скребло

ный наноскоп по отношению к оси предмета. Край ударной площадки имеет подправку ретушью (рис. 68, 4).

Форма этой пластины, характер ограничения спинки, техника обработки позволяют заключить, что она была сколота с треугольного веерообразного нуклеуса (Черныш, 1952, рис. 17, 7; 1960а).

Таким образом, это местонахождение также возможно включить в список мустьерских местонахождений Приднестровья.

## КОЛОРАШОВКА

Следующим местонахождением Приднестровья, обнаруженным на территории Молдавии, является местонахождение у с. Колорашовка Атакского р-на, Молдавской ССР.

Здесь, на мысу высокой террасы правого берега Днестра, на ур. Шовб, в 1951 г., кроме пзднепалеолитических кремневых изделий, нами были подняты два кремневых изделия с глубокой белой патиной. Они состоят из массивного отщепа, размерами  $54 \times 40 \times 10$  мм, со следами выветривания поверхности, с крупным ударным бугорком и ударной площадкой, подправленной несколькими широкими сколами, и пластинчатого отщепа длиной в 47 мм, с крупным ударным бугорком, следами изъема на брюшке и с подправленным краем ударной площадки.

Эти материалы из Колорашовки аналогичны ранее описанным коллекциям кремневых изделий мустьерского времени, что дает основание включить этот пункт в группу мустьерских местонахождений Приднестровья.

## СУББОТОВКА

Местонахождение у с. Субботовка, Могилев-Подольского р-на Винницкой обл. УССР было открыто П. И. Борисковским во время его разведок на Среднем Днестре (Борисковский, 1950).

Коллекция кремневых изделий была собрана этим исследователем в 1948 г. на левом берегу Днестра, на поверхности террасы, которая возвышается на 80 м над уровнем Днестра, в ур. Деренивка. Поднятые здесь кремневые изделия имеют белую патину. Они состоят из небольшого типичного мустьерского остроконечника и трех небольших овальных орудий, обработанных двусторонней обтеской (Борисковский, 1953, стр. 67).

Эти материалы датировались мустьерским временем.

## БОБУЛЕШТЫ

Это местонахождение было открыто во время разведок 1956 г. на мысу высокой террасы Реута между меандром этой реки и с. Бобулешты Флорештского р-на Молдавской ССР.

Здесь, на левом берегу Реута, на поверхности были собраны отщепы и обломки кремня с глубокой белой патиной, следами выветривания и люстражем. На ряде отщепов наблюдаются крупные ударные бугорки и своеобразные выступы. Три отщепа были сколоты под тупым углом от ударной площадки (рис. 70, 8, 12, 13).

Это местонахождение можно отнести к мустьерскому времени.

## ВАРВАРОВКА

Следующее местонахождение с аналогичными кремневыми изделиями также было открыто на территории Молдавии.

Во время разведок 1956 г. на склоне высокой террасы правого берега Реута, против с. Бобулешты, на землях колхоза с. Варваровка Флорештского р-на Молдавской ССР, на поверхности были подняты три кремневых изделия с глубокой белой патиной и люстражем. Эти изделия состоят из обломка скреблообразного орудия на отщепе, двух небольших скреблообразных орудий из утилизированных нуклеусов. Размеры последних двух орудий  $48 \times 43 \times 15$  мм и  $37 \times 30 \times 15$  мм (рис. 70, 4—7).

Это местонахождение можно включить в список мустьерских местонахождений Приднестровья.

## РОСИЕТИЧИ

Это бедное местонахождение было также обнаружено во время разведок 1956 г. на территории Молдавии.

Кремневые изделия архаического облика были собраны на склоне высокого правого берега р. Реут, между селами Старые и Новые Росиетичи Флорештского р-на Молдавской ССР.

Здесь на поверхности было поднято три небольших отщепов с глубокой белой латиной, люстражем и крупными ударными бугорками на брюшке. Один отщеп имеет следы подправки края ударной площадки.

Собранные на данном пункте кремневые изделия имеют признаки мустьерской техники обработки кремня, что дает основание и этот пункт отнести к мустьерским местонахождениям Приднестровья.

---

## Глава 4

### ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

#### 1. ФАУНА И ЛАНДШАФТ

Природные условия являются, как известно, одним из важных факторов, влияющих на развитие человеческого общества. На ранних этапах общественного развития, когда человек был менее вооружен в борьбе с силами природы, природные условия играли особенно важную роль. Поэтому изучение вопроса об условиях существования древнего человека в Приднестровье в период раннего и среднего палеолита представляется одной из существенных задач нашего исследования.

Для реконструкции природных условий, в которых жил человек раннего и среднего палеолита, важным источником являются остатки фауны и флоры, встреченные на стоянках этого времени или в одновременных геологических отложениях. К сожалению, до настоящего времени ни в одном раннепалеолитическом местонахождении Приднестровья не найдено остатков фауны и флоры. Все описанные во втором разделе работы раннепалеолитические местонахождения Приднестровья содержат только находки кремневых изделий. Поэтому для решения стоящей перед нами задачи мы вынуждены основываться лишь на тех материалах, которые были обнаружены в отложениях, предположительно соответствующих раннепалеолитическому времени.

При этом и здесь далеко не все обстоит благополучно, так как мы не располагаем достаточным фаунистическим материалом \*. Имеются некоторые данные по раннечетвертичной фауне, связанной с аллювиальными отложениями V надпойменной террасы Днестра, датируемой большинством геологов миндельским временем. Никаких археологических находок в этих отложениях найдено не было, и теоретически они должны были бы принадлежать к шельской культуре, по нашему мнению, в Приднестровье не обнаруженной.

К таким местонахождениям относятся карьер колкотовской террасы у г. Тирасполя в нижнем течении Днестра, явившийся тем пунктом, по фауне которого был выделен особый тираспольский фаунистический комплекс, а также местонахождение у с. Шутновцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. УССР на среднем Днестре, обследованное автором в 1946 г. и содержащее фауну, близкую к тираспольскому комплексу.

После этого в фаунистических находках отмечается большой разрыв. Для аллювия IV террасы имеется лишь указание Л. Ф. Лунгерсгаузена

\* Материалы по флоре полностью отсутствуют. Характер четвертичных отложений Приднестровья не был благоприятным для сохранения в них ископаемой пыльцы и спор. Многочисленные пылевые анализы разновозрастных отложений из долины Днестра оказались безрезультатными.

на находку в ней остатков *El. trohontherii* Pohl (хазарский фаунистический комплекс). В аллювиальных отложениях III террасы, связываемой большинством исследователей со временем максимального оледенения и, следовательно, очень холодным климатом, никаких находок фауны млекопитающих сделано не было.

Большое количество материала имеется для среднего палеолита (связываемого с временем образования второй террасы) благодаря находкам фауны в мустьерских культурных слоях.

Ниже мы приводим список фауны из мустьерских местонахождений Приднестровья: *Mammuthus primigenius* Blum. (ранняя форма), *Coelodonta antiquitatis* Blum., *Rangifer tarandus* L., *Cervus elaphus* L., *Megaceros giganteus* Kaup., *Ursus spelaeus* Rossm., *Ursus arctos* L., *Hyaena spelaea* Fisch., *Leo spelaea* Goldf., *Alces alces* L., *Equus equus* L., *Bison priscus* Voj., *Vulpes vulpes* L., *Caprovinae*, *Canis lupus* L., *Lepus* sp., *Aves*, *Dicrostonyx torquatus* Pall., *Microtus arvalis* Pall.

Часть этой фауны (стоянки Молодова I, Молодова V) обитала, как мы увидим далее, в начале эпохи последнего оледенения (калининское время, W<sub>1</sub> по общепринятому представлению). Часть же (стоянка у с. Выхватинец) существовала еще в межледниковое (микулинское, рисс-вюрмское) время, может быть, в самом конце его. Однако состав фауны этих разновременных стоянок довольно близок. Объяснено это может быть тем, что «холодная» фауна сформировалась в основном в эпоху максимального оледенения (R). Последующий межледниковый период не был достаточно длительным для того, чтобы могло произойти коренное изменение характера этой фауны. Тем не менее в Выхватинцах мы наблюдаем большое количество пещерных форм, наличие гигантского оленя, некрупных копытных. В молодых стоянках резко преобладают остатки мамонта, а все остальные виды встречаются единично. Здесь же обнаружено присутствие копытного лемминга.

Анализ распространенности отдельных видов мустьерской фауны Приднестровья по археологическим памятникам дает следующую картину:

Остатки ранней формы мамонта были прослежены в десяти пунктах: в четырех слоях стоянки Молодова I, в двух слоях стоянки Молодова V, в Выхватинцах, Ивановке, Наславче, Касперовцах.

Остатки первобытного зубра были обнаружены в пяти пунктах: поселения четвертого и первого слоев стоянки Молодова I, Выхватинцы, Касперовцы, Наславча.

Остатки шерстистого носорога были обнаружены в четырех пунктах: в четвертом слое стоянки Молодова I, в одиннадцатом слое стоянки Молодова V, в Выхватинцах, в Касперовцах.

Остатки северного оленя были обнаружены в трех мустьерских поселениях: четвертый и первый слои Молодова I, Выхватинцы.

Остатки лошади были встречены в пяти поселениях: четвертый и первый слои Молодова I, Выхватинцы, Касперовцы, Наславча.

Благородный олень был обнаружен в Выхватинцах, в первом слое Молодова I и в Касперовцах, гигантский олень был найден в Выхватинцах, олень неуточненного вида был встречен в пятом, четвертом и втором слоях Молодова I, а также в Наславче. Пещерный лев был найден в Выхватинцах, в одиннадцатом и в 11 б слоях Молодова V. Пещерные гиена и медведь известны лишь из Выхватинцов. Бурый медведь был обнаружен в четвертом слое стоянки Молодова I и в одиннадцатом слое Молодова V. Лось найден лишь в четвертом слое стоянки Молодова I. Остатки мелких копытных были обнаружены в Выхватинцах и во втором слое Молодова I. Волк известен из Касперовцев и Выхватинцев. Кости птиц были найдены в четвертом слое и во втором слое Молодова I и, наконец, остатки копытного лемминга и сопровождающей его

фауны мелких грызунов нам пока известны из четвертого слоя стоянки Молодова I и одиннадцатого слоя стоянки Молодова V. Главным видом охотничьей добычи мустьерского человека был мамонт, количественно преобладающий среди фаунистических остатков, особенно на Молодовских стоянках. Другими видами добычи являлись лошадь, зубр, северный олень, носорог. Остальные виды встречаются менее часто.

Наличие значительного количества остатков мамонта среди охотничьей добычи мустьерского человека на территории Приднестровья не является случайным. Остатки этого животного вообще широко распространены в составе фауны мустьерских памятников Европейской части СССР: Чокурча, Колак, Волчий грот, Шайтан-Коба, Староселье, Бахчисарайская, Чагарак-Коба, Кош-Коба, Кник-Коба (верхний слой) и др. (Береговая, 1960, стр. 18—14).

Все же не на всех мустьерских стоянках мамонт являлся количественно преобладающим видом. Так, например, на открытых мустьерских стоянках Ильская и Волгоградская мамонт обнаружен был, но преобладающим видом охотничьей добычи был бизон (Замятин, 1934, стр. 207—225; 1961, стр. 14). В Старосельской стоянке преобладают кости дикого осла.

Лишь на некоторых стоянках мустьерского времени на территории Европейской части СССР не были найдены кости мамонта (Ахштырская, Кабази, Навалишенская).

Остатки северного оленя и шерстистого носорога также часто встречаются во многих мустьерских памятниках СССР и стран Центральной Европы, территориально наиболее близко расположенных к СССР. Так, на венгерской стоянке открытого типа Тата были обнаружены остатки костей мамонта и шерстистого носорога, (Kotmos, 1913). Эти же виды были встречены в мустьерском слое стоянки в пещере Ламбрехта-Кальмана в Венгрии (Vértés, 1959), а также в составе фауны мустьерской стоянки Ла Извор в Румынии (Mogoșan, 1938, p. 47).

Обнаруженный в Приднестровье фаунистический комплекс мустьерского времени свидетельствует о распространении видов животных, приспособленных к существованию в условиях лесостепного ландшафта (мамонт, благородный олень), лесостепной и степной зоны (носорог, гигантский олень), степной зоны (лошадь, зубр), лесной зоны (лось, медведь), тундровой зоны (северный олень, лемминг). Встречаются также межзональные виды (волк, лисица, бурый медведь).

Большинство обнаруженных в Приднестровье животных, обитавших в мустьерское время, было, следовательно, приспособлено для существования в лесостепной зоне. О последнем говорит наличие специализированных форм, приспособленных для обитания в условиях холодного климата (мамонты, шерстистые носороги), и даже некоторого количества арктических форм. Можно считать, что похолодание началось задолго до того времени, к которому относится мустьерская фауна, так как за короткое время из теплолюбивых форм животных не смогли бы образоваться виды, приспособленные к холодным условиям существования (например, мамонты).

Сопоставление мустьерской фауны Приднестровья с позднепалеолитической свидетельствует об их близости в видовом отношении. Существенная разница наблюдается в соотношении количественном. Это особенно хорошо прослеживается по резкому увеличению в позднем палеолите остатков северного оленя и уменьшению числа остатков мамонта (с заменой ранней формы этого вида поздней).

Фаунистические материалы свидетельствуют, таким образом, что палеолитический человек Приднестровья в мустьерское время уже должен был приспособляться к холодному климату. Процесс изменения кли-

матических условий в сторону похолодания начал ощущаться с конца раннепалеолитического времени, что было определено также и в других районах приледниковой зоны Европы (Combieg, 1961).

## 2. ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДАТИРОВКА

В настоящее время проблема геологической датировки палеолитических памятников является очень острой и актуальной. Если в отношении раннепалеолитических памятников среди советских и зарубежных специалистов почти нет расхождений (Горецкий, 1959, стр. 23), то в вопросе о геологической датировке мустье в позднепалеолитических памятниках имеется много противоречащих одна другой концепций.

В трудах зарубежных ученых в отношении датировки памятников мустьевого времени на геологической основе существуют три наиболее известные концепции.

К вюрмскому оледенению памятники мустьевого периода относили Р. Шмидт (Schmidt, 1912), Г. Обермайер (1913), М. Буркитт (Burkitt, 1929), М. Буль (Boule, 1921, 1953), Е. Верт (Werth, 1922), Л. Козловский (Kozłowski, 1924), Д. Пейрони (Peugny, 1948) и др. В литературе эта точка зрения известна в качестве концепции Буля — Обермайера.

Межледниковьем рисс-вюрм и первой половиной вюрма мустье датировали А. Пенк (Penck, 1921), В. Зергель (Soergel, 1919). Г. Осборн (1924), Ф. Цейнер (Zeuner, 1953), П. Вольшtedт (1953), А. Брейль (Breuil, 1932), К. Жебера (Zebera, 1958), К. Валох (Valoch, 1961), Б. Клима (Klíma, 1957), Ю. Барта (Barta, 1961), И. Гийен (Guillen, 1955), Ф. Борд (Bordes, 1952), Р. Грамман (Graham, 1952), Ф. Прошек (Prošek, 1947), К. Нарр (Narr, 1959), Л. Вертеш (Vértes, 1958), М. Габори и др. В литературе этот взгляд известен в качестве концепции Зергеля — Цейнера. Наконец, ко второй половине рисса и к межледниковью рисс-вюрм мустьевого периода относил Е. Брукс (Brooks, 1919).

Большинство зарубежных специалистов является, таким образом, сторонниками концепции Зергеля-Цейнера в датировке мустьевого времени рисс-вюрмского интергляциала и первой половины вюрма.

Наиболее ранняя датировка дана в работе Е. Брука, который датировал мустье также достаточно поздним временем по сравнению с распространенной в советской литературе концепцией.

В трудах румынских геологов Н. Морошана и И. Ботеца позднее мустье Молодовы I датируется временем интерстадиала вюрм 1—2 (по Морошану — первой его фазы) (Botez, 1933, стр. 410; Moroşan, 1938, стр. 95, 111).

Иные взгляды на геологическую датировку мустье были высказаны советскими специалистами. Этому вопросу посвящено много работ, которые свидетельствуют о том, что проблема геологической датировки палеолита СССР является дискуссионной.

До середины 30-х годов среди советских исследователей также господствовала концепция об относительно позднем геологическом возрасте палеолита нашей территории (Илларионов, 1941; Величко, 1957). В 1934—1936 гг. Г. Ф. Мирчинк и В. И. Громов относили все палеолитические памятники ко времени вюрмского оледенения. А. П. Павлов в 1936 г. датировал ашель и мустье рисс-вюрмом, а верхний палеолит — вюрмским временем (Громов, Мирчинк, 1936; Мирчинк, 1934). В. В. Резниченко, В. И. Крокос, И. П. Герасимов и К. К. Марков также защищали взгляд об относительно позднем геологическом возрасте палеолита СССР (Резниченко, 1930; Крокос, 1929; Герасимов, Марков, 1939).

В дальнейшем среди значительной части советских геологов наметилась тенденция к снижению геологической датировки палеолита СССР. Эта тенденция была наиболее четко изложена в монографии В. И. Гро-

мова, опубликованной в 1948 г. Ранний палеолит, по В. И. Громову, датируется временем минделя и миндель-рисса, а мустье — концом миндель-рисса и первой половиной рисса (Громов, 1948, стр. 385).

Эту концепцию о раннем геологическом возрасте палеолита СССР в настоящее время поддерживает большинство советских геологов, хотя имеются также попытки сближения ее с концепцией Зергеля-Цейнера. За последнее время стало увеличиваться количество сторонников взгляда о позднем геологическом возрасте мустье и верхнего палеолита СССР. Сейчас даже сам В. И. Громов фактически стал постепенно отходить от своей прежней точки зрения. Если в общей с Е. В. Шанцером работе 1958 г. В. И. Громов говорил, что мустьерская эпоха охватывала период от конца миндель-рисса или начала рисс-вюрма включительно (Громов, Шанцер, 1958), то в работе 1961 г. В. И. Громов уже говорит, что начальное мустье относится к началу рисса, позднее — к рисскому времени, а финальное — к послерисскому (Громов, 1961). Следовательно, в последнее время о миндель-рисском мустье совсем не говорится, но зато речь идет о наличии мустье в послерисское время.

Некоторые исследователи продолжают, однако, придерживаться концепции о глубокой древности мустьерской культуры. По Г. И. Горецкому, шелль и ашель относятся к древнему антропогену, мустье — к днепровскому (рисскому) оледенению, а верхний палеолит — к днепровско-валдайскому интергляциалу, валдайскому оледенению, валдайско-осташковскому интерстадиалу и осташковскому позднеледниковому времени (Горецкий, 1959). А. Д. Колбутов также разделяет взгляд о рисском времени мустье (Колбутов, 1960, стр. 85).

Среди советских археологов одним из первых сторонников концепции о раннем геологическом времени палеолита СССР был М. В. Воеводский (Воеводский, 1952, стр. 46). П. П. Ефименко и П. И. Борисковский также являются сторонниками указанной точки зрения (Ефименко, 1953; Борисковский, 1953). Взгляд о раннем геологическом времени палеолита СССР поддерживают также С. Н. Бибииков и О. Н. Бадер (Бибииков, 1961).

В связи с увеличением фактов, противоречащих концепции об очень раннем геологическом времени мустье, среди советских ученых заметна тенденция к отходу от концепции В. И. Громова и М. В. Воеводского и к распространению взгляда о более поздней геологической датировке палеолита СССР.

Это наблюдается в работах, посвященных как датировке отдельных мустьерских памятников, так и общим вопросам геологической датировки палеолита. Так, например, М. В. Муратов позднемустьерскую стоянку Староселье и мустье вообще датирует рисс-вюрмским интергляциалом (Труды Комиссии..., 1961, стр. 201, 203). По мнению А. И. Москвитина, мустье относится ко времени калининского оледенения (вюрм 1), а ашель — к микулинскому межледниковью (рисс-вюрм) (Москвитин, 1961). На основании анализа палеоботанических данных В. П. Гричук, А. А. Величко и Л. Р. Серебряный пришли к выводу, что в Волгоградской стоянке ашельские суглинки с мустьерскими культурными остатками относятся к микулинскому (рисс-вюрмскому) межледниковью (Гричук, Величко, Серебряный, 1959; Гричук, 1961). В связи с этим они предложили пересмотреть концепцию о слишком раннем геологическом датировании палеолита СССР\*.

---

\* Еще ранее Л. А. Варданянц писал, что ательские суглинки относятся к рисс-вюрмскому интергляциалу (Варданянц, 1948). Мнение об относительно позднем геологическом времени мустье среди советских археологов проводится в работах А. П. Окладникова (Окладников, 1948), А. А. Формозова (Формозов, 1958, стр. 47), А. Н. Рогачева (Рогачев, 1962).

Какие же данные для решения этого спорного вопроса дают палеолитические памятники мустьерского времени, исследовавшиеся на протяжении последних лет в Приднестровье?

В первую очередь остановимся на наблюдениях в районе Молодовских стоянок. Комиссия геологов и археологов, работавшая в Молодове в 1958 г., подтвердила, что культурные слои молодовских стоянок залегают в делювиальных и делювиально-пролювиальных отложениях, покрывающих в Молодове V третью (?), а в Молодове I — вторую надпойменную террасу Днестра. В дальнейшем после проведения бурения было определено, что на стоянке Молодова V аллювий третьей террасы не прослеживается (Иванова, 1961б, стр. 454). Таким образом, стоянка Молодова V также связана со второй надпойменной террасой и находится на склоне к ней. Проведенное в 1959 г. на стоянке Молодова I бурение дало, кроме того, возможность определить, что культурные остатки мустьерского времени расположены стратиграфически выше аллювиальных отложений второй надпойменной террасы, что является весьма важным показателем геологического возраста этих отложений (Иванова, 1960, стр. 127).

В. И. Громов, посетивший Молодовские стоянки в 1960 г., пришел к выводу, что мустьерские слои на стоянке Молодова I не древнее аллювия второй надпойменной террасы, а последние наиболее часто датируются рисс-вюрмским временем.

Ряд геологов, изучавших условия залегания Молодовских стоянок, выступили с мнением, которое противоречит концепции В. И. Громова и М. В. Воеводского о датировке палеолита СССР. И. К. Иванова, которая на протяжении многих лет изучала геологию палеолитических стоянок Приднестровья и особенно Молодовских стоянок, пришла к выводу, что мустьерские поселения на стоянке Молодова I относятся к концу среднего плейстоцена или к началу верхнего (Иванова, 1960; 1961в, стр. 81). В последних работах она относит их к началу вюрма.

А. М. Москвитин, который также несколько раз приезжал изучать геологию Молодовских стоянок, считает, что мустьерские слои этих стоянок (равно как волгоградской и чехословацких стоянок) залегают в терригациальных суглинках калининского оледенения (Москвитин, 1961).

Факты, противоречащие концепции о слишком раннем геологическом возрасте мустье, были прослежены не только в Молодове. Мы уже указывали, что остатки мустьерских поселений, обнаруженных возле с. Касперовцы, Ивановка (Янов) на р. Серет и у с. Букивна на Днестре львовскими геологами, датировались временем интерстадиала вюрм 1—2 и временем вюрма I (Полянский, 1929; Kozłowski, 1939). Геологи И. Ботез и Н. Морошан позднее мустье в Молодове датировали интерстадиалом вюрм 1—2. Необходимо также вспомнить тот факт, что раннемустьерские материалы выхватинского навеса были обнаружены в овраге, который прорезает третью (рисскую) террасу Днестра. Поэтому время образования этого навеса не может быть более ранним, чем рисс-вюрмский интерстадиал и будет соответствовать, по-видимому, времени отложения аллювия второй надпойменной террасы.

Учитывая все эти данные, на наш взгляд, имеются основания считать, что *памятники раннего мустье на Днестре относятся ко времени рисс-вюрмского интергляциала, а позднемустьерские относятся к первой половине вюрма.*

Наша точка зрения соответствует концепции Зергеля-Цейнера о геологической датировке палеолита. Она подтверждается материалами по палеолиту Чехословакии, а также рядом данных о мустьерских стоянках СССР, которые относятся к памятникам открытого типа. В связи с этим вспомним, что мустьерская стоянка Ильская, как указал В. И. Громоз, находится в отложениях второй надпойменной террасы (Громоз, 1948.

стр. 255); мустьерская стоянка Деркул — в отложениях первой террасы (Громов, 1948, стр. 200); стоянка Кодак — в отложениях низкой террасы (Ефименко, 1953, стр. 204, 213). Мустьерские стоянки открытого типа известны также и на Пруте в отложениях низких террас (Ла Извор) (Могозап, 1931).

Таким образом, материалы мустьерских стоянок Днестра также дают основание для вывода о необходимости пересмотра концепции о слишком ранней геологической датировке среднего и позднего палеолита СССР.

С вопросом о геологической датировке палеолита тесно связан вопрос об определении абсолютного возраста палеолитических стоянок. Развитие физики и химии за последнее время привело к разработке ряда методов определения абсолютного возраста археологических памятников. Можно указать, например, радиоуглеродный, фторовый, палеомагнитный и другие методы (Чердынцев, 1956; Бурлацкая, 1962).

В настоящее время для палеолита СССР получены первые абсолютные даты, основанные на радиоактивном распаде  $C_{14}$ . Например, определение возраста угля из позднепалеолитического VII слоя стоянки Молодова V в лаборатории А. П. Виноградова в ГЕОХИ АН СССР дало дату 23 050 лет (Иванова, Черныш, 1963). Кроме того, получены также даты для третьего и второго позднепалеолитических слоев этой стоянки и для раннемезолитического слоя I а. В настоящее время такие даты имеются и для некоторых других стоянок СССР (Сунгирь, Килперный лог, Афонтова гора).

Во время исследования нижних слоев Молодовских многослойных стоянок были взяты образцы угля и в настоящее время получены первые абсолютные даты для четвертого мустьерского слоя Молодова I (<4400 Gt. N 3659) и одиннадцатого слоя Молодова V (>40300 Gt. N 4017). Это будет тем более важно, что по  $C_{14}$  для мустьерских стоянок пока было известно лишь несколько дат, находящихся вне пределов СССР. Так, для мустьерской стоянки Лебенштедт получена дата  $55\ 000 \pm \pm 1000$  лет, а эта стоянка очень близка по археологическим материалам к молодовскому мустье. Для мустьерского слоя Шанидара (Ирак), по данным Р. Солецкого (Solecki, 1963), имеются даты 46 000 и 50 000 лет, а стоянка Тата, как сообщил Л. Вертеш на симпозиуме по вопросу стратиграфии периодизации палеолита, состоявшемся в сентябре 1963 г. в Москве, датируется временем в 50 000 лет. Мустьерский слой пещеры Горхем (Испания) датируется временем в 47 000 лет (Combieg, 1961).

По остаткам фауны относительный возраст Молодовских стоянок определялся при помощи разработанного И. Г. Пидопличко коллагенового метода (Пидопличко, 1952). В СССР этим методом определялись фаунистические материалы ряда мустьерских стоянок. В результате анализов среднее число из 70 проб для Кодакской мустьерской стоянки равно 611, для Чокурчи — 405, для Ахштырской пещеры — 706, для Ильинки — 600, для Тешик-Таша — 596, а для Ильской — 518 (Пидопличко, 1952, табл. 16, 37, 41). Средний показатель прокаливания для Старосельской стоянки — 456, для Кабази — 593—603, для Бахчисарайской стоянки — 461—603, для навеса Холодная Балка — 539—826 (Формозов, 1958, стр. 59).

Проведенные в 1962 г. анализы по коллагеновому методу дали следующие показатели: для пятого слоя стоянки Молодова I — 547, для четвертого слоя Молодова I по костям мамонта — 519, 536, 546; для второго слоя мустье стоянки Молодова I — 543 и, наконец, для первого слоя стоянки Молодова I по кости носорога — 529, по кости зубра — 526, а по костям мамонта — 611, 522 и 521.

Таким образом, четыре мустьерских слоя стоянки Молодова I по коллагеновому методу дают показатели в диапазоне от 511 до 611. Они

полностью соответствуют показателям, полученным на других мустьерских стоянках СССР. Лишь показатели таких стоянок, как Чокурча, Староселье, являются более низкими, что не случайно. Староселье, например, и по кремневому инвентарю является несколько более поздним памятником, чем Молодовское мустье. Иными словами, коллагеновый метод подтвердил результаты анализа кремневого инвентаря мустьерских слоев Молодова I.

### 3. ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА

Основными источниками для определения характера хозяйственной деятельности древнего населения, являются орудия труда и остатки фауны.

На раннепалеолитических месторождениях Приднестровья не сохранилось остатков фауны. Обнаруженный на этих местонахождениях ассортимент кремневых изделий (отщепы с ретушью, скреблообразные изделия, рубильца) указывает на то, что эти изделия употреблялись в качестве режущих орудий, для скобления или рубки — следовательно, для рабочих операций, связанных с обработкой охотничьей добычи. Это позволяет считать, что охота являлась главной отраслью хозяйства в ашельское время. Охота, по всей вероятности, дополнялась собирательством. Однако авторы, преувеличивающие значение собирательства в хозяйственной деятельности раннепалеолитических людей (Ефименко, 1953, стр. 126), недооценивают, по нашему мнению, значение охоты как способа добывания мясной пищи, являвшейся важным фактором в процессе антропогенеза.

Для мустьерского времени мы имеем больше данных об охоте как главной отрасли хозяйства. На ряде мустьерских стоянок Приднестровья были обнаружены кости восемнадцати видов ископаемых животных, являвшихся охотничьей добычей обитателей мустьерских поселений. Среди них наиболее распространенными видами были мамонт, лошадь, зубр и носорог. Охота на этих зверей обеспечивала человеку того времени не только мясо и жир, но и шкуры для одежды и жилищ. Все это имело особое значение в связи с изменением климатических условий (похолодание). Кроме того, охота давала также и кости, которые, как показывают раскопки в Молодове, употреблялись в качестве строительного материала при сооружении постоянных жилищ.

Находки в ряде мустьерских поселений Приднестровья расколотых костей животных, и в частности продольно расколотых трубчатых костей и разбитых черепов мамонта, являются доказательством того, что это остатки охотничьей добычи. Невозможно, впрочем, исключить мнение о возможности использования для питания трупов погибших животных, как это считает В. И. Громов и некоторые другие ученые, имея в виду позднепалеолитическое время (Громов, 1948, стр. 403—408; Городцов, 1923, стр. 201). Это мнение основано на представлении о низком уровне развития производительных сил, о чем также свидетельствуют случаи людоедства, следы которого обнаружены на некоторых стоянках мустьерского времени.

По нашему мнению, использование для питания трупов погибших животных имело большее значение для раннепалеолитического и среднепалеолитического времени, чем для позднепалеолитического, так как уровень развития охотничьей техники в позднепалеолитическое время был значительно более высоким.

Об увеличении роли охоты в хозяйственной деятельности древнего населения Приднестровья в мустьерское время свидетельствует увеличение в составе кремневых изделий количества ножевидных орудий, служивших для разделки охотничьей добычи; об этом говорит также появ-

ление новых типов кремневых орудий, приспособленных для обработки шкур и кости. Такими орудиями являются скребки, остря, резцы. В мустьерское время распространялись специализированные орудия типа скребел и остроконечников. По мнению ряда специалистов, наиболее совершенные удлинённые остроконечники могли насаживаться на древки и использоваться в качестве метательного охотничьего оружия. Деревянных изделий типа рогатин, а также древков от копий мустьерского времени не сохранилось.

На исследованных мустьерских поселениях Приднестровья найдено значительное количество округлых и шарообразных галек песчаника. Вполне возможно, что часть этих галек могла быть использована в качестве боласов.

Типы кремневых изделий, обнаруженных на мустьерских поселениях Приднестровья, позволяют сделать вывод, что в это время возникло разделение труда по половому признаку. П. П. Ефименко, учитывая этнографические данные, пришел к выводу, что остроконечники являлись мужскими ножами, употреблявшимися как орудие для расчленения туш и снятия кож, а скребла — женскими (Ефименко, 1953, стр. 220). С этим выводом можно согласиться.

Наличие в ряде мустьерских поселений Приднестровья и особенно в границах постоянного жилища четвертого слоя стоянки Молодова I остатков многочисленных кострищ и остатков древесного угля служит конкретным доказательством овладения огнем. Давая оценку этому выдающемуся шагу в развитии человеческой культуры, Ф. Энгельс писал, что «добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства» \*

Значительным культурным достижением мустьерского человека было изобретение способов сооружения долговременных постоянных жилищ, что несомненно связано с ухудшением климатических условий в сторону похолодания. Поэтому, очевидно, многие стоянки мустьерского времени расположены в пещерах.

До последнего времени считалось общепринятым, что техника сооружения постоянных жилищ появилась лишь в позднепалеолитическое время (Борисковский, 1957, стр. 166; 1958), хотя исследование ряда памятников позволило предположить возможность появления долговременных жилищ еще в мустьерское время. Так, например, на стоянке Чокурча и Ля Извор были зафиксированы крупные скопления костей мамонта, на стоянках Ла Ферраси и Кастильо были прослежены искусственные каменные выкладки, на стоянке Волчий грот было обнаружено жилое углубление, которое окружалось завалом камней, а на стоянке Ильская была открыта круговая ограда из камней (Забнин, 1928, стр. 146—178; Эрнст, 1934, стр. 184—206; Городцов, 1940; Замятин, 1934, стр. 207—218; Бадер, 1939, стр. 258—264; 1940, стр. 90—95; Mogoşan, 1931, p. 92). Эти данные позволили некоторым исследователям выступить с предположением о возможности существования в мустьерское время долговременных жилищ. Такие предположения были высказаны П. П. Ефименко и Д. А. Крайновым (Ефименко, 1953, стр. 207—238; Крайнов, 1956, стр. 13—34), но до последнего времени в литературе, однако, господствовала мысль о появлении постоянных жилищ лишь начиная со времени позднего палеолита. Для окончательного решения данной проблемы все же не было достаточного количества убедительных фактов.

Кратко остановимся на результатах исследования Ильской стоянки (наиболее интересной при рассмотрении вопроса о мустьерских жилищах).

\* Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 117.

«В 1936 г.— писал В. А. Городцов об Ильской стоянке — при вскрытии небольшой части стоянки здесь были замечены остатки сооружения из доломитовых плиток, уложенных в один ряд... Вскрытая в 1936 г. часть представляла вид дуги, отсеченной от окружности пятиметрового радиуса. Раскопки 1937 г. подтвердили, что каменное сооружение имело вид окружности, выложенной из доломитовых плиток... Ограждение было очень слабое; через него легко было переходить и видеть все окружающее. Очевидно, оно не предполагалось для создания какого-либо препятствия, а только сигнализировало о принадлежности огороженного участка определенной группе обитателей или о какой-то специальной бытовой цели, например месте трапезы». Особенно интересно последнее предложение: «Площадка, окруженная каменной стеною, изобиловала кухонными отбросами и имела два или даже три очага, сложенных из камней» (Городцов, 1940, стр. 90).

Это ограждение из камней, которое окружало интенсивное скопление кухонных остатков и остатки кострищ, очень напоминает картину, прослеженную в четвертом слое стоянки Молодова I. Сходство ограждения из камней со стоянки Ильская с ограждением из костей на стоянке Молодова I дает основание считать, что и на Ильской стоянке, которая также является памятником открытого типа, в свое время были обнаружены остатки постоянного жилища. По техническим причинам ограждение на Ильской стоянке полностью не было вскрыто. Любопытно отметить, что на одном участке каменного ограждения возле камней находилось несколько черепов животных (В. А. Городцов, 1940). Учитывая все эти данные о наличии остатков жилищ на мустьерских стоянках, итоги раскопок в Ильской, и, особенно, результаты исследований последних лет на Днестре, можно говорить о том, что мустьерский человек уже освоил технику сооружения постоянных долговременных жилищ.

Изобретение мустьерским человеком техники домостроительства было крупным шагом вперед, свидетельствующим о дальнейшем поступательном развитии культуры и о развитии производственных сил. Появление постоянных жилищ в мустьерское время говорит также и о том, что известная степень оседлости появилась уже в это, а не в позднепалеолитическое время, как ранее считалось.

#### 4. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Согласно распространенному в советской науке мнению, до появления родового строя существовало первобытное человеческое стадо, являвшееся наиболее ранней формой общества. В периодизации Моргана — Энгельса первобытному стаду соответствует ранняя ступень дикости.

Несмотря на крайне медленное развитие производительных сил в период существования первобытного стада, они все же развивались. Как следствие этого развития возник родовой строй — более высокая ступень первобытного доклассового общества по сравнению с первобытным стадом.

Род, родовая община объединяют группу родственников по материнской линии, между которыми запрещены брачные связи и которые ведут общее хозяйство. Род возник на определенной ступени развития первобытного общества в связи со стремлением к ограничению кровосмешения, что имело прогрессивное значение для развития человечества.

В вопросе о времени возникновения рода и родового строя среди советских исследователей нет общепринятого мнения. Наиболее распространено положение о том, что род возник в период позднего палеолита. Этой точки зрения придерживаются П. П. Ефименко (Ефименко, 1953, стр. 304), П. И. Борисковский (Борисковский, 1953) и другие (Косвен, 1957, стр. 36).

Лишь незначительное количество ученых СССР придерживается взгляда о возникновении рода в более раннее время. «Очень вероятно,— пишет, например, А. П. Окладников,— что именно в это (мустьерское.— А. Ч.) время начинается переход к новой форме общественной жизни. Возникают первые зачатки древнейшей формы родового общества, материнской родовой общины, т. е. коллектива, связанного узами родства» («Всемирная история», т. I. М., 1955, стр. 46). Но доказательств для подтверждения этой точки зрения было крайне мало.

Основными археологическими материалами, свидетельствующими о возникновении родового строя в позднепалеолитическое время, как указывает П. И. Борисковский, являются: остатки постоянных жилищ в ряде позднепалеолитических памятников, говорящие об определенной оседлости, и женские статуэтки, связанные с культом женщины-родоначальницы (Борисковский, 1957, стр. 197). Из этих двух показателей первый присутствует в мустьерское время, второй — отсутствует. Статуэтки в мустьерское время действительно неизвестны.

Ф. Энгельс отмечал, что «возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род, настолько позволяют судить об этом источники, достигает своего расцвета на низшей ступени варварства»\*.

Характеризуя среднюю ступень дикости, Ф. Энгельс отмечал, что она начинается с введения в употребление рыбы и с применения огня\*\*. В том же, что человек овладел огнем в мустьерское время, нет сомнения!

Поскольку мустьерский человек не только постоянно пользовался огнем, но также строил постоянные долговременные жилища, свидетельствующие о наличии определенной оседлости и, вероятно, о значительной роли женщины в домашнем хозяйстве, можно считать, что ранняя ступень дикости была уже пройдена, и родовый строй возник в мустьерское время!

## 5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУСТЬЕРСКОЙ ИНДУСТРИИ С ЛЕВАЛЛУАЗСКОЙ

Среди зарубежных исследователей очень распространены взгляды, что мустьерская техника была свойственна обитателям стоянок пещерного типа, леваллуазская — обитателям поселений открытого типа.

Ф. Борд считает, что леваллуазские памятники являются остатками стоянок открытого типа, а мустьерские — остатками пещерных поселений, существовавших в зимнее время (Bordes, 1953). Следовательно, по Ф. Борду, отличие мустьерской техники от леваллуазской — фактически отличие сезонного и топографического характера.

А. Брейль придерживался иной точки зрения. Леваллуа и мустье были, по его мнению, двумя параллельными культурами, которые существовали самостоятельно. Первая культура принадлежала обитателям охотничьих стоянок открытого типа, а вторая — обитателям пещер (Breuil, 1931—1934). Взгляд на леваллуа и мустье как на самостоятельные культуры, поддерживал также Д. Пейрони (Peugny, 1948). Большинство зарубежных исследователей считает ранее леваллуа синхронным ашелю, а позднее — мустьерскому времени. Такого взгляда, например, придерживался А. Брейль (Breuil, 1932).

Среди советских исследователей П. П. Ефименко рассматривал леваллуа как специфическую черту кремневой техники позднего ашеля (Ефименко, 1953, стр. 178), что является не совсем точным, так как

\* Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 156.

\*\* Там же, стр. 29.

леваллуазские особенности в технике обработки кремня наблюдаются и в мустьерское время. Поэтому термин леваллуа хронологически значительно шире, чем ашель.

Согласно общепринятому мнению, для мустьерской техники характерны дисковидные нуклеусы, треугольные отщепы и изготовленные из этих отщепов орудия типа остроконечников и скребел.

Для леваллуазской техники характерны:

1. Тщательная подправка краев ударных площадок ретушью.
2. Значительное количество пластин, в частности пластин типа леваллуа.
3. Ряд специфических типов нуклеусов (двуплощадочные, треугольные, черепахообразные, одноплощадные), из которых некоторые были приспособлены для скалывания лишь одного отщепла определенной формы.
4. Редкость орудий типа остроконечников и скребел, редкость обработки ретушью (Bordes, 1953a, 1953b, 1961; Kelley, 1954; Breuil, Kozlowski, 1931).

П. П. Ефименко отмечает, что для леваллуа характерны широкие массивные пластины, иногда овальной формы, с гладкой отбивной стороной и с характерным ограничением спинки в виде следов сколов, сходящихся от краев к центру. Дальше он указывает, что пластины типа леваллуа напоминают расколотые вдоль ашельские рубила. Они были крупными орудиями для резания (Ефименко, 1953, стр. 178). Эти особенности леваллуазской техники следует учитывать при решении вопроса о взаимоотношении леваллуа и мустье.

В предшествующих разделах работы мы неоднократно отмечали присутствие в инвентаре этих памятников ряда леваллуазских черт. На стоянках Приднестровья были обнаружены леваллуазские пластины, различные типы леваллуазских нуклеусов, а также серии соответствующих этим нуклеусам отщепов и пластин с подправкой краев ударных площадок. Одновременно также отмечалось наличие многочисленных черт мустьерской техники (дисковидные нуклеусы, отщепы с таких нуклеусов, скребла, остроконечники и т. д.).

М. З. Паничкина высказала совершенно правильное предположение о внутреннем единстве мустьерско-леваллуазской индустрии, понимая под леваллуа лишь некоторые специфические черты обработки кремня, которые нет основания отрывать от мустье (Паничкина, 1959, стр. 4).

Стоянки Приднестровья — преимущественно открытого типа, на них прослежены как леваллуазские, так и мустьерские черты обработки кремня; стоянки Крыма — пещерные, но в них, кроме мустьерских, наблюдаются также и леваллуазские черты обработки кремня.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее верным путем идут те исследователи, которые характеризуют термином мустье-леваллуа материалы многих среднепалеолитических поселений, что наиболее точно отражает органическое единство мустьерских и леваллуазских черт среднепалеолитической техники (Любин, 1960; Garrud, Bate, 1937).

Даже авторы концепции о параллельном существовании самостоятельных мустьерских и леваллуазских культур, характеризуя определенные памятники среднепалеолитического времени, неоднократно отмечали наличие на мустьерских памятниках леваллуазских черт, а на леваллуазских — мустьерских черт, что обычно объяснялось не органическим единством среднепалеолитической техники, а смешанностью обоих типов индустрии или же взаимовлиянием одной культуры на другую (Breuil, 1932, p. 128). На самом же деле, эти факты, на наш взгляд, убедительно свидетельствовали об органическом единстве мустьеро-леваллуазских черт среднепалеолитической техники.

Нельзя также согласиться с мнениями о том, что леваллуа и мустье являются хронологически различными этапами развития палеолитической техники, так как если памятники раннего леваллуа действительно соответствуют ашельскому времени, то позднее леваллуа относится к

среднему палеолиту, как это было показано на основании геологических данных о памятниках Западной Европы. Этому не противоречат геологические условия залегания памятников открытого типа с леваллуазскими и мустьерскими чертами на территории СССР.

Таким образом, материалы исследованных на Днестре среднепалеолитических стоянок открытого типа позволяют говорить не о параллельности леваллуазской и мустьерской культур в среднепалеолитическое время, а об органическом единстве мустьерской и леваллуазской техник, точнее — о неразрывном единстве мустьерских и леваллуазских черт среднепалеолитической техники обработки кремня.

## 6. ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ПОЗДНЕМУ

Анализ материалов позднемустьерских памятников Приднестровья дает много убеждающих фактов, свидетельствующих в пользу теории о генетической связи позднего палеолита со средним и о вырастании позднепалеолитической культуры из мустьерско-леваллуазской.

Мы неоднократно отмечали находки нуклеусов позднепалеолитического облика или же близких к ним форм в позднемустьерских памятниках Приднестровья (удлиненные одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы, подпризматические нуклеусы), позволяющих скалывать удлиненные пластины. Количество таких нуклеусов постепенно увеличивается в более поздних мустьерских слоях. Отмечалось также наличие определенного количества пластин позднепалеолитических типов и увеличение их числа по отношению ко всему кремневому инвентарю в более поздних мустьерских слоях.

Характеризуя мустьерские коллекции из Приднестровья, мы также констатировали появление и увеличение количества некоторых орудий позднепалеолитических типов (скребки, резцы, остря), увеличение количества орудий на пластинах в более поздних мустьерских памятниках и, наконец, появление техники домостроительства, расцветшей в позднепалеолитическое время.

Все эти данные убедительно свидетельствуют о постепенном вызревании и зарождении в мустьерское время отдельных элементов и черт будущей позднепалеолитической культуры, вырастающей из мустьерско-леваллуазского основания и генетически с ним связанной.

Факты, удостоверяющие генетическую связь позднего палеолита с мустьерской культурой, установлены не только в Приднестровье. Они были также прослежены и в других позднемустьерских памятниках Европейской части СССР (Бахчисарайская стоянка, Староселье, Шайтан-Коба, Волгоградская стоянка, Ильская, Чокурча, Волчий грот и т. д.) и других стран: Румынии, Венгрии, Франции. Количество памятников, где прослеживаются признаки будущей позднепалеолитической культуры, увеличивается с каждым новым открытием мустьерских стоянок, что неоспоримо свидетельствует о генетической связи позднего палеолита с мустье.

С другой стороны, на многих памятниках ранней поры позднего палеолита наблюдаются пережитки мустьерской техники и количество таких фактов, удостоверяющих генетическую связь позднего палеолита со средним, также увеличивается с каждым новым открытием ранних позднепалеолитических памятников.

Отметим присутствие мустьерских типов орудий в первом и втором слоях стоянки Бабин I и нижних позднепалеолитических слоях стоянки Молодова V, в нижнем слое стоянки Сюрень, I, на Тельманской стоянке, в Костенках I, Костенках XII, Костенках XIV, Стрелецкой 2, Городцовской стоянке, в Бердыже Хергулис-Клде, Таро-Клде, Радомышльской стоянке, а также на таких стоянках Западной Европы, как

Жермоль, Гаргас, Рош-о-лу, Орэ, Кумба-дель-Буату, ле Верриеэр, Оди и других. Общеизвестным, например, является наличие мустьерских форм в позднепалеолитических памятниках Сибири и Урала.

Архаические мустьерские черты в некоторых позднепалеолитических памятниках СССР неоднократно отмечали П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, С. Н. Бибигов, А. Н. Рогачев, А. П. Окладников и другие (Ефименко, 1953; Борисковский, 1957; Окладников, 1957; Бибигов, 1959; Рогачев, 1957).

Наличие в позднемустьерских памятниках ряда черт будущей позднепалеолитической техники и в ранних позднепалеолитических памятниках пережиточных мустьерских черт является важным доказательством генетической связи позднего палеолита со средним. Такие факты, на наш взгляд, противоречат миграционным теориям о приходе носителей позднепалеолитической культуры из других территорий, а также теориям о резких различиях между мустье и поздним палеолитом и концепции о скачке между мустье и поздним палеолитом\*.

## 7. О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАЛЕОЛИТА

Речь идет о разделении палеолитического времени на этапы и о месте мустьерского периода в этом разделении.

За последнее время в советской литературе распространился взгляд о разделении палеолитического периода на два этапа: ранний и поздний. Сторонники этого взгляда о двучленном разделении палеолита рассматривают мустьерское время лишь как завершающий период раннего палеолита, который не имеет самостоятельного значения. Эту точку зрения разделяют С. Н. Замятнин, П. И. Борисковский, В. П. Любин, А. А. Формозов и другие, а среди антропологов — Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский, В. П. Якимов и др.

С. Н. Замятнин, обосновывая указанный взгляд, отмечал, что мустьерская эпоха полностью относится к раннему палеолиту, поскольку достигнутые в эту эпоху прогрессивные черты в развитии культуры и хозяйства будто бы недостаточны для того, чтобы выделить мустьерскую эпоху в качестве особенной ступени, равноценной по своей исторической значимости раннему и позднему палеолиту (Замятнин, 1951).

Антропологи полагают, что общество неандертальцев является заключительным этапом в развитии первобытного стада (Рогинский, 1954, стр. 149), хотя неандертальский человек и был отдельной фазой в процессе антропогенеза (Якимов, 1951, стр. 69).

Можно ли признать правильным указанный взгляд об отсутствии самостоятельного значения мустьерской эпохи и о двучленном разделении палеолита?

С нашей точки зрения такой вывод является неправильным. Учитывая огромные достижения в развитии хозяйства и культуры в мустьерскую эпоху, появление и развитие в этот период нового физического типа человека, отличающегося как от питекантропов, так и от кроманьонцев, можно с полным основанием говорить о разделении палеолита на три этапа, выделяя мустьерское время в качестве отдельного этапа, имеющего самостоятельное значение.

Во время первого этапа, который соответствует раннепалеолитическому времени, связанному с физическим типом питекантропов, синантропов и атлантропов, сформировался человек, изготовлявший первые примитивные орудия; во время второго среднепалеолитического этапа, соответствующего мустьерскому времени и характеризующегося

\* Данный тезис подтверждается также антропологическими данными — находками неандертальцев с прогрессивными чертами и кроманьонцев — с архаическими.

появлением нового физического типа первобытных людей — неандертальцев, были достигнуты значительные успехи в развитии хозяйства и культуры; и, наконец, во время третьего этапа, соответствующего позднепалеолитическому времени, когда появляется так называемый разумный человек, были сделаны новые шаги в развитии хозяйства и культуры.

Среднепалеолитический этап развития культуры несомненно имеет самостоятельное значение не только потому, что он связан с новым физическим типом — неандертальской фазой в развитии человека, но и потому, что человек в этот период овладел огнем, освоил технику домостроительства, что свидетельствовало об определенной оседлости, а также потому, что имеются основания относить именно к этому времени возникновение родового строя — более высокой по сравнению с первобытным человеческим стадом формы социальной организации.

Кроме того, следует указать, как это совершенно правильно отметил С. Н. Замятин, что именно в мустьерское время появились серии орудий типа остроконечников и скребел, предназначенных для работ, связанных с потребностями охотничьего хозяйства (Замятин, 1951; стр. 119). В этот же период появились первые орудия из кости, первые погребения, а также, вероятно, первые проявления искусства.

Все это убедительно свидетельствует о самостоятельном значении мустьерской эпохи в развитии первобытного строя и палеолитической культуры как определенного исторического этапа, имевшего свои специфические особенности сравнительно с ранним и поздним палеолитом.

Поэтому, на наш взгляд, совершенно правильно подходит к этому важному вопросу П. П. Ефименко, который в своей монографии «Первобытное общество» мустьерское время рассматривает в отдельном разделе, посвященном первобытной общине неандертальцев, оценивая последнюю в качестве самостоятельного этапа в развитии первобытного общества.

Концепция, согласно которой мустьерская эпоха является лишь заключительной фазой раннепалеолитического времени, как нам кажется, нивелирует те качественные изменения, которые в мустьерское время произошли в первобытном обществе, а также в природных условиях, окружавших человека того времени.

## 8. О ПУТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ РАВНИНЫ

По этому вопросу в последнее время рядом советских исследователей выдвинуто несколько теорий.

Рассматривая проблему путей заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита на основе анализа материалов мустьерских памятников СССР, С. Н. Бибиков пришел к выводу о кавказском происхождении мустьерской культуры Восточной Европы. Этот вывод, по его мнению, подтверждается морфологической близостью кремневого инвентаря, территориальной близостью и наличием на Кавказе значительного количества более древних палеолитических памятников, являющихся подосновой мустье (Бибиков, 1961, стр. 348—349; 1959; 1961б). Причиной передвижения древнего населения с Кавказа, по мнению С. Н. Бибикова, являлось давление излишка населения, требовавшего новых охотничьих угодий в условиях низкого уровня производительных сил с примитивным охотничьим хозяйством. Другая причина заключалась в изменении физико-географических условий (Бибиков, 1961а, стр. 349).

В. П. Любин, рассматривая данные о палеолите Турции, предположил, что сирийско-палестинская область и Малая Азия были связаны с Закавказьем в раннепалеолитическое время, а это позволило думать,

что расселение раннепалеолитического населения шло в северном направлении — через Кавказ в Европейскую часть СССР (Любин, 1957б, стр. 90). По В. П. Любину, в процессе передвижения человек освоил Кавказ еще в первой половине антропогена (Любин, 1960, стр. 78).

Учитывая находку удабнопитека, ряд исследователей придерживается взгляда, что Закавказье, юг Украины, Средняя Азия могли входить в зону родины человечества, в территорию, где мог осуществляться процесс антропогенеза (Борисковский, 1957, стр. 17—18).

Что же дают материалы раннепалеолитических и мустьерских памятников Приднестровья для ответа на вопрос о путях расселения древнепалеолитического человека.

В первую очередь следует указать, что материалы мустьерских памятников Приднестровья имеют несомненное сходство с материалами мустьерских стоянок Крыма, Кавказа, Волги и окружающих территорий (Польша, Чехословакия, Венгрия).

Изучение материалов мустьерских стоянок Крыма, Кавказа и Волги, хранящихся в музеях Ленинграда и Москвы (Бахчисарайская стоянка, Шайтан-Коба, Ахштырская, Джрабер VII, Кударо I — 3-й слой, Кударо II — 4-й слой и др.), дает основание для вывода о сходстве инвентаря этих стоянок с инвентарем таких памятников Приднестровья, как Молодова I, Молодова V и др.

Но на Днестре были также обнаружены материалы раннепалеолитического времени, пока еще малочисленные. Характеризуя эти материалы, мы подчеркивали, что они относятся преимущественно к концу раннепалеолитического времени. Мы указывали также на сходство инвентаря этих местонахождений и раннепалеолитических памятников Кавказа, отмечая увеличение количества раннепалеолитических памятников Приднестровья в направлении к югу (Черныш, 1961а, стр. 378).

Эти данные, на наш взгляд, позволяют согласиться с концепцией С. Н. Бибикова о южном происхождении раннепалеолитической и среднепалеолитической культуры юга Европейской части СССР, а также с положением о том, что расселение человека в северном направлении осуществлялось через Кавказ.

Отсутствие на территории Приднестровья остатков ископаемых человекообразных обезьян, антропологических находок и наиболее ранних кремневых изделий раннепалеолитического облика, которые были бы аналогичны, например, изделиям из Сатани-Дара, и наличие в этом районе только ашельских кремневых изделий, на наш взгляд, являются доказательством того, что процесс заселения этой территории, а также других районов УССР начался в ашельское время. Это подтверждается также найденными в последнее время в районе Житомира В. Месяцем выразительными ашельскими и мустьерскими материалами. Ашельские памятники были также обнаружены в ряде других пунктов территории УССР, но шельских находок встречено не было.

До настоящего времени на территории УССР наиболее древние кремневые изделия — ашельские. Следовательно, для территории УССР мы пока не имеем данных, которые бы свидетельствовали о возможности отнесения юга УССР к одной из зон, где мог осуществляться процесс очеловечения обезьяны, как это считает П. И. Борисковский на основании материалов из Луки Врублевцевкой (Борисковский, 1957, стр. 49).

\* \* \*

Анализ материалов раннепалеолитических и среднепалеолитических памятников Приднестровья позволяет составить следующую хронологическую таблицу, охватывающую раннепалеолитическое и мустьерское время (табл. 1).

Хронологическая таблица местонахождений раннего и среднего палеолита Приднестровья

Эпохи раннего и среднего палеолита	Многослойные стоянки Приднестровья		Другие стоянки и местонахождения Приднестровья		Особенности фауны млекопитающих; флора	Террасы Днестра	Геологическая датировка	Характерные черты техники обработки кремния и некоторые черты культуры и хозяйства	
	Молодова I	Молодова V							
Мустье	Позднее мустье	1-й слой мустье 2-й слой мустье 3-й слой мустье 4-й слой мустье 5-й слой мустье	слой 11б 11-й слой Слой 12а  12-й слой мустье	Касперовцы Сокол Ивановка Букивна Субботовка Хотин Печорна Нагоряне Бабин III Бабин VII Ожево Коларашевка Наславка Варваровка Бобулешты	Верхнепалеолитический комплекс	Мамонт (ранняя форма) преобладает в составе фауны; шерстистый носорог; лось; лошадь; бурый медведь; зубр; копытный лемминг; северный олень; благородный олень; пещерный лев  Флора: пихта	II терраса (25—35 м)	Калининское время W <sub>1</sub>	Двулощадочные, однолощадочные, подпризматические, треугольные, дискообразные нуклеусы; значительное количество пластили, часто встречаются небольшие диски, много ножевидных орудий на пластинах; скребла, остроконечники, отщепы, отдельные формы орудий позднего палеолитического времени (скребки, острия, резцы); появляются первые изделия из кости; отщепы часто с подправкой краев ударных площадок. Появляется техника домостроительства. Охота является главной формой хозяйственной деятельности
	Раннее мустье			Выхватинцы		Мамонт (ранняя форма), носорог, лошадь, пещерный лев, пещерная гиена, пещерный медведь, гигантский олень	Начало накопления аллювия II террасы	Микулинское время R — W	Однолощадные и дискообразные нуклеусы; встречаются рубила типа Ла Микок; массивные отщепы с крупными ударными бугорками, скребла, остроконечники. Охотничье хозяйство
Ашель	Поздний ашель			Бабин I Ченуша Лука Врублевская III Выхватинцы I—III Гура Каменка IV Рогожане	Хазарский комплекс	Фауна на стоянках не встречена	III терраса (50—60 м)	Днепрово-московское время R	Скреблообразные орудия с ретушью, следующей за очертанием краев; отщепы; отщепы, сколотые под тупым углом от площадки; на многих отщепках своеобразные выступы на брюшке, иногда двойные; наблюдается люстраж поверхности кремневых изделий, часто следы выветривания поверхности; встречаются рубила; нуклеусы кубообразные, дискообразные
	Ранний ашель			Лука Врублевская I Пояна		Фауна не встречена	IV терраса (70—80 м)	Лихвинское время M — R	Массивные крупные отщепы, сколотые под тупым углом от ударных площадок; крупные ударные бугорки, занимающие часто большую часть площади брюшка отщепов; массивные своеобразные выступы, часто двойные с радиальными трещинами
Шельль	Памятники шельльской эпохи на Днестре не найдены					V терраса (100—120 м)	Окское время M		

Эта таблица свидетельствует об увеличении количества более поздних стоянок и местонахождений по сравнению с более ранними периодами, что говорит о росте количества населения. Увеличение количества памятников в более северных районах Приднестровья по сравнению с более южными является показателем расширения зоны расселения древнего населения в направлении на северо-запад и север.

Рассмотренные в предшествующих разделах работы материалы раннепалеолитического и среднепалеолитического времени не дают основания для выделения двух групп памятников, различающихся по количеству орудий с двусторонней обработкой\*.

Такие две группы, как известно, были выделены на стоянках Кавказа (Абхазия, Армения), Крыма и других территорий (Замятнин, 1937; Формозов, 1958; Паничкина, 1959). В Крыму, согласно концепции А. А. Формозова, обе группы древнего населения существовали одновременно.

Существование этих двух групп с разницей в кремневом инвентаре объяснялось различием в хозяйстве (М. З. Паничкина, П. И. Борисковский), топографическими отличиями в их расположении или же наличием различных традиций в обработке кремня, которые сложились у обособленных общин (А. А. Формозов).

Для позднемустьерских комплексов в стоянках Приднестровья характерно небольшое количество рубил, значительное количество орудий на отщепках и пластинах. В этом стоянки Приднестровья сходны со стоянками Абхазии, Волгоградской, а также с такими стоянками Крыма, как Шайтан-Коба, Холодная Балка.

Черты общности в стоянках Приднестровья и памятников Крыма, Кавказа и других районов юга Европейской части СССР являются показателем культурно-исторического единства древнего населения юга Европейской части СССР. Эти общие черты в культуре объясняются общностью происхождения, одинаковым уровнем развития производительных сил, одинаковым уровнем развития охотничьего хозяйства.

Изучение материалов раннепалеолитических и мустьерско-леваллуазских памятников Приднестровья позволило осветить ряд важных проблем истории древнего населения этого района: Однако многие вопросы остаются пока не решенными, из-за недостатка конкретных данных на территории Приднестровья. Особенно мало освещенной остается пора раннего палеолита, отсутствуют антропологические остатки, мало исследовано раннемустьерское время.

Все это говорит о необходимости проведения дальнейших исследований палеолита Приднестровья, что будет способствовать решению многих проблем истории первобытного общества.

---

\* Между прочим, мнение о существовании двух групп очень напоминает концепцию А. Брейля о двух техниках в нижнепалеолитическое время: техники бифасов и техники отщепов, которые существовали обособленно и независимо, а позднее стали взаимодействовать. Критику этого взгляда см. в работе С. Н. Замятнина (Замятнин, 1951, стр. 107).

## ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
- Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
- Бадер О. Н. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму. ВДИ, 1939, № 1.
- Бадер О. Н. Исследования мустьерской стоянки у Волчьего грота. КСИИМК, вып. VIII, 1940.
- Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960.
- Бибииков С. Н. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. «Советская археология», 1959, № 4.
- Бибииков С. Н. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. «Четвертичный период», вып. 13—15. Киев, 1961а.
- Бибииков С. Н. О первичном заселении Восточной Европы. КСИА АН УССР, вып. 11. Киев, 1961б.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Шайтан-Коба. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 2. М.—Л., 1930.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения палеолита Крыма. «Труды 2-й Международной Конф. АИЧПЕ», вып. V. М.—Л., 1934.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Киик-Коба, М.—Л., 1940.
- Борисковский П. И. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Приднестровья. «Советская археология», XI, 1949.
- Борисковский П. И. Деякі доповнення до археологічної карти Середнього Подністрів'я. «Археологія», т. IV. Київ, 1950.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953.
- Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957.
- Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. «Советская археология», 1958, № 1.
- Бурлацкая С. П. О датировании археологических объектов археомагнитным методом. «Советская археология», 1962, № 3.
- Ворданянц Л. А. Постплиоценовая история Кавказо-Черноморско-Каспийской области. Ереван, 1948.
- Величко А. А. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. «Известия АН СССР, сер. географ.», № 2. М., 1957.
- Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов русской равнины. М., 1961.
- Воеводский М. В. Ранний палеолит русской равнины. «Ученые записки МГУ», вып. 158, 1952.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому океану, ч. 2. СПб., 1841.
- Виржиківський Р. Геологічна мапа України. Київ, 1933. «Всемирная история», т. I. М., 1955.
- Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. «Известия ГАИМК», вып. 118, 1935.
- Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта. «Советская этнография», 1958, № 3.
- Герасимов И. П., Марков К. К. Ледниковый период на территории СССР. «Труды Института географии», вып. 33. М.—Л., 1939.
- Горецкий Г. И. Об уточнении геологических датировок палеолита русской равнины. «Труды Геологического института», вып. 32, М., 1959.

- Горецкий Г. И. О путях решения некоторых спорных вопросов геологических датировок палеолита Русской равнины. «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961.
- Городцов В. А. Каменный период, ч. I. М., 1923.
- Городцов В. А. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 6—7. М.—Л., 1940.
- Городцов В. А. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. МИА, № 2, 1941.
- Гричук В. П. О геологическом возрасте археологических памятников, датированных палеоботаническими материалами. «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961.
- Гричук В. П. Стратиграфическое расчленение плейстоцена на основании палеоботанических материалов. «Хронология и климаты прошлого». М., 1960.
- Гричук В. П., Величко А. А., Серебряный Л. Р. О стратиграфическом положении археологических памятников, датированных палеоботаническими материалами. «Тезисы докладов рабочего совещания по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы». М., 1959.
- Громов В. И. Палеонтологические и археологические обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук», вып. 64. М., 1948.
- Громов В. И. Геологический возраст Сталинградской стоянки. КСИА АН СССР, вып. 82, 1961.
- Громов В. И., Мирчинк Г. Ф. Четвертичный период и его фауна. «Животный мир СССР». М.—Л., 1936.
- Громов В. И., Шанцер Е. В. О геологическом возрасте палеолита в СССР. «Известия АН СССР, сер. географ.», № 5, М., 1958.
- Давид А. И. Фауна млекопитающих антропогена Молдавии (автореферат диссертации). Киев, 1963.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
- Забнин С. И. Новоткрытая палеолитическая стоянка в Крыму. «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. II. Симферополь, 1928.
- Замятин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. «Труды 2-й Межд. Конф. АИЧПЕ», вып. V. М.—Л., 1934.
- Замятин С. Н. Палеолит Абхазии. «Труды Института абхазской культуры», вып. X. Сухуми, 1937.
- Замятин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. «Труды Института этнографии», т. 16. М.—Л., 1951.
- Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961.
- Зубарева В. И. Фауна палеолитической стоянки Выхватинцы. «Природа», № 3, 1949.
- Иванова И. К. О геологических условиях нахождения верхнепалеолитической стоянки Молодова I (Байловая Рипа). «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 22. М., 1958.
- Иванова И. К. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. «Труды КИЧПЕ», т. XV. М., 1959.
- Иванова И. К. Геология мустьерского поселения Молодова I (Байловая Рипа) в Среднем Приднестровье. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 24. М., 1960.
- Иванова И. К. Стратиграфия молодовских многослойных палеолитических стоянок в Среднем Приднестровье и некоторые общие вопросы стратиграфии палеолита. «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961а.
- Иванова И. К. Геология многослойных палеолитических стоянок правобережья Среднего Днестра. «Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода», т. I. М., 1961б.
- Иванова И. К. Геология и фауна палеолита и неолита Днестра. «Вопросы геологии антропогена». М., 1961в.
- Иванова И. К. Геология молодовских палеолитических стоянок на Среднем Днестре. «Anthropozoikum», t. XI. Praha, 1962.
- Иванова И. К., Черныш А. П. Абсолютный возраст верхнего палеолита (солютре, тип граветт) Приднестровья по данным радиоуглеродного анализа. «Доклады АН СССР», т. 148, № 2. М., 1963.
- Илларионов В. Г. К истории учения о ледниковом периоде. «Труды Горьковского педагогического Института». Горький, 1941.
- Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. «Ежегодник Русского антропологического общества при Петербургском университете», т. II. СПб., 1908.
- Колбутов А. Д. Основные этапы развития долины р. Б. Лиахвы. МИА, № 79, 1960.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
- Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 9, М., 1947.
- Крайнов Д. А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. «Советская археология», т. XXV, 1956.
- Крайнов Д. А. Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки. КСИИМК, вып. 78, 1960.
- Крокос В. І. Умови залягання палеоліту в м. Журавці на Прилуччині. «Антропология», т. 2. Київ, 1929.

- Лунгерсгаузен Л. Террасы Днестра. «Доклады АН СССР», т. XIX, № 4. М., 1938.
- Любин В. П. Нижнепалеолитические находки на Терек. «Труды КИЧПЕ», т. XIII, М., 1957а.
- Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. «Советская археология», т. XVII, 1957б.
- Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники в Юго-Осетии. МИА, № 79, 1960.
- Люблин В. П., Формозов А. А. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1948—1955). М., 1956.
- Месяц В. А. Житомирская раннепалеолитическая стоянка. КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962.
- Месяц В. А. Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира. КСИА АН СССР, вып. 92, 1962.
- Мирчинк Г. Ф. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории. «Труды 2-й Межд. Конф. АИЧПЕ», вып. V. М.—Л., 1934.
- Москвитин А. И. По следам палеолита и погребенным почвам через Днестр в Чехословакию. «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961.
- Москвитин А. И. Сравнительно-стратиграфический обзор разрезов плейстоцена Европейской части СССР, Польши и Чехословакии, содержащих следы пребывания палеолитического человека. «Вопросы геологии антропогена». М., 1961.
- Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
- Обручев С. В. По горам в тундрах Чукотки. М., 1957.
- Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, вып. 10, 1941.
- Окладников А. П. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. «Советская археология», 1958, № 4.
- Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки. «Северная Азия», 1929, № 3.
- Осборн Г. Человек древнего каменного века. Л., 1924.
- Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.
- Паничкина М. З. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», т. I. Л., 1959.
- Пидопличко И. Г. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952.
- Полянський Ю. Подільські етуди. «Збірник математично-природописнолікарської секції т-ва ім. Шевченка», т. XX, Львів, 1929.
- Раскатов Г. И. К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 18, М., 1953.
- Раскатов Г. И. О находке древнепалеолитических орудий у с. Буквица и о ее стратиграфическом значении. «Геологический сборник ЛГУ», т. I. Львов, 1954.
- Резніченко В. В. Мізинська палеолітична стоянка. «Труды природничотехнічного відділу Всеукр. Акад. наук», № 10. Київ, 1930.
- «Резолюция рабочего Совещания по принципам стратиграфии и периодизации палеолита Восточной Европы». «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957.
- Рогачев А. Н. Основные итоги и задачи изучения палеолита русской равнины. КСИА АН СССР, вып. 92, 1962.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа. «Советская этнография», 1954, № 1.
- Рудинський М. Я. З матеріалів до вивчення передісторії Поділля. «Антропологія», т. II. Київ, 1929.
- Рудинський М. Я. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II. Київ, 1949.
- Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы. «Советская археология», т. XII, 1950.
- «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961.
- Туров С. С. Очерки охотника-наблюдателя. М., 1952.
- Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1958.
- Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста палеолита. «Советская археология», т. XXV, 1956.
- Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста четвертичных окаменелых костей по отношению изотопов тяжелых элементов. «Вопросы геологии антропогена». М., 1961.
- Чернецов В. Н. Чум. «Советская этнография», 1936, № 6.
- Черныш А. П. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР. КСИИМК, вып. XXVI, 1949.
- Черныш А. П. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950а.
- Черныш А. П. Краткое сообщение об археологических разведках 1948 г. на Днестре. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 15. М., 1950б.

- Черныш А. П. Мустьерские местонахождения Среднего Приднестровья. КСИИМК, вып. 48, 1952.
- Черныш А. П. Звіт про дослідження палеоліту на Середньому Дністрі. «Наукові записки інституту суспільних наук», т. I. Київ, 1950.
- Черныш А. П. Карта палеоліту УРСР. «Наукові записки інституту суспільних наук», т. II. Київ, 1954.
- Черныш А. П. Разведки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г. «Известия Молдавского филиала АН СССР», вып. 4. Кишинев, 1956.
- Черныш А. П. Верхнепалеолитическая стоянка Молодова I. «Бюллетень КИЧПЕ», вып. 22. М., 1958.
- Черныш А. П. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. «Труды КИЧПЕ», т. XV. М., 1959а.
- Черныш А. П. О стратиграфическом значении молодых стоянок. «Тезисы докладов рабочего совещания по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы». М., 1959б.
- Черныш А. П. Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья. «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской народной республики». Кишинев, 1960а.
- Черныш А. П. Остатки жилища мустьерского времени на Днестре. «Советская этнография», 1960б, № 1.
- Черныш А. П. К вопросу о мустьерских жилищах. КСИА АН УССР, вып. 10. Киев, 1960в.
- Черныш А. П. Результаты новейших исследований палеолита Днестра. Четвертичный период, вып. 13—15. Киев, 1961а.
- Черныш А. П. Некоторые вопросы периодизации и геологической датировки палеолита Юго-Запада Европейской части СССР в связи с новыми данными о многослойных стоянках долины р. Днестра. «Труды КИЧПЕ», т. XVIII, М., 1961б.
- Черныш А. П. Палеолитична стоянка Молодова V. Киев, 1961в.
- Черныш А. П. Мустьерские слои стоянки Молодова V. КСИИМК, вып. 82, 1961 г.
- Черныш А. П. Дослідження мустьє на Дністрі. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», т. IV. Киев, 1962.
- Шовкопляс И. Г. Жилище Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, вып. 6. Киев, 1956.
- Шренк А. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1894.
- Эрнст Н. Л. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму. «Труды 2-й Межд. Конф. АИЧПЕ», вып. V. М.—Л., 1934.
- Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза. «Труды Института этнографии», т. XVI. М.—Л., 1951.
- Bárta J. Industria moustierského okruhu na západnomoslovensku. «Památky archeologické», LII. Praha, 1961.
- Boule M. Les Hommes Fossils. Paris, 1921; 4 éd., Paris, 1953.
- Bordes F. Les couches moustériennes du gisement du Moustier (Dordogne), Typologie et techniques de tailles. Bull. Soc. Préhistorique, t. XLV, № 3—4. Paris, 1948.
- Bordes F. Les limons quaternaires du bassin de la Seine. Stratigraphie et archéologie paléolithique. Paris, 1952.
- Bordes F. Levalloisien et moustérien. Bulletin de la Société Préhistorique Française, t. L, № 4. Paris, 1953a.
- Bordes F. Essai de Classification des industries «moustériennes». «Bulletin de la Société Préhistorique Française», t. L, № 7—8, Paris, 1953b.
- Bordes F. Le passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur, Hundert Jahre neanderthaler. Utrecht., 1958a.
- Bordes F. Loess et chronologie du Paléolithique, L. «Anthropologie», t. 62, № 1—2. Paris, 1958b.
- Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen, t. I. Bordeaux, 1961.
- Botez J. Date paleolitice pentru stratigrafia loessului in Nordul Basarabiei. «Academia Romana, Memoriile sectiunii stiintifice», seria III, t. VII, mem. V. Bucuresti, 1930.
- Botez J. Recherches de paleontologie humaine au Nord de la Bessarabie. «Extrait des Annales scientifiques de L'Université de Jassy», t. XVII, fasc. 3—4. Bucuresti, 1933.
- Breuil A. Les industries a éclats du paléolithique ancien. «Prehistoire», t. I. Paris, 1932.
- Breuil A. et Kozłowski L. Etudes des stratigraphie paleolithique dans le Nord de France, la Belgique et Angleterre, L. «Anthropologie», t. 41—43. Paris, 1931—1934.
- Breuil H. et Lantier R. Les Hommes de la pierre ancienne (paleolithique et mesolithique). Paris, 1959.
- Brooks E. The correlation of the Quaternary deposits of the British Isles with those of the continent of Europe. «Annual Report of the Smithsonian Institution for 1919» (1919).
- Burkitt M. Pleistocene deposits in England and the Continental chronology. Proceed. of the Prehistor. Soc. of East England for 1919—1920 (Bd. 3).
- Combiér J. Chronologie et Systématique du Moustérien Occidental. Données et Conceptions nouvelles. «Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche», vol. I. Roma, 1961.
- Garrud D. and Bate D. The Stone Age of Mount Carmel, vol. I. Oxford, 1937.

- Graham R. Zeitlinien der altsteinzeitlichen kulturentwicklung, «Eiszeitalter und Gegenwart», Bd. 2, 1952.
- Guillen Y. La couverture végétale de l'Europe pleistocene. «Annales de géographie», № 344, 1955.
- Higgs E. A middle paleolithic industry in Greece, Man, № 1, 1963.
- Lumley de H. et Perello E. Le remplissage et l'industrie moustérienne de l'abri Romani, L. «Anthropologie», t. 66. № 1—2, Paris, 1962.
- Kelley H. Contribution à l'étude de la technique de la taille levaloisienne, Bull. Soc. Preh. Franc, t. LI, № 3—4. Paris, 1954.
- Klima B. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren. Quartär, Bd. 9, 1957.
- Kormos T. La station moustérienne de Tata, Budapest, 1913.
- Kozłowski L. Die ältere Steinzeit in Polen, Die Eiszeit. t. I, Leipzig, 1924.
- Kozłowski L. Zarys pradziejow Polski poludniowo-wschodniej, Lwow, 1939.
- Krukowski S. Paleolit Polski. «Encyklopedia Polska», t. IV, część I. Kraków, 1939—1948.
- Moroşan N. Noui contributii preistorice asupra Basarabiei de Nord. Ac. Romana, mem. sect. stiintifice, seria III. t. 6. m. I. Bucureşti, 1929.
- Moroşan N. Le Moustérien dans le Nord de la Moldavia, L. «Anthropologie», t. LXI, № 1—2. Paris, 1931.
- Moroşan N. Le pléistocene et le paléolithique de la Roumanie du Nord-est. Bucureşti, 1938.
- Mortillet A. L'Industrie achéleenne en Galicie, L. «Homme préhistorique», 1909, № 8.
- Narr K. Abriss der altsteinzeitlichen Kulturen (insbesondere Europas). Schr. Naturwiss. Vereins Schleswig-Holstein, № 2, 29, 1959.
- Penck A. Das Alter des Menschengeschlechtes auf deutschen Boden. «Die Umschau», № 25, heft 14, 1928.
- Peyrony D. Le Moustier, ses gisement, ses industries, ses couches géologiques. «Revue anthropologique», № 1—3, 4—6, f. 12. Paris, 19, 1930.
- Peyrony D. La Ferrassie. «Prehistoire», t. III. Paris, 1934.
- Peyrony D. Elements de Prehistoire. Paris, 1948.
- Pradel D. Le mousterien. Bull. Soc. Prehist. Franc. № 8. Paris, 1954.
- Prošek F. Paleolitické osídlení Čech ve světle novějších výzkumů. «Casopis Národního musea», ročn. CXVI. Praha, 1947.
- Prošek F. Mladopaleolitická obydlí v československu. «Pamatky archeologické», LII. Praha, 1961.
- Prošek F., Ložek V. Stratigraphische übersicht des tschechoslowakischen Quartärs. «Eiszeitalter und Gegenwart, Öhringen», № 8, 1957.
- Schmidt R. Die diluviale Vorzeit Deutschlands. Stuttgart, 1912.
- Solecki R. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq. Reprinted from Science, January 18, Vol. 139, № 1551.
- Soergel W. Löss, Eiszeiten und paläolithische Kulturen. Jena, 1919.
- Werth E. Der fossile Mensch. Berlin, 1922.
- Wiegiers F. Diluvialprähistoire als geologische Wissenschaft. Abhandlungen der Preussische Geolog. Landesanstalt. Heft. 84, 1920.
- Vértés L. Das Moustérien in Ungarn. Eiszeitalter und Gegenwart, Band. 10. Öhringen, 1959.
- Valoch K. K chronologii Paleolitických kultur v československu. «Anthropozoikum», t. 9. Praha, 1961.
- Zeuner F. Dating of the Past. London, 1953.
- Zebera K. Jungpalaeolitische Kulturen in system der Tschechoslowakischen Pleistozäner sedimente. «Chronologie Préhistorique de la Tchécoslovaquie». Prague, 1956.
- Zebera K. Paleolitické osídlení Čech ve světle současných výzkumů. «Anthropozoikum», t. II, Praha, 1952.
- Zebera K. Československo ve starší době kamenné. Praha, 1958.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . .	3
Глава 1. История исследования и условия нахождения памятников раннего и среднего палеолита . . . . .	5
Глава 2. Раннепалеолитические местонахождения . . . . .	14
Глава 3. Среднепалеолитические стоянки и местонахождения . . . . .	28
Глава 4. Итоги исследований . . . . .	115
Литература . . . . .	133

*Черныш Александр Панкратьевич*

**Ранний и средний палеолит Приднестровья**

**Труды Комиссии по изучению четвертичного периода,  
том XXV**

*Утверждено к печати*

*Комиссией по изучению четвертичного периода*

Редактор издательства *О. Н. Евтюхова*

Технический редактор *И. Н. Дорохина*

Сдано в набор 3/ХІІ 1964 г. Подписано к печати 24/ІІІ 1965 г.  
Формат 70×108<sup>3</sup>/<sub>16</sub>. Печ. л. 8,75+5 вкл. Усл. печ. л. 11,99+5 вкл.

Уч.-изд. л. 13,1 (11,8+1,3 вкл.) Тираж 1300 экз. Т-04547

Изд. № 2265. Тип. зак. 1523. Темплан 1964 г. № 139.

*Цена 90 коп.*

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

---

2-я типография изд-ва «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

90 к.